

Татарстан Фәннәр академиясенең

Тарих институты

ТАТАР АРХЕОЛОГИЯСЕ



№ 1—2 (8—9)

Казан — 2001

Равиль Фахрутдинов	
Г.А.Федоров-Давыдов (к 70-летию со дня рождения)	3
Александр Терещенко	
Окончательное исследование местности Сарая, с очерком следов Дешт-Кипчакского царства	11
Валентин Лебедев, Виталий Клоков	
Монеты с юго-восточных окраин Сарая.....	19
Наиль Набиуллин	
Город Джукетау в XIII-XIV вв. (к проблеме перехода домонгольского города в золотоординский)	47
Вячеслав Баранов	
Клад медной посуды из Болгар	64
Константин Руденко	
Бронзовые чаши с серебряной инкрустацией из собрания Национального музея Республики Татарстан (к вопросу о булгарской торевтике эпохи Золотой Орды)	91
Гульшат Асылгараева	
Морфологические исследования остеологических материалов селищ северо-западной округи Биярского городища	118
Михаил Ельников	
Памятники периода Золотой Орды Нижнего Поднепровья: история изучения, итоги и перспективы	126
Екатерина Армарчук	
Мавзолей Тюрабек-ханым в Старом Ургенче: форма, функция и возраст	166
Критика и библиография	
Леонард Недашковский	
Книги о торевтике золотоординского времени	187
Хроника	
Конференция, согретая теплом сердец и благодарной памяти.....	191
Памяти Т.А.Хлебниковой	200
Сведения об авторах	203
Список сокращений	204



Равиль Фахрутдинов
Г.А.Федоров-Давыдов
(к 70-летию со дня рождения)

Герман Алексеевич Федоров-Давыдов был выдающимся ученым-исследователем, крупнейшим знатоком истории и культуры средневекового кочевого мира Евразии и золотоордынских городов. Являясь профессионалом поистине высокого класса, он сочетал в себе небывалые до него одинаково глубокие знания в истории, археологии, нумизматике и истории искусства Тюрко-степного мира. Правда, и до него были крупнейшие исследователи, оставившие яркий

след в востоковедении, в изучении огромного историко-культурного наследия Великой степи с центрами богатейшей городской культуры – Френы, Березины, Григорьевы, Радловы, Бартольды, Якубовские, Артамоновы, Гумилевы и другие. Однако наш покойный юбиляр достиг таких высот в исследовании прежде всего материальной культуры и социальной структуры золотоордынских городов, в целом средневековой археологии и нумизматики, что явилось целой эпохой в открытии важнейшей страницы истории мировой культуры.

Под руководством Германа Алексеевича достигнуты огромные успехи в 30-летних ежегодных исследованиях золотоордынских городов. Изучение истории и культуры городских центров Улуса Джучи, в целом золотоордынской цивилизации, начатое и успешно проведенное дореволюционными, советскими и зарубежными учеными, в исследованиях Г.А.Федорова-Давыдова, благодаря планомерным, широко поставленным им полевым работам, его высокому профессионализму и природному таланту, было поднято на новую качественную высоту. В «Памяти Германа Алексеевича Федорова-Давыдова», написанной группой его учеников и соратников, справедливо отмечено: «Среди историков и археологов, посвятивших себя изучению Золотой Орды, он, несомненно, был и навсегда останется наиболее значительной фигурой»¹.

Нам уже приходилось писать о Германе Алексеевиче в некрологе, посвященном ему и опубликованном на страницах нашего журнала². Не повторяя сказанного тогда, хочется весьма кратко напомнить уважаемым читателям основные вехи его жизненного и творческого пути. Он родился 17 июля 1931 г. в Москве, в семье высокообразованных, интеллигентных людей: отец Алексей Александрович, из семьи обедневших дворян, стал видным ученым-искусствоведом, заведующим кафедрой Московского университета, мать Ирина Николаевна, из купеческой семьи, – художником-дизайнером. Дальше – типичный путь молодого человека по стопам отца, в науку. После школы – вуз (Московский университет), аспирантура, кандидат наук – доцент, доктор наук – профессор. А не типичные, довольно редкие, скорее

странные на первый взгляд, с точки зрения русского обывателя, – исследование и пропаганда истории «чужих» племен и народов, «враждебных» государств. Да еще каких – «диких» половцев, «поганых» татар, «проклятой», «мамаевой» Золотой Орды! Но это лишь на первый взгляд. Сколько талантливейших русских и русскоязычных (европейских, ближневосточных, прибалтийских) ученых посвятили свою жизнь изучению истории и культуры Степного тюркоязычного мира, Золотой Орды, Казанского, Крымского и других татарских ханств – это историки-востоковеды, лингвисты-туркологи, прекрасные специалисты по средневековой археологии, нумизматике, эпиграфике, истории искусства... Речь, конечно, идет о тех, кто писали или старались писать правду об истории народов обширных евразийских степей от Орхона до Подунавья, об истинных интернационалистах. Эти благородные ученые не только исследовали и пропагандировали историю восточного мира, но оставили после себя накопленный ими десятилетиями, столетиями богатейшей материал по археологии, нумизматике, искусству древнего и средневекового эпох. Мы, тюркоязычные народы, – татары и другие – вечно благодарны им и среди них незабвенному Г.А.Федорову-Давыдову.

Герман Алексеевич, имевший с детства прекрасные способности к математике, мог идти в технические науки и сделать там немало больших открытий или же, выросший в семье специалистов по русскому искусству, имел прекрасную перспективу развития своего таланта в исследованиях именно русского искусства и археологии. Но он повернулся лицом к Востоку. Первую свою археологическую практику он прошел в составе знаменитой Хорезмской экспедиции под руководством известного этнографа и археолога С.П.Толстова, что и определило всю дальнейшую судьбу молодого исследователя. Дипломная работа, а потом и первая солидная публикация Германа Алексеевича родились на материале раскопок городища Таш-Кала в Старом Ургенче. Его первая диссертация, кандидатская, была защищена на тему «Клады золотоордынских монет», вторая, т.е. докторская – «Кочевники Восточной Европы с X по XIV вв.»

Г.А.Федоров-Давыдов успешно занимался также изучением вопросов денежного дела Руси XIV-XV вв., показав значение древнерусских монет в качестве важного источника по политической и социальной истории русских княжеств того времени³. В своей первой научно-популярной книге «Монеты рассказывают»⁴, в другой книге этой же серии под названием «Монеты – свидетели прошлого»⁵ он увлеченно рассказывал об античных, средневеково-европейских, византийских, арабских, сасанидских (иранских) и китайских монетах. Герман Алексеевич занимался и сарматской археологией (открытие и раскопки им богатейшего могильника в Астраханской области, выявившие поистине сенсационные находки), палеоантропологическими исследованиями и общефилософскими вопросами взаимоотношений в связи с историей Великого шелкового пути; проблемами математи-

ко-статистических методов в археологии, в разработке которых помог его врожденный математический склад ума.

Но при всем этом Г.А.Федоров-Давыдов был и остается специалистом №1 по джучидской (золотоордынской) нумизматике, по археологии золотоордынских городов и в целом Золотой Орды, словом, главным «золотоордынцем» в качестве специалиста мирового масштаба. Основная часть 260 опубликованных им научных и научно-популярных работ, среди них и 26 книг, посвящена именно истории, археологии, нумизматике и искусству Золотой Орды и кочевого мира Восточной Европы.

Такие его работы, как: «Клады джучидских монет», «Находки джучидских монет»⁶, в которых на основании статистического изучения колосального числа нумизматических объектов (949 - 339 кладов и 610 находок монет; последние являются в сущности остатками кладов. Многие клады состоят из сотен и тысяч, а иные – даже из десятков тысяч монет), выявленных на огромной территории Евразии от Средней Азии и Западной Сибири до низовья Дуная, от Сузdalско-Нижегородско-Казанских широт до Закавказья, порою до Северного Ирана, выделены периоды денежного обращения в Золотой Орде, соответствующие основным эпохам ее истории, хронологическими границами которых являются общегосударственные денежные реформы⁷; монография «Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов»⁸, посвященная исследованию истории материальной культуры (типологии вещей, системы датировок, каменных изваяний), а также религии, хозяйства и быта тюркоязычных кочевых племен X-XIV вв. Юго-Восточной Европы (печенегов, торков, половцев); монография «Общественный строй Золотой Орды»⁹ как исследование специфических черт кочевников европейских степей под властью джучидов, взаимоотношений городов и Степи в Золотой Орде, феодального строя Улуса Джучи, освещенные по преимуществу на материалах письменных источников, среди которых особое значение имеет тарханные ярлыки – в этой работе впервые в науке детально освещаются проблема улусной системы Золотой Орды, вопросы взаимоотношения государственной власти с кочевой аристократией, показано сходство, часто идентичность государственного управления и всей общественной системы Золотой Орды с таковыми последующих татарских ханств; красива оформленная и прекрасно изданная полиграфически большеформатная книга «Искусство кочевников и Золотой Орды»¹⁰, где показаны генезис и развитие знаменитого «звериного стиля» сибиро-алтайских скифов I тысячелетия до н.э., орнаментальное изобразительное искусство раннесредневековых кочевников, монументальная скульптура торков (населения Великого Тюркского каганата и Дешт-и-Кипчак), наконец, искусство золотоордынских городов – вот эти замечательные труды еще при жизни их автора стали классическими, поистине настольными книгами исследователей истории и культуры Золотой Орды, всего средневекового тюркоязычного мира евразийских степей.

С уверенностью можно сказать, что такой же настольной станет одна из последних работ Г.А.Федорова-Давыдова – «Золотоордынские города Поволжья» в двух книгах, первая из которых была опубликована при жизни автора¹¹, вторая появилась буквально недавно. В предисловии к первой книге, несомненно ценного историко-археологического исследования, касаясь вопроса отношения к Золотой Орде в советской исторической науке, Герман Алексеевич писал, что на сессии Отделения истории и философии АН СССР 1946 г., посвященной этногенезу татарского народа, «замалчивался золотоордынский период, делался упор на болгарский домонгольский компонент в сложении татарского этноса в Среднем Поволжье. Только М.Н.Тихомиров нашел в себе смелость заявить о значении Золотой Орды в истории татарского народа»¹². Хочется особо подчеркнуть, что признание Г.А.Федоровым-Давыдовым – именитым, крупнейшим исследователем истории и культуры Улуса Джучи – золотоордынского средневековья нашего народа является для нас большой научной поддержкой.

Герман Алексеевич писал так, как принято говорить в отношении безупречно проделанных работ, что «комар носа не подточит». Однако язык его трудов – это не только официальный, строгий академичный язык. Говоря о культуре Золотой Орды, он называет ее «культурой поливных чаш и мозаичных панно на мечетях, арабских звездочетов, персидских стихов и мусульманской духовной учености, толкователей Корана и математиков-алгебраистов, изысканно тонкого орнамента и каллиграфии». Или вот: «Изнеженность чувств, тонкий аромат цветов, красота женщин воспевались на этом языке (имеется в виду литературный язык Золотой Орды под названием «поволжский тюрки». – Р.Ф.), и вместе с тем в этой литературе было много и демократических мотивов и выражений народных мыслей и мудрости»¹³.

Это пишет не поэт, не журналист, побывавшие на археологических раскопках, а ас археологии, к тому же казавшийся немногословным, замкнутым и строгим, но глубоко преданный своей древней и вечно молодой науке – археологии, десятилетиями живший ее полевой романтикой, влюбленный в ковыльную степь, в таинственные балбали, в развалины монументальных сооружений средневековых городов.

Однако эта романтика давалась ему нелегко. Нетрудно представить себе, каково было ему в ежегодных экспедициях под палящим южным солнцем, годами, ежедневно в полевых условиях делать себе инсулин от коварной болезни сахарного диабета. При всем этом он не жаловался на свой недуг. Помню, один раз он как-то скрупультно открыл передо мной. На вопрос: «Как Вы себя чувствуете, Герман Алексеевич?», он коротко сказал о перебоях с поступлением импортного, бельгийского инсулина, а за полгода до своей кончины в письме сообщил мне, что у него уже отказывают почки.

Герман Алексеевич скончался 23 апреля 2000 г. Проводить его в последний путь было невероятно тяжело. Плакали многие, не только

женщины, но и мужчины. Говорят, что смерть не бывает без сожаления: как не вовремя, рано ушел человек, оставив после себя массу начатых работ, как много полезного и хорошего он мог еще сделать, как он нужен нам сегодня... Не перечисляя всего того, чего не успел завершить Г.А.Федоров-Давыдов, хотелось бы несколькими словами коснуться судьбы одного клада джучидских монет, который можно назвать выдающимся как по своему объему (около 25 тысяч дирхемов – это самый крупный из кладов серебряных золотоордынских монет, известных науке), так и по своей значимости для мусульманской нумизматики, в целом для истории и культуры Золотой Орды. Это Каратунский клад, найденный в 1986 г. на западе Татарстана при дорожно-строительных работах, который я передал Герману Алексеевичу для определения. Он очень обрадовался находке такого крупнейшего клада, более десяти лет посвятил его исследованию, хотел в будущем издать его в виде отдельной книги. Не суждено было. Но он успел определить весь клад, составил полную картотеку и сделал зарисовки значительного числа монет. Основную часть клада составляют монеты чекана Тохтамыша – в кладе содержатся почти все виды и типы дирхемов этого хана. Остальные золотоордынские монеты, обрезанные, представлены чеканкой большинства правителей Золотой Орды XIV в. от Узбека до Бик-Пулада. Имеется также несколько медных джучидских пуллов. Клад содержит в себе немалое число (около 700 экземпляров) подражаний золотоордынским дирхемам. Незначительную примесь составляют монеты Иранской династии Джалаиридов и монеты Тимура. Имеется несколько монет с рязанскими надчеканками и единичные русские монеты.

Теперь весь этот ценнейший научный материал необходимо издать с именем Г.А.Федорова-Давыдова, соавтором которого взялся быть известный нумизмат и эпиграфист Дж.Г.Мухаметшин. Глубоко уверен, что подобное издание будет замечательной памятью о великом нумизмате Германе Алексеевиче Федорове-Давыдове.

Пройдут годы, десятилетия, сменятся поколения. В науку придут новые силы, новые таланты. Но то, что сделал Г.А.Федоров-Давыдов в исторической науке, не забудется, не исчезнет никогда! Его светлый образ с нами, мы глубоко чтим его – прекрасного человека, выдающегося ученого и Учителя!

Примечания:

¹ Дворниченко В.В., Егоров В.Л., Яблонский Л.Т. Памяти Германа Алексеевича Федорова-Давыдова //РА. - 2000, №4. - С.249.

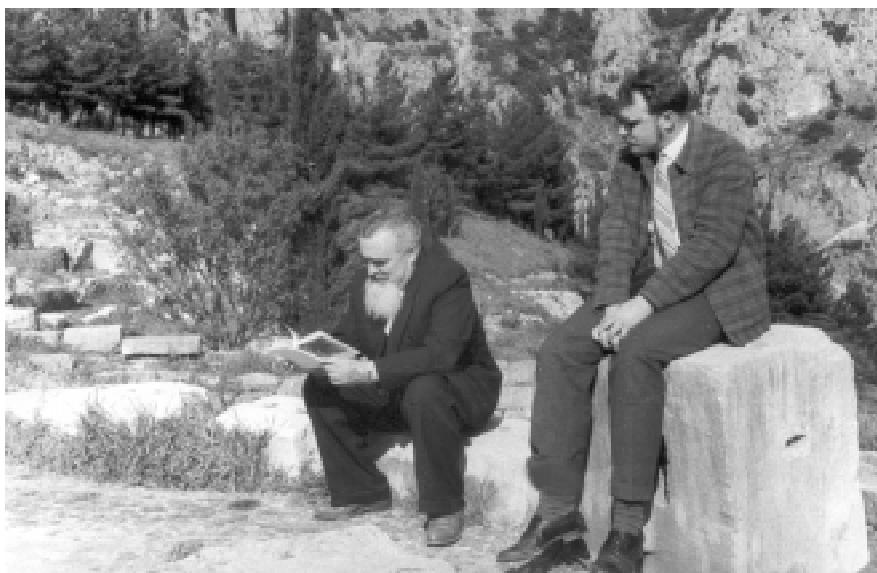
² Фахрутдинов Р.Г. Памяти Г.А.Федорова-Давыдова //ТА. - 2000, №1-2 (6-7). -С.225-229.

³ Федоров-Давыдов Г.А. Монеты Московской Руси. – М.: Изд-во Московск.ун-та, 1981. –222 с.; Он же. Монеты Нижегородского княжества. – М.: Изд-во Московск.ун-та, 1989. –255 с.

⁴ Федоров-Давыдов Г.А. Монеты рассказывают. – М.: Изд-во АН ССР, 1963. –136 с.

⁵ Федоров-Давыдов Г.А. Монеты – свидетели прошлого. –М.: Изд-во

- Московск.ун-та, 1985. –176 с.
- ⁶ Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет //НЭ. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. –Т.1. – С.94-192; Он же. Находки джучидских монет //НЭ. – М., Изд-во АН СССР, 1963. –Т.IV. - С.165-221.
- ⁷ После публикации вышеназванных сводов количество джучидских монет постепенно росло и они нашли публикацию в ряде работ Г.А.Федорова-Давыдова и других нумизматов. Однако завершить составление общего Свода всех известных золотоордынских монет помешала Герману Алексеевичу его преждевременная смерть.
- ⁸ Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М.: Изд-во Московск.ун-та, 1966. – 274 с.
- ⁹ Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. – М.: Изд-во Московск.ун-та, 1973. –180 с.
- ¹⁰ Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. – М: Изд-во «Искусство», 1976. – 227 с.
- ¹¹ Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. – М.: Изд-во Московск.ун-та, 1994. -228 с.
- ¹² Там же. – С.3.
- ¹³ Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников... - С.118.



А.В.Арциховский (слева) и Г.А.Федоров-Давыдов. Греция, 1960 г.



На заседании кафедры археологии МГУ, слева направо: В.Л.Янин, Д.А.Авдусин, Г.А.Федоров-Давыдов, Л.Р.Кызласов, Г.Ф.Полякова.



У Храма Огня в Баку.
На переднем плане –
Г.А.Федоров-Давыдов (спра-
ва) и В.В.Дворниченко.



Учитель и ученик – А.П.Смирнов и Г.А.Федоров-Давыдов. Раскопки
Водянского городища (остатки золотоордынского города Бельджамен).

Александр Терещенко

Окончательное исследование местности Сарай, с очерком следов Дешт-Кипчакского царства^{1*}

Местность Сарай была подвергаема раскопке в 1850 и 1851 годах, во всех возможных направлениях: не только окрестности бывшей столицы, но решительно все средоточие его и древнее магометанское кладбище, не остались без расследований. При постоянных усилиях открыть в целости памятники письменные, не было в том успеха, ибо все откапывалось перегоревшим или до того пережженым, что открытые в пепле камень и металл и вынутые оттуда крошились как пересохшая глина. Иногда нельзя было узнати перегоревшего металла, т.е. благородный ли он, или неблагородный, и лишь по блеску беловатому, с золотистыми искрами, можно было заключить, что это был благородный металл. Несмотря на реские остатки повсеместного истребления огнем, попадались доски, столбы деревянные и каменные и бревна: последние были длиною около трех саженей. Под ними валялись карнизы, камни из породы гранита, мрамор зеленоватый с крапинами, красный, синеватый, бело-серый и белый, наподобие каарского. Попавшиеся же во множестве израсцы голубые, синие, зеленые и белые имели остатки от надписей и узоров. Так на одном, беловатом, разбитом на-четверо, находились по средине лилии, а по краям следующие персидские стихи:

«О сердце! смотри на мир по твоему желанию. Смотри, как в нем люди подвергаются испытаниям, подобно Ною в течение тысячи лет [его жизни]. Смотри, как в мире разведено много садов и цветов. Смотри, сколько воздвигнуто в свете исполинских чертогов и дворцов! Смотри, во сколько тысяч атласу и парчей золотых облекали себя [люди] гордо и вслед за тем уничтожали их»².

Израсцы мозаические, находимые между горелым, на стенах зданий обрушенных, в стенах на полу комнат и на самом полу, были перебиты или прокопчены дымом; позолота же на них, украшения, изображения разнообразные и цветы, как-то: лилии, тюльпаны, незабудки, звездочки, кружечки и письмена, все это, часто покрытое одним чистым золотом, было прокопчено дымом, от чего слетала позолота при легком дуновении. Цвет красок мозаика: голубой, синий, красноватый, палевый и белый, сохранил большею частью свою прекрасную яркость; но жаль было смотреть на обвалившиеся стены мозаические, погребенные под кучами камней, известки, щебня, уголья и сажи. Иногда ряды карнизов и мозаика лежали под спудом перегорелого; там же валялись обломки колонн, расцвеченных голубым, палевым и темно-кирпичным мозаиком. Рисунки на колоннах состояли из одинаковых цветов, как на стенах. Под основаниями зданий и около них откапывались трубы водопроводные. В двух, сравнявшихся с землею, зданиях торчали в углу одной комнаты две печи, из коих в одной найдена глиняная разбитая посуда, скорлупа яичная, косточки бараны и рыбы, а в другой была выюшка железная

и горшок с перегоревшим хлебом. По направлению водопроводных труб, лежавших недалеко от высохшего пруда, были два горна, уже разрушенные: внутри их и около были разбросаны слитки металлические и стеклообразные. Иногда на отвалившейся штукатурке виднелись надписи изглаженные или одни остатки от них. Так на одном осколке было несколько слогов на арабском языке: *велаке мен*, т.е. страсть к тебе.

Отрываемый в ямах зерновой хлеб был, так сказать, засыпан угольями, сажею и золою. На ровных местах откапывали тогда горелое, толщиною на аршин и там попадались пережженные медные чаши, котлы чугунные и сосуды глиняные разнообразные. При открытии одного каменного подвала, были найдены на полу: парча, прониски цветные, корзины плетеные из тростника и растения, называемого куга (род тонкого тростника); масло в кувшинах, орешки печенные из пшеничной муки и хлеб в кусках: все это было сожжено. Орешки суть четырехугольные, которые доселе в большом употреблении между царевскими Татарами, пекущими их на масле. Мне известно, что такими орешками лакомятся и Русские. Трудно решить: кто от кого позаимствовал их? - В двух разрушенных комнатах стоял, подле стены, горшок с бараньим жиром, около валялись скорлупа от яиц куриных, кости куриные, шелуха от крупной и мелкой рыбы, мука пережженая, тростник и веревочки перегорелые. На блюде же зеленоватого цвета и уже разбитом лежало смолистое вещество, издававшее душистый запах. В углу других комнат лежала в куче писчая бумага, обратившаяся в сажу, и кувшинчик, внутри коего были лоскуточкишелковой материи. Израсцы мозаические, там попадавшиеся, имели остатки от надписей, коих иные буквы величиною до 7 вершков. Весьма много валялось еще израсцов, крытых одним золотом. Противоположно этому зданию было отыскано несколько форм гипсовых, с изображением на них цветов и разводов. На одной форме выставлена по краям надпись, которая изображена наоборот, и слова, по всей вероятности, суть: *эль-мюльк* государство, господство, к коим не достает *Аллаг*; в соединении с этим слогом можно бы составить тот смысл, что *господство принадлежит Богу*.

Кости рогатого скота, лошадиные и верблюжьи, бабки и альчики, находились кучами; некоторые из бабок и альчиков были налиты свинцом. Были кости резаные и приготовленные для черенков, рукояток, набалдашников, прутиков рукodelьных и кружков; последние насаживались на черенки, вместо украшений. Было найдено несколько зубов от гребня женского, раковин перламутровых и речных мелких, носимых на шее вместо пронизок. В одной раковине перламутровой была тертая синяя краска.

Предметы хозяйственных потребностей отрывались так же, как и прежде; они суть: топоры, обухи, молоты, пилы, серпы, ковыры (коими подчищают растения в садах и огородах), лопатки, обручи, петли дверные, болты и засовы. Краска: бакан, синяя, желтая, голубая,

красная, кирпичная, белила, и замазка стекольная. Краска попадалась разбросанную по земле и в разбитых сосудах: чашах, мисках, горшечках и кувшинчиках. Бруски, камни точильные, жернова мельничные и ручные, грифельные обломки, формы гипсовые, каменные, свинцовые; посуда медная, фаянсовая, стеклянная, глиняная простая и разноцветная, чернильницы цветные и стеклянные. Некоторые надписи на кувшинах довольно замечательны; так например, из отысканных в прежние годы вокруг пояска одного тыквообразного кувшина: *Няңг ұнамим тюкурек алдын алтун марқаби...* *Сағи ми тұлтур хқади алтун марқаби*, т.е. лишив меня части и славы, ты отнял мою чашу золотую... Наполнив вином золотую чашу, обратил ее в золото.- Чернильницы цветные имели подпись и украшения. На одной персидская надпись, которую читают двояко: а) *кавқаби даулет мюльк берадер Ибн-Айдар*, т.е. звезда могущественного царства, брат Ибн-Айдара, и б) *мюреккеб дан мелик берадер Ибн-Айдар*, т.е. чернильница царя, брата Ибн-Айдара. На некоторых чашах были узоры с позолотой, а на других следы надписей на арабском, персидском и татарском языках. Откапывались обломки от медных подсвечников, глиняные цельные и разбитые подсвечники, совершенно как малороссийские каганцы, иногда с фитильнею. Попадались между бревнами денежные горшечки и кадки. Одна цельная кадка была вырыта из-под пола кирпичного: она окружностию 62 1/2 вер., в вышину 24 1/2 вер., а в поперечнике около горла 12 вер. Внизу горла клеймо, величиною немного поболее гроша, с татарскою надписью: **اندك مز كبيز سز** эндек миз, кебир сиз, т.е. мы маленькие, а вы великие. Полагать должно, что эта припись сделана художником, подносившим вещь своей работы кому-либо из особ знатных.

Обломки стеклянные от кувшинов, бокалов, кружек и чаш имели цвет голубой, темносиний, зеленоватый, серебряный и золотой. На одном куске выведены украшения наподобие рококо, с заклинательною надписью на арабском языке из суннитского изречения: нет Бога, кроме Бога, **الله علیه السلام**. Буквы, величиною около полу-вершка, оттиснуты правильно и красиво.

Принадлежности украшений: прониски, кольца, перстни, серьги и пуговицы золоченые, серебряные и простые были почти все повреждены или перетлели, и зеркала металлические. На одном из прежде отысканных зеркал была персидская надпись: *Изед*, Бог; на другом китайская, не совсем разборчивая. По краям стоят изречения: *сы бу дань и*, т.е. «умирая, не заниматься настоящим и не помышлять о будущем». Чрез несколько знаков следуют: *сы бу чждан мао*, т.е. «умирая, не затрудняться костью черепахи». У Китайцев издревле и доныне фантастические изображения на черепахе имеют таинственные значения при предсказывании о будущем.- За тем еще идут четыре знака: *чжи до сы сюн*, т.е. «уметь принять смерть, злополучие...» В строке срединного кружка стоит знак древнейшего почерка, называе-

мый *чжуань*, коего значение есть *тынь*, небо, и, вероятно, относится к властителю (сыну неба). Надпись китайская, по мнению синологов, состоит из знаков почерка *ли*, коего начало восходит ко II веку по Р.Х. Этот почерк весьма схож с употребляемым ныне в деловых бумагах и отличается только некоторыми изменениями в чертах.

Куски парчи, шелковой материи, холста и тесьмы совершенно истлели. Бубенчики, носимые на епископских мантиях, попадались в золе и саже, от чего немногие сохранились в целости. Такой же участи подверглись вещи рукодельные: наперстки, игольники и ножницы; сапожные орудия: шила, правила (коими выправляют швы у сапог), подковы, гвоздики, коими подбивают сапоги; кожа, скроенная для сапог и башмаков; игорные кости, зернь, шашки шахматные и рыболовные удочки для ловления красной и мелкой рыбы.

На одном, почти ровном месте отрылись два в беспорядочном положении скелета. Один остав, обращенный головою на северо-запад, был без рук, а ноги его лежали поперек туловища; другой был без черепа; все кости, за исключением рук, как-бы изрублены в мелкие куски и сложены в кучу. Между обоями оставами были набросаны уголья, зола и осколки от глиняной посуды; поверх костей лежал мелкий кирпич. Вдали от них найдено несколько других остатков: иные без черепов, а другие без рук и ног. Под полом здания отрыли в могиле скелет младенца, уже без всяких украшений, но остались признаки парчи с золотыми блестками. В двух аршинах от него лежал кувшин из красноватой глины, имеющий коническую форму, наподобие находимых в развалинах Ольвии, Керчи, Феодосии и других эллинских поселений. Огонь, оставивший повсюду следы своего истребления, коснулся самых могил, ибо было открыто несколько скелетов пережженных и засыпанных золою. При открытии одного жилья, нашли в нем склеп. Что тут было жилье, это доказывается проведенными по стенам его и под полом водопроводными трубами, соединявшимися с водохранилищем. Пол был устлан голубыми израсцами, а стены покрыты мозаиком с позолотою. Внутри того же здания было найдено много битой стеклянной посуды, пережженной материи, орехов, черносливу, изюму и фиников. Склеп, стоявший там, был обведен гранитною стеною, уцелевшею с одной стороны. По вскрытии склепа, имевшего длину три аршина, нашли в нем дубовый гроб, окованный железными скобами, который однокоже весь перетянут. В гробу лежал скелет, обернутый в кисею, окаймленную черной шелковой бахрамой. Все остальное и даже некоторые кости истлели; череп местами перегнил, а зубы пожелтели от гнилости. По чрезмерно поврежденному состоянию остава, можно отнести погребение к глубокой древности и умершая особа, может быть, из знатного или ханского рода, потому что подобной усыпальницы, окруженной гранитною стеною, не было еще отрываемо; кроме того, усыпальница расположена между предполагаемыми дворцами. На двух стенах, противоположно гранитной, торчали мозаические исрасцы с остатками букв: *Аллаг* и *Махмуд*, с коими обыкновенно неразлучно

суннитское изречение: нет Бога, кроме Бога, Магомет посланник его. Недалеко от склепа найдены четыре медные подсвечники, два крючка от висячих ламп, крышечка и медная цепочка от лампы.

Монеты отрывались преимущественно медные, частично серебряные: всего 4337, а именно: медных 4083, серебряных 254. Первые до того покрылись ярью веницианскою, что не было возможности свести с них вековой зелени. По некоторым надписям видно, что монеты принадлежат ко временам ханов: Узбека, Джанибека, Бирдигека, Кульпы, Невруз-бека, Хызыра, Мюрида, Хайра-Пулада, Пулада-Ходжи, Кильдигека, Азиза-Шейха и Тохтамыша, с первой половины XIV до конца того же столетия. Все биты в Сарае, Новом Сарае, Гюлистане и Новом Гюлистане. Некоторые попадались завернутыми в тряпочке, от шести до десяти вместе, времен ханов Джанибека и Хызыра. Есть монеты достопримечательные, например Джанибека 1342 и 1351 годов, и Пулада-Ходжи 1364 года.

В числе золото-ордынских монет было открыто несколько серебряных копеек, времен В.К.Иоанна III; две крымские, хана Крым-Гирея, битые в Багче-Сарае; две медные иранские, из дома Гулагу, и четыре медные китайские. Из иранских одна Ануширвана-хана, последнего из династии Гулагу, и бита, как думают, в честь его эшрефом Чобаниди. На краю написано: «Тебриз, 752 гиджры» = 1351 г. по Р.Х. Имя хана истерто, по середине находится украшение в виде цветка. На обороте суннитское изречение: *нет Бога, кроме Бога; Магомет посланник его*, и вокруг имени первых четырех калифов: Абу-Бекра, Омара, Османа и Али. Монета эта, по мнению знаменитого академика нашего Френа, вовсе неизвестна в нумизматике. Из китайских монет есть одна достопримечательная и редкая. На ней с лицевой стороны написано: *джи джен, тун бао*, «высшая правота, монета ходячая», а на обороте по-тибетски: *кхи*, и этот слог имеет здесь значение в смысле редкого. Она принадлежит к 1341 году по Р.Х., династии монгольской Юань, чеканена в стране тибетской, в правление Джи-Джен (высшей правоты). На другой монете написано с лицевой стороны: *джи юань*, «неограниченность управления», а на обороте: *тинь бао*, «обыкновенная монета»; чеканена 1335 г. по Р.Х. На третьей с лицевой стороны: *си юань*, «верх радости», а на обороте: *нин бао*, «спокойная драгоценность». На четвертой с лицевой стороны: *юань тун*, «высшая прозорливость», а на обороте: *фен бао*, «обильная монета». Почерк на этих древних деньгах называется *син шу*, «ходячее письмо», доныне употребляемое. Все эти монеты монгольской династии, современны хану Узбеку, который, как известно, есть потомок Чингис-хана.

Наибольшая часть открытых вещей состоит из мозаиков, кувшинов, чаш, из обломков от разных сосудов и украшений, орудий хозяйственных и земледельческих, уже известных по прежним находкам; флакончиков, чернильниц, пуговиц, колечек, бубенчиков, пряжек, подвесок, пронизок, уховерток, подсвечников, медных стрел и т.п., также известных по прежним описаниям. Примечательнейшие находки, кроме

вышеисчисленных, суть следующие: фунтовик складной и весовые доли. Они состоят из фунта, четверти, осьмины и двенадцатой доли, и по сравнению с русским, перевешивают 14 золотниками. На одной части фунтовика находится изображение тигра или льва. Кружок медный, в роде печати. На обоих его сторонах следы букв, из коих одни несколько заметны и читаются так: *Абдул*. Это имя или владельца этой печати, или, быть может, самого хана Абдуллы, известного в наших летописях под названием Авдуллы и Овдуллы, царствовавшего с 1362 по 1368 год. Часть как-бы от разрубленной по-полам печати, со следами букв и с украшениями в кружке. Три литые, с львиными головами, трубки. Литое изображение собачки. Щеколда медная от дверей, состоящая из кружка с ручкою и обруча; последний в виде свернувшейся змеи. Половинка от санджака (зnamени), испещренная чернью серебряно-золоченой. Трубочка, украшенная такою же чернью. Пять подсвечников, украшение с начертаниями, в роде букв куфических; часть дуги, как-бы от инструмента математического; перо из желтой меди, несколько согнутое, с насечкою вокруг довольно красивою: оно длиною 6 1/2 в., а в окружности 4 1/2 в. Три кружка, называемые *айчик*; из них два медные, а третий золотой³. На одном медном находится с обеих сторон украшения, а на золотом надпись арабская, из алкорана: *Халикту эшхас мяя фикх*, т.е.: «я сотворил людей с способностью мыслить». Истуканчик монгольский, сделанный под бронзу; он длиною 2 в., а ширина в самом широком месте 1 1/8 вер. Изображение его состоит из совы (премудрость), сидящей на двух павлинах, коих шеи обращены в бок; внизу ее два поклонника, может быть буддисты, с покрытыми на головах шапками остроконечными. Работа очень хорошая; особенно прекрасно отделаны перья павлинов. Сова и поклонники не совсем отчетливо отделаны. Можно полагать, что это произведение европейских художников, живших в столице золото-ордынской. Хан Узбек, восшедший на престол в 1313 г., первый объявил веру мусульманскую господствующую во всем своем царстве монголо-татарском, и если допустим, что это остаток от уничтоженного им идолопоклонства, то памятник был бы значительной древности. Обломок медно-золоченый, как-бы от браслета. Девять перстней: один из простой кости, два из слоновой, один медный с насечкою, четыре серебряных поврежденных, с знаком Джучиева дома; один с надписью: *Янтай бен Тюляй*, т.е. «Янтай Туляев»; один золотой перстень, и колечко, крытое черным лаком; три шашки костяные; украшение из белого мрамора, изображающее как-бы зайца. Часть донышка от чаши, с изображением птички, крытой золотом; два флакончика стеклянные синего цвета, и кресты. Из крестов суть две половинки от наперсных, с изображениями на одном св. Николая, держащего в правой руке евангелие и облаченного в епископскую одежду, вверху Господь Саваоф, по бокам неизвестно какие Святые, на другом распятие Спасителя, а под ним Бог-Отец. Три крестика, из них два медных и один серебряный, и все детские. Серебряный, подобно

надеваемому при крещении младенцев, имеет длину около 3/4 вер., а ширину 1/2 в.; очень красивой формы и был перевязан шнурочком накрест, который перетягивал. Он найден между разбитыми черепицами.

Царевский уезд заключает в себе множество могильных насыпей и остатков от жилищ, разсыпанных в степи до пределов внутренней Киргиз-Кайсайкой Орды, в ахтубинской долине по течению Ахтубы и берегам Волги; потому я предпринял намерение осмотреть, на всем этом пространстве, следы Дешт-Кипчакского царства, именуемого в наших летописях монгольским и татарским. От Царева до глубины равнин Киргиз-кайсацких, на протяжении около 200 верст, виднеются овальные холмики, в весьма большом количестве, они в роде могил, какие случалось мне подвергать раскопке. Некоторые из них заросли травою, другие запаханы, а в скором времени и остальные сравняются с землею. Случай может открыть в них не одну вещь ценную не только по металлу, но и для науки, ибо поныне там находят древности. За пограничною чертою уезда, лежащею в двух верстах от деревни Батаевки⁴, начинается степь Киргиз-Кайсаков⁵ и простирается до Уральского Хребта оренбургской губернии. В стране безлюдной не видно ни кустика, ни птицы; только мелькают табуны овец, рогатого скота, лошадей и верблюдов; между ними раздаются крики кочующих кибиток, появляются скачущие на легкоокрылых конях вольные сыны степей, или несущиеся на двухгорбых верблюдах, испускающих пронзительный рев. За три версты от ставки ханской, называемой в простонародии рын-пински, тянутся глубокие, почти непроезжаемые пески⁶...

Из Нарым-кум поехал я к большой горе Богдо, через однообразную и безжизненную степь, на кое долго не было видно ни землянки, ни хутора кибиточного. Повсюду солончак и грустная трава кавыль, столь памятная в наших народных напевах. Не доехавшая Богдо, виднеется голая конусообразная его вершина; у подошвы горы растянулся соляное Баскунчатское озеро. Богдо по-монгольски значит *святой*. Калмыки поклоняются ему, как своему Богу, и клянутся им: *пусть задавит меня Богдо!* Уступа горы приносят мелкие вещи в жертву, и верят, что внутри Богдо обитает невидимый дух. Окрестность мертвая, на необозримое пространство; лишь верст за 30 пред селением Болхунами (пограничным Черноярского уезда, астраханской губернии), проявляются признаки оседлости. Отсюда до городка Селитряного раскинуты на протяжении 118 верст, по левому берегу Ахтубы, деревни и селения; между ними находятся остатки от древних жилищ, которые явственнее начинаются с деревни Саскели или Сасыкальской; в Селитряном же расстилаются бугры и холмы развалин, почти на 5 верст в длину. Рассказывали мне, что там находили прежде в большом множестве серебряные и золотые вещи, что в недавнее время были открыты кувшины с золотыми и серебряными деньгами; а в мою бытность показывали мне прекрасные мозаичные израсцы и кольцо сердоликовое.

Место нынешнего городка было долгое время признаваемо за столицу Золотой Орды, но по всей вероятности, здесь была первоначально временная ставка хана Бату, и там представлялись ему послы и папы и короля французского, Рубруквис и Карпини, первые, видившие и первые описавшие кочевые завоевателя России. При обозрении развалин городка, нельзя сравнить их с Царевскими: первые помещаются на протяжении почти 5 верст в длину, а вторые - на 20 верст; первые не имеет ни каналов, ни озер искусственных, а вторые испещрены ими в больших размерах; первые не сохранили в таком множестве насыпей и курганов, а вторые унизаны ими. Самое величие царственного города не могло помещаться на таком малом пространстве, на каком расположен Селитряный; между тем как одно обширное протяжение Царевских развалин изобличет столицу могущественных властелинов Золотой Орды.

Примечания:

¹ Печатается по: Ученые записки Императорской Академии наук по Первому и Третьему отделениям. - Т.II, вып.1.- СПб., 1853.- С.89-105. Некоторые особенности орфографии и транскрипции оставлены в авторском варианте. Статья частично сокращена за счет поверхностного описания автором калмыцких и казахских улусов и города Астрахани середины XIX в. Сам Терещенко писал, что им подготовлено «Описание» степного мира округи, однако, нам неизвестна судьба этого сочинения. Далее примечания под «звездочкой» - авторские. - Ред.

* Читано в заседании III Отделения 8 апреля 1853. Об исследовании местности Сарай было помещено в Журнале Мин. Внутр. Дел 1847 г., кн.9, под заглавием: Четырехлетние археологические поиски в развалинах Сарай (с 1843-1846), с приложением плана, и в Северн. Пчеле 1848 г. №№ 26,28,29-231,240 и 243; №№ 233,257-260; 1830 г. № 139-140. За последний год только в отрывке.

² Из стихотворений знаменитого поэта Саади, коего сочинения напечатаны вполне 1795 г., в Калькуте, под заглавием: The persian and arabick works of Saadee. Приведенная здесь надпись помещена во II томе, на обороте 222 листа. Саади жил 102, а по другим 120 лет; он умер в Ширазе 691 гиджры или в 1292 году, и там погребен (т.І, с.Х.111). Почерк письма, находящегося на израсцe, можно отнести к началу XIV века. Поэтому не только ученые монгольского царства, но и художники, избиравшие из стихов Саади надписи для своих вещей, были знакомы с современной им поэзией.

³ Айчик - татарское уменьшительное слово от *ай*, месяц. Это - женское украшение, носимое на груди, в роде кружков, какие носят доныне Татарки и другие азиатские женщины.

⁴ Самое имя звучит монгольским названием Бату.

⁵ Киргиз-кайсаки - казахи (ред.)

⁶ Рын-пески проименовано Русскими, но правильное их название Нарым-кум, слова монголо-татарские: первый значит узка полоса земли, а кум - песок; потому можно бы перевести *полоса песчаная*, ибо такова она на самом деле.

Валентин Лебедев, Виталий Клоков **Монеты с юго-восточных окраин Сарая**

В 5-6 км к юго-востоку от с.Селитренное Астраханской области расположен невысокий холм, называемый местными жителями Каменный Бугор. Его размеры в основании порядка 300x450 м. На поверхности почвы Каменного Бугра встречается много обломков керамики, в том числе глазурованной - характернейшей чертой золотоордынских городищ, однако в перечне джучидских городищ Нижнего Поволжья Каменный Бугор отсутствует. Ф.Баллод, описывая работы своей экспедиции 1922 г на Селитренном городище, упоминает Каменный Бугор. Опираясь на сведения местных жителей, он рассматривал его как некрополь, ибо здесь неоднократно раскапывались и разбирались кирпичные могилы с костяками и деревянными гробами. В то же время незадолго до его приезда на Каменном Бугре было раскопано и тоже разобрано кирпичное строение в форме «кибитки» - точно такое же, какое сохранилось в центральной части Селитренного городища. Тот факт, что в погребениях в ряде случаев сохранились деревянные гробы, указывает, что некрополем Каменный Бугор стал вероятно уже в новое время, может быть со временем создания в этих местах селитренных заводов в начале XVII в. Нахodka же на Каменном Бугре юртообразного кирпичного жилого дома говорит, что в более ранние времена здесь было обжитое поселение.

В распоряжение авторов для изучения были представлены две партии монет, собранных осенью 1998 и весной 1999 гг. на территории Каменного Бугра в количестве 407 экземпляров – 165 серебряных и 242 медных монет. Подробному анализу этого монетного комплекса и посвящена данная работа. Как и в предыдущих работах авторов по монетам с Водянского городища, рассмотрение серебряных и медных монет будет произведено раздельно. При описании монет ссылки на часто цитируемые работы даются в сокращенном виде: Fraehnii Ch.M.⁵ -Fr.p.; Френ Х.М.⁶ -Фр.Н; Савельев П.С.⁷ -Сав.Н; Lane Pool.S.⁸ -L-P.N; Кротков А.А. -Кр.Н; Янина С.А. (1954)¹⁰ -ЯI-N; Янина С.А. (1957)¹¹ -ЯIII-N; Янина С.А. (1958)¹² - ЯIII-N; Янина С.А. (1970)¹³ -ЯV-N; Федоров-Давыдов Г.А. (1960)¹⁴ -Ф-Д.Н; Клоков В.Б., Лебедев В.П.^{3,4} -К.Л-Н.

Серебряные монеты с селища Каменный Бугор

Комплекс серебряных монет составлен из 46 дирхемов одиночных находок, одного компактного кладика в 19 монет и трех небольших кладов, рассеянных на площадях от 2 до 3 м² (с 22,47 и 31 дирхемами). Ни у одного из кладов не обнаружено следов тары или упаковки. Компактный клад представлял собой спекшийся солями столбик монет. В таблице 1 представлен состав всех отмеченных 5 подкомплексов по ханам и монетным дворам. Как видно из таблицы, хронологически джучидские дирхемы одиночных находок

Таблица 1. Состав кладов и одиночных находок серебряных монет на Каменном Бугре по ханам и монетным дворам.

хан	I клад	II клад	III клад	IV клад	Одиночные находки
1	2	3	4	5	6
Шадибек (1400-1407)	X. Т.807-1; Орда 807-1, б/г-2; Кафа Н. 807-1; 808-1, 80x- 2.				Х. Т.- 1.
Пулад (1407-1410)	Сарай Н. 810-1; Х. Т- 1; Орда-1; м.д. ?-2.				Хорезм 811-1
Тимур (1410-12)	Х. Т-6.				
Джелаль ад- Дин (1411- 1412)					Орда-2; Ил Уй М-2.
Чокре (1414-15)	Х. Т-1.	Орда М-1.			
Улу Мухаммад* (1421-1445)		Сарай-6; Ил Уй М- 11; Орда- 1; Х. Т (8) 26-1, (82) 7-1 б/г-2; м.д. ?-3.	Х. Т-1.	Орда Б- 1	Сарай-1; Ил Уй М-2 ? Базар-1; Орда Б-1
М(а)х(муд?)			Орда Б-1.		
Махмуд				м.д. ?-1.	
Давлет Бирди (1427-1428)	Ил Уй М-2; Орда-2; м.д.?1.				
Кичи Мухаммад (1432-1459)			Орда Б- 10; Х. Т- 4.	Орда Б- 3; Х. Т- 4.	Орда Б-13; Х. Т-3; м.д. ?-2.
Сайид Ахмад (1433-1459)					м.д. ?-1.

1	2	3	4	5	6
Махмуд б.Мухаммад б.Тимур (1459-65: Б.Орда)			Х. Т-7; ..?.. Мансур- 1.	Х. Т-3; Орда Б- 1.	Х. Т-4.
Мустафа б.Гийас ал- Дин			Х. Т-4.	Х. Т-6.	Х. Т-1.
Хан - ?		Сарай-1; Орда М-1; м.д. ?-5.	Х. Т-2.		Ил Уй М-1; Орда-1; м.д. ?-3.
Татаро- генуэз. тип1421-35 гг.					Каффа-3.
Хаджа- Гирей (1433-1468)					Крым 871-1.
стертые		8			2
Петр I					Москва 1701- 1.

Принятые сокращения: Сарай Н=Сарай ал-Джадид, Кафа Н=Кафа Джадид, Орда Н=Орда ал-Джадид, Орда М=Орда ал Муаззам, Орда Б=Орда Базар, Ил Уй М=Иль Уй ал-Муаззам, Х.Т=Хаджи-Тархан; м.д.=монетный двор; б/г = без года выпуска (датированные дирхемы - в гг.х.).

*) После Пулада ханы по несколько раз занимали и теряли престол, иногда одновременно правила в разных областях распадающегося государства. Приведенные в таблице даты правления отвечают самым ранним и самым поздним упоминанием их в качестве глав государства в источниках, проанализированных в работах^{15,16}.

вполне равномерно охватывают первые 3/4 XV в. от Шадибека до Мустафы. В этот же интервал попадают 3 татаро-генуэзских аспра 30-х гг. XV в. и акче Крымского ханства 871/1467 г. Особняком стоит российская копейка Петра I 1701 г., отражающая ситуацию на этом селище три века спустя.

Каждый из 4 кладов по отдельности содержит монеты более узкого интервала: I-1400-1415 гг., II-1415-1430, III и IV - 1430-1475, но все вместе они охватывают тот же период от Шадибека до Мустафы, что и монеты отдельных находок. Все отмеченные обстоятельства - условия залегания, объем и состав кладов - позволяют

предположить, что все они представляют собой наличности отдельных семей, составленные на этом же поселении, и поэтому могут характеризовать его денежное обращение наряду с дирхемами одиночных находок.

Дирхемы XV в. не часты в составе изданных кладов и практически не встречаются в опубликованных монетных комплексах с золотоордынских городищ, поэтому подъемный комплекс дирхемов, целиком состоящий из чекана XV в., заслуживает самого подробного изучения.

Приводимое ниже описание монет дается по-возможности в хронологическом порядке со сквозной нумерацией независимо от условий их находки. Для 33 типов и некоторых вариантов дирхемов на рис. 1 и 2 приведены рисованые реконструкции. Для всех дирхемов указан их вес в граммах, а для многих и плотность монетного сплава (χ) в г/см³.

Описание дирхемов

1. Шадибек хан, Хаджи Тархан 807 г.х. Сав.540. В=1,05. Рис.1/1.
2. То же, но не датирован. Fr.p.366, N 25-о-. В=1,07; χ =9,50.
3. Шадибек хан, Орда 807 г.х. Fr.p.364, N 11. В=1,11. Рис.1/3.
- 4-5. То же, но не датированы. Ф-Д(1981)¹⁷ N 27,29. В=1,03;1,13. Рис.1/4-5.
- 6-7. Шадибек хан, Азак. Сав.546. В=1,13 (2).
8. Шадибек хан, Кафа Джадид 807 г.х. Ф-Д (1981) N 32-25. В=1,05.
9. То же, но дата 808 г.х.¹⁷. В=0,99.
- 10-11. То же, но дата не видна. Ф-Д(1981) N 37-39. В=1,0;1,08.
12. Пулад хан, Хаджи Тархан, не издан. В=0,98. Рис.1/12.
- л.с. В круге: «Султан /Пулад хан/ да продлится его правление».
- о.с. В круге меньшего диаметра с нечетким делением по строкам: «Чекан Хаджи Тархана». В свободных местах 11 декоративных точек.
13. Пулад хан, Сарай ал-Джадид 810 г.х. Ф-Д(1981) N 49. В=1,03. Рис.1/13.
- 14-15. Пулад хан, Орда. Сав.552. В=1,02;1,10. χ =9,81.
16. Пулад хан, Хорезм 811 г.х. Ф-Д(1965)¹⁸ N 38. В=0,62(облом.), χ =10,34. Рис.1/16.
17. Пулад хан. Город, год ? В=0,89.
- л.с. «Султан /справедливый /Пулад/ 8».
- о.с. «Чекан/.../...ал-Джадид/...».
- 18-21. Тимур хан. Хаджи Тархан. Сав.558. В=1,03;1,05;1,08. Рис.1/18-21.
22. То же, но другое оформление о.с. В=1,04. Рис.1/22.
23. Тимур хан (?).Город ? В=0,76 (Надписи обеих сторон фрагментарны).
- 24-25. [Джелаль?] ад-Дин, Орда, не издан. В=0,47;0,6 (обломаны) χ =9,05. Рис.1/24-25.
- л.с. «Султан/...ад-Дин/...».

о.с. «Чекан/Орда/ ...».

На одном дирхеме — надчекан из двух скрещенных овалов в кружке.

26. [Джелаль?] ад-Дин хан, Иль Уй Муazzам, не издан. $B=0,72$
 $r=9,02$. Рис.1-26

л.с. В круге: «Султан/...ад-Дин/ [ха]н, да продли...».

о.с. В круге: «Че[кан] /Иль У[й] /ал-Муа[ззам]».

27. Чокре хан, Хаджи Тархан, Сав.568. $B=0,8$. Рис.1-27.

28. Чокре хан, Орду Муazzам, не издан. $B=0,02$, $r=10,19$. Рис.1/28.

л.с. «Султан /Чокре/ ...».

о.с. В круге «...?чекан /Орду/ Муazzам».

29. Улу Мухаммад, $B=0,78$, $r=8,37$. Рис.1/29.

л.с. В круге: «Султан /Мухаммад хан/ верховный».

о.с. В линейном и точечном кругах в три строки: «Чекан/Сара-/я».

В публикации А.Г.Мухамадиева¹⁹ эпитет хана «верховный» отсутствовал.

30-36. Тоже, но легенда о.с. на двух строках.
 $B=0,64;0,66;0,67;0,74;0,78;0,8;0,29$ (обл.); $r=8,49$.

37-49. Улу Мухаммад хан, Иль Уй Муazzam^{19.1} $B=0,62;0,68;$
 $0,72;0,78(2):0,77;0,78;0,79;0,82;0,84(2);0,95;1,0$. $r=8,7; 8,77; 8,92; 9,02;$
 $9,06; 9,16; 9,18; 9,26; 9,34; 9,36$. Рис.1/37-49.

л.с. Легенда и рамка как у N 29-36.

о.с. В линейном и точечном кругах: «Чекан /Иль Уй/ Муazzам».

50. Улу Мухаммад хан, Орда..., $B=0,82$, $r=9,13$.

л.с. «Султ[ан] /Мухаммад х[ан]...».

о.с. В круге: «Чекан/Орду/ ...».

51. Улу Мухаммад хан, Орда Базар. Марков²⁰ N1516; L-P N57.
 $B=0,68$; $r=9,28$. Рис.1/51.

л.с. В круге: «Султан/справедливый Мухаммад хан/да продл...».

о.с. В центре круга - тамга-двузубец, под ней вторая тамга в виде буквы «w», вокруг: «Чекан Орда Базар».

52. Тоже, но второй тамги нет, а первая часть имени монетного двора стерта. $B=0,59$, $r=9,12$.

53. Улу Мухаммад хан, Хаджи Тархан (8) 26 г.х., не издан.
 $B=0,75$, $r=9,15$. Рис.1/53.

л.с. Все как у N 29-49, но еще сохранился внешний точечный ободок.

о.с. В такой же рамке видно: «../Хаджи.../хан/62».

54. Тоже, но в дате лишь одна цифра-7 (может быть 827?).
 $B=0,82$, $r=9,14$.

55-56. Тоже, но даты нет. $B=0,67;0,76$; $r=8,56;8,69$. Рис.1/55.

57. Улу Мухаммад хан, Хаджи Тархан, не издан. $B=0,55$; $r=8,35$.
 Рис.1/57.

л.с. В небольшом круге: «Хан Мухаммад», снаружи по кругу
 «[Султан] справедливый, верховный», вокруг линейный ободок.

о.с. Вокруг тамги-двузубца: «Чекан Хаджи Тархана».

58-60. Улу Мухаммад хан, город? $B=0,62;0,64$; $0,81$; $r=8,36;8,62;9,06$.

61. M(a)x[муд?] хан, Орда Базар, не издан. B=0,59, r=8,84. Рис.1/61
л.с. «Султан/верховный/M(a)x[муд?]».
о.с. В центре друг под другом две тамги - двузубец и трезубец
(как тамга Гиреев Крыма), вокруг: «[Чека]н О[рда] Баз[зар]».
62. Махмуд хан, монетный двор не прочтен. Fr.p.394 N6. B=0,72;
r=8,86. Рис.1/62.
л.с. В центральном круге: «Хан/Махмуд», снаружи: «...[вер]ховный
хан».
о.с. В центре тамга-двузаубец, вокруг — непрочченное пока место
выпуска.
63. Давлет Бирди хан, Иль Уй Муazzam^{19,22}. B=0,95; r=9,27.
Рис.1/63.
л.с. «Султан/верховный Давлет Бир-/...хан», ободок не виден.
о.с. В двойном круге: «Чекан/Иль УЙ/Му[аzzам]».
64. Тоже, но иное размещение строк л.с. по строкам. B=0,89;
r=9,14.
65-66. Тоже, но монетный двор Орду [Муazzam?], B=0,67;0,74;
r=8,73;9,06. Рис.1/65-66.
67. Тоже, но город не виден. B=0,93; r=9,20.
- 68-91. Кичи Мухаммад, Орду Базар, L-P.N569, Фр.N312. B=0,35;
0,46;0,48;0,52; 0,54;0,55(2); 0,56(4); 0,58; 0,61(2); 0,62; 0,63(4);0,65;0,67;0,69;
r=8,5(2); 8,59(2); 8,67; 8,88; 8,9; 8,96; 9,03; 9,13; 9,23; 9,48. Рис.1/
68-91.
л.с. В центре: «Мухаммад/ибн/Тимур», снаружи между двух
кругов: «Султан верховный хан».
о.с. В двойном ободке — тамга-двузаубец, вокруг: «Чекан Орда
Базар».
- 92-93. Тоже, но в круговой легенде л.с. вместо титулатуры
мусульманский символ веры. Марков²⁰ с.530 N35. B=0,52;0,61;
r=8,11;8,84. Рис.1/92-93.
- 94-101. Кичи Мухаммад хан, Хаджи Тархан, Фр.N313.
B=0,53;0,54(2);0,55(2); 0,6;0,64(2);0,65; r=8,27;8,43;8,49;8,66;8,87;9,13;9,66.
Рис.2/94-101
л.с. Все как у N 68-91.
о.с. Тамга-двузаубец, вокруг: «Чекан Хаджи Тархана», ободок не
виден.
- 102-104. Тоже, но в круговой легенде л.с. вместо титулатуры -
символ веры. Не издан. B=0,54;0,59;0,68; r=8,63;8,91;8,98. Рис.2/
102-10-4.
л.с. В небольшом круге: «Мухаммад/б.Тимур», снаружи: «Нет бога
кроме Аллаха, Мухаммад посол Аллаха».
о.с. Все аналогично о.с. предыдущего варианта.
- 105-106. Кичи Мухаммад, город? B=0,52(обл.);0,64; r=9,20.
107. Сайд Ахмад, город не проставлен. Fr.p.386 N2. B=0,59.
Рис.2/107.
л.с. В центре небольшого круга: «Сайд/Ахмад/хан», вокруг
стертого.

о.с. В круге — мусульманский символ веры.

108-117. Махмуд б.Кичи Мухаммад, Хаджи Тархан, неизданный вариант. В=0,51; 0,55(2);0,56;0,59;0,61(3);0,65;0,65;0,67; r=8,48;9,06(2);9,27;9,42; Рис.2 / 108-117.

л.с. В круге без четкого деления по строкам: «Махмуд б.Мухаммад б.Тимур хан».

о.с. Вокруг тамги-двузубца: «Чекан Хаджи Тархана».

118-121. Тоже, но на л.с. после каждого из трех имен помещен титул- «хан», Fr.p.393 N1. В=0,64(2);0,66(2);0,67; r=8,5;8,68;8,78(2). Рис.2 / 118-121.

122. Тоже, но чекан Орду Базар. Fr.p.393 N4. В=0,56; r=8,55. Рис.2 / 122.

123. Махмуд б.Кичи Мухаммад, город.?..Мансур. Fr.h.394 N5. В=0,63; r=8,56. Рис.2 / 123.

л.с. «Султан/Махмуд.../Мухаммад...».

о.с. В центре — тамга-двузубец, вокруг место выпуска, из которого уверенно читается лишь вторая часть названия монетного двора: «...Мансур».

На экземпляре, изданном Френом, первое слово тоже не сохранилось. А.К.Марков²⁰ (с.531, N28-31) в собрании Эрмитажа отмечает наличие 5 дирхемов этого хана, на которых название монетного двора он читает (со знаком вопроса) — Крым ал-Мансур. На данном дирхеме чтение «Крым» первой части имени города совершенно не приемлемо.

124-134. Мустафа хан, Хаджи Тархан. Fr.p.394 N1. В=0,54(2); 0,62;0,64(3); 0,65(2);0,68;0,7;0,75; r=8,76(2);8,95;8,98(2);9,16;9,28;9,37;9,50. Рис.2 / 124-134.

л.с. В круге: «Султан/верховный Мустафа/хан б.Гийас ад-Дин хан».

о.с. В двойном круге — тамга-двузубец, вокруг: «Чекан Хаджи Тархана».

135. Хан ? (XVв.), Сарай. В=0,26 (обл.)

136. Хан ? (XVв.),Орда - Муazzam. В=0,74.

137. Хан ? (XVв.), Орда - Базар. Не издан. В=0,58; r=8,61. Рис.2 / 137.

л.с. Сохранились 2 строки: «Верховный/Султан/...».

о.с. Видны фрагменты 4-х строк: «Чекан/Аллах.../Орду/Баз...».

Тип с оригинальными легендой о.с. и размещением по строкам на л.с.

138-139. Хан ? (XVв.), Хаджи Тархан (с тамгой-двузубцем). В=0,58;0,63; r=8,29;9,04.

140. Хан ? (XVв.), Иль Уй Муazzam. В=0,45; r=8,69.

141-150. Хан ?, мон.двор ? (XVв.). В = 0,58;0,62;0,68;0,75(2);0,79;0,85; 0,93 [r=9,38];0,94;0,99. От легенд обеих сторон сохранились фрагменты, не определяющие монетный тип.

151-153. Татаро-генуэзские аспры 20-30 гг. XV в. Каффа²³. В=0,63; 0,65; r=9,41;9,87. Рис.2 / 151.

л.с. В слитноточечном кружке — герб Генуи, снаружи по кругу — латинским шрифтом XIV-XV вв. имя города и две отдельные

буквы: «а.аЯRRa.D» то есть С.CAFFE.D. Снаружи еще один слитноточечный круг.

о.с. В кружке — тамга-двузаубец, вокруг — нечитаемая арабская легенда.

154. Крымское ханство, Хаджи-Гирей хан, Крым 871 г.х.²⁴. В=0,56. Рис.2 / 154.

л.с. В линейном и точечном кругах: «Султан/верховный/Хаджи Гирей хан».

о.с. В слитноточечном кружке — тамга Гиреев, вокруг: «Чекан ал-Крыма 871» (цифры даты искажены); рамка как на л.с.

155-164. Полностью стерты монеты. В=целые: 0,45;0,54(2);0,86;0,94; обломанные: 0,21;0,27;0,34;0,43.

165. Россия, Петр I, Москва, Кадашевский двор 1701 г.

Обсуждение состава комплекса дирхемов с Каменного Бугра

В рассмотренном комплексе джучидских монет с Каменного Бугра оказалось 35 определенных типов дирхемов XV в., из которых 9 неизданных. Из них обращают на себя внимание 2 — хаджитарханский дирхем Улу-Мухаммада N57 и дирхем Махмуда чекана нового непрочтеннego пока монетного двора N62. Оформление этого дирхема Улу-Мухаммада отличается от всех предыдущих типов N29-56, в том числе трех хаджитарханских N53-55: на л.с. в маленьком круге имя с титулом хан, на о.с. тамга-двузаубец и выпускные данные. Такое оформление обеих сторон дирхемов станет единственным при его сопернике Кичи-Мухаммаде. Поэтому логично допустить, что типы N29-56 (за исключением может быть N51 - переходного к типу N57) выпущены в ранний период карьеры Улу-Мухаммада, а N 57 после 1433 г., когда на исторической арене появился Кичи-Мухаммад.

На дирхеме Махмуда, кроме непрочтеннего названия монетного двора, больше вопросов ставит само имя хана. В XV в. было несколько правителей современников с именем Махмуд, как и с именем Мухаммад. В случае разных Мухаммадов уже достигнуто понимание как они называли себя на монетах: Улу-Мухаммад просто Мухаммад; Барак - Мухаммад Барак; Кичи-Мухаммад - Мухаммад б. Тимур. На монетах Махмудов встречено 4 варианта написания имени эмитента: 1)-Махмуд (наш N61), 2)-Махмуд Ходжа²⁵, 3)-Бек Махмуд (Марков²⁰ с.531 N17-20), 4) Махмуд б.Мухаммад б.Тимур (N108-123). Лишь в последнем случае имеется полная однозначность происхождения Махмуда как сына Кичи-Мухаммада и внука Тимур хана. К этому же лицу А.К.Марков относит и Бек-Махмуда - в качестве еще соправителя отца. Махмуда-Ходжу открыватель его монет А.В.Гаев²⁵ считает сыном Улу-Мухаммада (в тезисах опечатка — вместо «Улу» ошибочно напечатано «Кичи»). К этому же лицу мы склонны отнести и Махмуда нашего дирхема, основываясь лишь на аналогии с Мухаммадами, - имя на монетах без дополнительных компонентов помещал тот из носителей этого имени,

кто первым овладевал престолом. Если наша трактовка верна, то обсуждаемый дирхем выпущен до занятия Махмудом б.Улу Мухаммадом казанского престола в 1445 г.*, так как на дирхеме помещена тамга-двузубец ханов нижне-волжского региона. С этой точки зрения дирхемы с двумя тамгами -N 51 и 61- можно, по-видимому, трактовать таким образом, что выпустившие их ханы таким способом подчеркивали, что их власть распространяется как на регион Булгара-Казани, для монет которого характерна тарак-тамга, так и Нижнее Поволжье с Крымом, использовавших тамгу-двузубец.

С учетом Махмуда б.Улу-Мухаммада комплекс дирхемов с Каменного Бугра включает чекан 12 джучидских ханов только XV в., начиная с ханов 1-го десятилетия - Шадибека и Пулада (17 монет). Во 2-м десятилетии на престоле сменилось 7-8 ханов, из которых в комплексе нашлось 11 дирхемов 3 ханов — Тимура, Джелаль ад-Дина и Чокре. Почти 1/4 определимых монет составляют дирхемы Улу-Мухаммада, который с начала 3-го десятилетия в течении 25 лет с переменным успехом участвовал в борьбе за верховную власть в Орде. Чекан его современников и соперников представлен 2 дирхемами Махмуда (возможно его сына ?), 5 - Давлет-Бирди, 1 - Сайд Ахмада и 32 (1/3 всего комплекса) - Кичи-Мухаммада. Дирхемов сына последнего Махмуда б.Мухаммада б.Тимура — 16, из них 14 чеканены в Хаджи-Тархане. Так как монеты не датированы, трудно сказать в какой период они выпущены: до 1465 г., когда Махмуд был ханом Большой Орды, или в 1465-81 гг. уже от имени главы отделившегося Астраханского ханства. Отсутствие в комплексе дирхемов его брата Ахмада, прогнавшего Махмуда из Орды, говорит в пользу первой возможности, однако наличие 11 дирхемов другого Астраханского хана Мустафы допускает и вторую.

Дирхемы Мустафы, вероятно, самые поздние в комплексе, но очертить его верхнюю границу они, к сожалению, не могут, так как даты правления этого хана неизвестны. Пока же самой младшей монетой является акче Хаджи-Гирея 871/1467 г. Отсутствие в комплексе известных дирхемов большеордынских ханов 70-80-х гг., а также обильно чеканившихся крымских акче Менгли-Гирея I (1467-1515) позволяет предполагать, что верхняя граница комплекса не заходит далее конца третьей четверти XV в.

Рассмотрим теперь географию дирхемов, обращавшихся в XV в. в «присарайском Каменном Бугре», опираясь на таблицу 2.

Из таблицы видно, что на дирхемах встречаются названия 11 монетных дворов только южного региона, нет ни одного дирхема регулярного чекана Булгара (Казани). В комплексе преобладает продукция Хаджи-Тархана: более 1/3 по количеству монет и 1/4 по числу их типов. Это один из самых молодых джучидских монетных

* Казанский престол занял в 1445 г. не Улу-Мухаммед, а его старший сын Махмутек (Махмут, Махмуд). - Ред.

Таблица 2. Распределение атрибутированных джучидских дирхемов с Каменного Бугра по монетным дворам.

Монетный двор	Число дирхемов		Число типов	
	экз.	%%	штук.	%%
Азак	2	1,4	2	3,6
Иль Уй Муаззам	16	10,6	4	7,2
Каффа Джадид	4	2,7	2	3,6
...Мансур	1	0,7	1	1,8
Орда	6	4,0	4	7,3
Орда-Базар	31	20,6	6	10,9
Орда-Муаззам	4	2,7	3	5,5
Орда ...	1	0,7	1	1,8
Сарай	9	6,0	2	3,6
Сарай ал-Джадид	1	0,7	1	1,8
Хаджи Тархан	53	35,3	14	25,5
Хорезм	1	0,7	1	1,8
не прочтен	1	0,7	1	1,8
не проставлен	2	1,4	2	3,6
не ясен	18	12,0	11	20,0
Всего	150	100,0	55	100,0

центров, начавший функционировать в 776/1374г и единственный, который работал весь XV в. Столько же в сумме монет и их типов Орды с разными эпитетами и без них, которые в это время были, очевидно, разными монетными дворами. На третьем месте выявленный всего три десятилетия назад Иль Уй Муаззам - 10,6% по количеству монет и 7,3% по числу типов. Прежде были известны его дирхемы с именами двух ханов- Улу-Мухаммада и Давлет-Бирди, здесь найден дирхем еще Джелаль ад-Дина. А.Г. Мухамадиев и Г.А.Федоров-Давыдов,¹⁹ отталкиваясь от данного ими перевода названия «Дом Страны Высочайшей», предположили, что так мог называться только столичный монетный двор, то есть монетный двор Сарай. Однако у этих же 3 ханов есть дирхемы с местом выпуска «Сарай»: у Джелаль ад-Дина — в собрании Эрмитажа (Марков²⁰ N1447), в некоторых кладах²⁶ (клады N 188,224); у Улу-Мухаммада — 7 его сарайских дирхемов есть в данном комплексе; у Давлет-Бирди — в составе одного из изданных кладов²⁶ (клад N445). В джучидской нумизматике до сих пор не было примеров, чтобы один монетный двор одновременно обозначался на монетах

под разными названиями. Нельзя ли предположить, опираясь на большой процент в нашем комплексе редких обычно монет Иль Уй Муazzам, что за этим названием скрывается не сама столица, а ее ближайший спутник, пик общественно-экономической жизни которого падает на время чеканки дирхемов на нем?!

Дирхемов самого Сарая в комплексе почти вдвое меньше - 9 монет — двух типов, что указывает на низкую мощность столичного монетного двора в XV в. Почти столько же в комплексе монет крымского региона: 4 дирхема Каффи-Джадид Шадибек хана, 3 аспра Каффи времени противоборства Улу-Мухаммада и Давлет-Бирди и 1 акче Хаджи-Гирея г.Крым. Заметная доля монет не близкого Крыма может свидетельствовать о наличии постоянных экономических контактов Нижнего Поволжья и Крыма в XV в., чего не наблюдалось по нумизматическим данным в XIV в.^{3,4,9,13}

Дирхемов остальных южных монетных центров по 1-2 экземпляра: Азака, Сарая ал-Джадид и неведомого пока..?. Мансура.

В комплексе один из дирхемов оказался маркирован неопубликованным типом надчекана - в виде виньетки из 2 скрещенных овалов.

Вопросы метрологии дирхемов XV в. от Шадибека до Улу-Мухаммада подробно изучены А.Г.Мухамадиевым²², показавшим неуклонное снижение их веса от хана к хану при постоянстве отношения весовых норм нижневолжского и булгарского чекана, равного 1,5:1. Состав комплекса с Каменного Бугра позволяет проследить тенденции в метрологии дирхемов южных центров XVв. в более широком интервале времени. На рис.4 построены весовые гистограммы для дирхемов разных ханов по материалам данного комплекса. В случае монет Шадибека и Пулада привлечены также данные Саранского клада¹⁴, поэтому заполнение области максимума здесь более полное и его положение определяется точнее - 1,12-1,13 г. Уже при Тимуре заметна тенденция к снижению среднего веса до 1,08 г с разбросом от 1,0 до 1,14 г. Дирхемов скоротечных ханов 1412-1427 гг. в комплексе мало и даже вместе их недостаточно для выявления формы и положения кривой весового распределения. Тем не менее видно, что интервал разброса данных сильно расширился в сторону низких значений - от 1,08 до 0,6 г. Гистограмма дирхемов Улу-Мухаммада похоже носит бимодальный характер - вес большей части монет лежит в интервале 0,75-0,82 г с максимумом при 0,78 г, но намечается второй пик в районе 0,62-0,64 г. Так как в комплексе нет монет казанского региона с 1,5 раза более низкой весовой нормой, то бимодальность распределения может быть обусловлена двумя весовыми нормами чекана дирхемов Улу-Мухаммада. Во время его ранних владений престолом средний вес дирхемов был 0,78 г, а в последние годы четвертьвековой карьеры он был снижен до 0,63 г. При трех последующих ханах весовая норма дирхемов стабилизировалась именно на этой величине с максимальным разбросом 0,5-0,7 г. Примечательно, что по этой же весовой норме стали чеканиться серебряные акче в

Крымском ханстве, начиная с первых выпусков 845/1442 г. и не снижавшейся до конца правления Менгли-Гирея I (921/ 1515): весовая гистограмма для 240 акче имеет четкий максимум при 0,65 г, а 88% значений веса лежат в интервале 0,55-0,7 г²⁷.

Кроме снижения веса дирхемов XV в., исследователями отмечалось ухудшение пробы серебра в них, но конкретных цифр не приводилось^{19,22}. Для выявления тенденций в составе монетного сплава в XV в. для большинства дирхемов комплекса методом гидростатического взвешивания была измерена плотность, с привлечением данных по монетам этого времени из частных коллекций. По полученным данным построены гистограммы (Рис.5). Хотя число измерений для монет отдельных ханов часто очень невелико (9-12 значений), наблюдаемые тенденции представляются достаточно однозначными. При Шадибеке и Пуладе плотность высокая - положение пика при 10,3 и 10,2 г/см³, соответственно. Полагая в этом случае состав монетного сплава бинарным Ag-Cu, эти значения плотности будут отвечать 80-85% содержанию серебра. Из серебра такой же пробы чеканились джучидские дирхемы в XIV в., о чем свидетельствует состав слитков, сплавленных из кладовых комплексов в несколько сотен и тысяч монет²⁸: слиток из клада N125 в 278 монет имел пробу 800, клада N 136 в 747м-800, клада N 152 в 5684 монеты-845.

Дирхемов ханов 1411-1427 гг. в комплексе и доступных частных коллекциях очень мало, поэтому для них была построена суммарная гистограмма, показавшая максимум при 9,15 г/см³ с максимальным интервалом разброса от 8,6 до 10,2 г/см³. Этот же результат получен и для монет 4 последующих ханов, то есть однажды сниженная проба одним из ханов периода 1411-1427 гг. затем до 60-70-х гг. более не изменялась. На верхнем графике рис.5 построена суммарная гистограмма для монет после Пулада, имеющая четкий пик при 9,1 г/см³ с большим интервалом разброса от 8,0 до 10,0 г/см³. Для бинарного Ag-Cu сплава величина 9,1 соответствовала бы всего 10,5% серебра; еще большее недоумение вызывает тот факт, что почти половина монет имеет плотность меньшую, чем у чистой меди ($\rho_{Cu}=8,96$ г/см³). Однако все дирхемы комплекса внешне выглядят вполне серебряными. Для выяснения причины этих разногласий были сняты рентгенограммы с поверхности дирхемов 4 ханов, начиная с Улу-Мухаммада. У всех 4 монет поверхностный слой (не глубже 10 мкм) состоял в основном из серебра с небольшой примесью закиси меди Cu₂O, в которую превратилась медь сплава за века нахождения в земле. Затем у 2 стертых монет (из NN 155-164) и у N 140 со стертой л.с. поверхностный слой был сошлифован на глубину 100 мкм, при этом обнажился внутренний слой, имевший желтоватый цвет вместо серебристого. Рентгенограммы с поверхности шлифов показали, что сплав во внутренних слоях дирхемов бинарный Cu-Ag с большим количеством меди, чем серебра. По известной методике²⁶ с использованием эталонных сплавов заданного состава (30,0 и 46,5%

Ag), по этим рентгенограммам было определено содержание серебра во внутренних слоях дирхемов, оказавшееся равным 22,8;37,3 и 33,3%. Таким образом, дирхемы 1420-1460-х гг. в среднем содержали 30+7% серебра, однако в тонком поверхностном слое содержание серебра было много выше для повышения коррозионной стойкости и улучшения внешнего вида. (Технологическая стадия повышения пробы поверхности низкопробных монет называется «отбел»; она существует в монетном деле многих стран и в наше время²⁹).

Сплав Ag:Cu = 0,3:0,7 должен иметь плотность 9,4, а не 9,1 г/см³ и ни один дирхем в интервале разброса значений не должен иметь плотность ниже, чем у меди. Причина заниженных фактических величин плотности дирхемов 1420-1460 гг. заключается в обнаружившейся слоистости их структуры. Она проявляется в отслаивании с поверхности монет тонких слюдообразных чешуек металла, в наличии тонких темных прослоек на поверхности излома, в непостоянстве веса монет в воде, который у монет с очень низкой плотностью растет с увеличением времени выдержки в воде. Такого не наблюдалось в случае акче Крымского ханства, имеющих примерно такую же пробу²⁷. Нам представляется, что слоистая структура многих низкопробных дирхемов изучаемого комплекса не является исходной, а является результатом многовекового нахождения в сильно засоленной и поэтому химически агрессивной почве, какой является почва в районе с.Селитренное.

Медные монеты с Каменного Бугра

Сильная засоленность почвы еще больше отразилась на сохранности медных монет: почти все они сильно корродированы; 66 пулов (27,2%) оказались неопределенными, из них 48 полностью без следов изображений. Для установления выпускных данных, составления реконструкций монетного типа во многих случаях приходилось использовать аналогичные экземпляры из частных коллекций. Недавно авторами подробно описано с изображениями 103 типа джучидских пулов^{3,4}, поэтому встреченные здесь налогичные типы не будут подробно описываться и изображаться, а будут отсылаться к этим работам. Неизданные типы и варианты приведены в виде рисованных реконструкций на рис.2 и 3.

1. Анонимный пул времени Узбека, Сарай 721 г.х.. ЯI-30; К.Л-3. В=0,79.
- 2-3. Тоже, Сарай 726 г.х. («Сокол»),Фр.-41; К.Л-4. В=0,93;1,16.
- 4-7. Тоже, ас-Сарай 731 г.х., ЯI-34; К.Л-5а. В=0,63;0,95;1,05;1,32.
- 8-15. Тоже, Сарай 737 г.х. («Лев с полудиском солнца над спиной»). ЯI-40; К.Л-12а. В=0,72;0,83;0,88;0,89;1,14;1,21;1,25;1,50.
16. Подражание пулам Сарая 737 г.х. К.Л-12П-6. В=1,03.
17. Анонимный пул времени Узбека, Сарай 737 г.х. («Лев и весь диск солнца»).Фр-57; К.Л-13. В=1,58.

- 18-25. Анонимный пул времени Джанибека, Сарай ал-Джадид («Двуглавый орел, мелкий шрифт»). ЯV-13а; К.Л-21б. В=0,44;0,55;0,82;0,9;1,17;1,19; 1,33;1,48.
- 26-37. Тоже, но вариант неясен. В=0,45;0,73;0,84;0,9;1,15;1,2;1,23;1,29.
38. Подражание типу «Двуглавый орел». К.Л-21П-5 по о.с. Рис.2 / 38. В=0,87.
- 39-40. Анонимный пул времени Джанибека, Сарай ал-Джадид 752 г.х. («Цветочная розетка»). ЯV-29а,г; К.Л-30а,г. В=1,74;2,32.
- 41-42. Тоже, но 753 г. ЯV-31б; К.Л-31б,г. В=1,75;2,53.
43. Тоже, но 756 г.х.Кр.37; К.Л-34а. В=1,15.
- 43а. Анонимный пул, Сарай ал-Джадид 761 г.х. («Цветочная розетка»). ЯV-46а; К.Л-38а. В=2,06.
- 44-63. «Цветочная розетка» 751-761 гг.х., но год и варианты неопределены. В=0,65;0,7;0,92;0,96;1,03;1,09;1,26;1,4(2);1,5;1,6;1,69;1,89; 1,94;1,97;1,98(2);2,13;2,29;2,43.
64. Подражание типам «Цветочная розетка» 751-761 гг.х. Рис.2 / 64. В=1,23.
65. Анонимный пул времени Бердибека, Мохши 758 г.х. Кр.40 / 16; К.Л-35. В=0,46 (пробита).
66. [Тегай Бек ?], Мохши, год? Кр.62/37-39. Рис.2 / 66. В=0,34.
- 67-68. Хыэр хан, Сарай ал-Джадид 762 г.х. ЯI-89; К.Л-39. В=2,77;2,89.
- 69-70. Тоже, год? В=3,15, на второй надчекан «Хан» (ЯI-146). В=1,90.
71. Хыэр хан, Гюлистан 722(-762) г.х. ЯV-36г; К.Л-40г. В=3,05.
- 72-73. Кильдебек хан, Сарай ал-Джадид 763 г.х., ЯI-94; К.Л-42. В=1,63;1,9.
- 74-76. Хайр-Пулад хан, Сарай ал-Джадид 764 г.х. ЯI-98; К.Л-44. В=1,77;2,78.
77. Анонимный пул времени Абдаллаха, Азак 765 г.х. Фомичев³⁰ N 70-78; К.Л-45. В=2,69.
78. Тоже,Гюлистан 766 г.х. ЯI-113; К.Л-49. В=2,85.
79. Улджай-Тимур хан, Сарай ал-Джадид 768 г.х. Настич³¹. В=3,03.
80. Анонимный пул, Сарай ал-Джадид 768 г.х. Фр.-165; ЯI-115. В=4,55.
- 81-82. Тулунбек ханум, Сарай ал-Джадид 773 г.х. ЯI-106. В=2,06;1,42(обл).
- 83-84. Анонимный пул, Город Сарай, дата искажена - «27,227». К.Л-53. В=1,72; 2,28.
85. Анонимный пул, Сарай ал-Джадид, дата искажена - «17». К.Л-99. В=2,24.
- 86-90. Анонимный пул 70х гг. («Летящий дракон»), недатированный вариант. К.Л-54а, б. В=0,52;1,08;1,32;2,08;2,30.
91. Анонимный пул, Сарай 78(0?) г.х., не издан. Рис.2-91. В=1,05. л.с. В сложном картушке тамгаобразный знак - двузубец без подставки.

о.с. В круге; «Чека(н)/Сарая/78».

92. Анонимный пул, Хорезм(?). Рис.2/92. В=0,53 (обл.).

л.с. В центре — тамга-трезубец, вокруг обрывки неясной надписи.

о.с. В квадратной рамке - секира вправо.

Аналогичный пул (но секира влево) был недавно опубликован в составе подъемного материала Хорезмской экспедиции³² и тоже с несохранившимися выпускными данными. Так как все остальные джучидские монеты хорезмского комплекса (8 дирхемов 5 типов, 53 пула 22 типов) были только чекана Хорезма с младшими монетами 775-779 гг.х., то и данный пул, очевидно, чеканен в Хорезме и, вероятно, не позже этих же дат.

93-94. Анонимный пул времени Токтамыша, Сарай 787 г.х. («Секира»). ЯI-122. В=1,66; другой экземпляр обломан.

95-98. Тоже, другой орнамент и дата-790 г.х. (5-лепестковая фигура). ЯI-124; К.Л-58. В=1,54;1,63;1,8;1,84.

99-100. Анонимный пул времени Токтамыша, Сарай ал-Джадид 790 (Украшенная 6-лучевая звезда). Кр.91/54; К.Л-60а. В=1,61 и обломок.

101-103. Аналогичен N99-100, но дата 791 г.х. К.Л-97. В=1,62;1,81;2,56.

104-107. Как N 99-103, но год не виден. В=0,86;1,37;1,8;1,89.

108. Тоже, другой тип (4-осный геометрический орнамент), дата стерта (791 или 792 г.х.). Кр.95/59; К.Л-61,100. В=1,59.

109-110а. Тоже, новый тип 795 г.х. (5 лепестковая розетка). К.Л-101а, б. В=1,43;2,40;2,43.

111-112. Тоже, новый тип 796 г.х. (Два «сокола»). К.Л-67. В=1,36;2,04. Анонимные недатированные типы эпохи Токтамыша (1380-1400 гг.)

113-115. Пул без указания монетного двора («Павлин»). ЯI-140; К.Л-64. В=1,42;2,53;2,68.

116-118. Пул Сарая («Кувшин»). ЯI-129, ЯII-138а. В=1,82;1,86;2,19.

119. Пул Сарая («Весы»). ЯI-130. В=1,82.

120-123. Пул без указания монетного двора («Собака с головой назад»). К.Л-96б. В=1,22;1,65(2).

124. Тоже, другой тип («Птица»). ЯIII-1426. В=1,90.

125-127. Пул Сарая, не издан. Рис.2/125-127. В= 0,59;0,94;1,08. л.с. В точечном и линейном кругах две рыбы друг над другом и 8 точек.

о.с. В квадрате с «узлами счастья» по углам: «Чека(н)/Сара-/я», вокруг линейный и точечный ободки, в сегментах по 3 точки.

128-129. Пул Сарая ал-Джадид (4-осевой орнамент). ЯI-135. В=1,27.

130-131. Пул Сарая (Двойная 8-лепестковая розетка). Кр.94/58. К.Л-56. В=1,5.

132. Пул с искаженным названием монетного двора (6-лепестковый цветок). К.Л-97а.

133. Пул Орды ал-Джадид. К.Л-92а. В=1,72. Рис.2/133.

л.с. В точечном круге двойная 6-лепестковая розетка.

о.с. В том же ободке 10-элементный картуш, в нем: «Чекан/Орда/ал-Джадид». При первой публикации монетный двор не был прочтен.

Пулы, относимые к чекану XV века

134-136. Анонимный пул, Сарай, не издан. В=1,07;1,23;1,57. Рис.2/134-136.

л.с. Вокруг точки 6 пересекающихся кружков, в каждом по 3 точки, снаружи волнистый ободок.

о.с. В точечном и линейном кругах: «Чекан/Сарай».

137. Анонимный пул, Сарай (?), не издан. Рис.2/137. В=0,68 (обломок в 3/4).

л.с. В центре 6-лучевой звезды — «трикелес», во всех отсеках 12 точек.

о.с. В круге — искаженная надпись, возможно «Чекан Сарай».

138. Тоже, другое исполнение, не издан. Рис.2/138. В=1,30.

л.с. В круге — криволинейная 6-лучевая звезда, в центре три точки.

о.с. В круге — фрагменты надписи: «[Чека]н/...Cap-/[a]я».

139. Анонимный пул, Хорезм, не издан. Рис.3/139. В=0,67.

л.с. Решетка с 16 ячейками.

о.с. От легенд сохранилось лишь: «.../Хо[резм]».

140. Анонимный пул, город неясен, не издан. Рис.3/140. В=1,20.

л.с. Решетка с 12 ячейками.

о.с. Видно только: «.../Гл...».

141-142. Анонимный пул, Сарай ал-Джадид 810 г.х., не издан.

Рис.3/141-142. В=1,04 и половинный обломок 0,52.

л.с. В квадрате, вписанном в круг, — два скрещенных овала с точками у концов; в сегментах виньетки.

о.с. В точечном и линейном кругах: «Чекан/Сарай/ал-Джадид/810».

143. Анонимный пул, Хаджи Тархан. Гончаров³³ N 15-27. В=1,07. Рис.3/143.

144. Чокре хан, Хаджи Тархан, не издан. Рис.3/144. В=0,86.

л.с. От легенд видно: «Султан/Чокре.../да продлит Аллах...».

о.с. В квадрате: «Хаджи Тарха(н)».

145. Анонимный пул, Хаджи Тархан («Слон»). Гончаров³³. В=0,8; обломок в 3/4 0,88; обломок в 1/2 0,47.

146-154. Тоже, другой тип, не издан. Рис.3/146-154. В=0,55;0,65(2);0,85;1,09

л.с. В центре вписанной в круг 6-угольной звезды — птица-(утка?) вправо, перед ней 4 точки и одна вверху; во всех сегментах по украшению.

о.с. Легенда в 4 строки: «Чека(н)/Хаджи/Тар(ха)на». Ободок не виден.

155. Тоже, новый тип, не издан. Рис.3/155. В=0,57.

л.с. В тройном круге, средний точечный, птица влево.

о.с. В таком же картуше тамга-двузубец, вокруг: «Чекан Хаджи Тархана».

Эта тамга на дирхемах появилась в 20-х гг. XV в. и стала постоянным элементом дирхемов южных монетных центров по крайней мере до 60-х гг., что позволяет датировать этот тип пул не ранее 20х гг.

156-158. Тоже, новый тип, не издан. Рис.3/156-158. В=0,8 и обл. 0,71;0,88.

л.с. В точечном ободке птичья голова(?), вверху и внизу по виньетке.

о.с. В круге: «Чекан/хан/...аджи».

159-164. Тоже, новый тип, не издан. Рис.3/159-164. В=0,6(2);0,64;0,77;0,92.

л.с. В круге — хищный зверь вправо, голова обращена назад.

о.с. В квадрате без деления по строкам с разными искажениями на штемпельных разновидностях: «Чекан Хаджи Тархана».

165. Аналогичен предыдущему, но другое исполнение, Рис.3/165. В=0,75.

л.с. Как на л.с. N159-164, но зверь другого вида.

о.с. В круге сохранилось: «Чекан/...хан/..», внизу многолучевая звезда.

166. Анонимный пул, Хаджи Тархан 817 г.х. Гончаров³³ N 55-63. В=0,76. Рис.3/166.

167. Тоже, другой тип, не датирован, не издан. Рис.3/167. В=0,62.

л.с. Видны фрагменты неясных изображений или легенды.

о.с. С искажениями: «[Чека]н/хана/Хаджи/».

168. Анонимный пул, город ? Не издан. Рис.3/168. В=0,9 .

л.с. Квадрат с диагоналями, во всех секторах по точке.

о.с. От легенд сохранилось: «Чекан/...».

169-186. Джучидские пулы с неясными фрагментами изображений и легенд. (N 169 изображен на рис.3/169).

Иноzemные медные монеты

187. Династия, город, год? Рис.3/187. В=0,69.

188. Династия, город, год? Рис.3/188. В=1,38.

189. Тимуриды, анонимный фельс, XV в., город? В=2,90. Рис.3/189.

190. Тоже, подражание фельсу Бухары 832 г.х. В=2,90. Рис.3/190.

191-192. Россия, денга и полушка 1730-х гг.

193-240. Полностью стертые или корродированные монеты.

Обсуждение комплекса медных монет с Каменного Бугра

Джучидские медные монеты Сарай и других южных монетных центров редко несут на себе имя правящего хана, но с первых выпусков в 20-х гг. и до конца 60-х гг.XIV в. пулы, за редким исключением, датированы. В 70-90 гг. даты стали проставляться не всегда, однако многие недатированные типы по ряду косвенных признаков уверенно отнесены к этому времени. Поэтому хроноло-

гию пулов удобнее рассматривать не по именам ханов, а по интервалам дат выпуска (длительностью в 5-10-20 лет в зависимости от точности датирования пулов без года выпуска). В таблице 3 такое распределение сделано для изучаемого комплекса с разбив-

Таблица 3. Хронология пулов с Каменного Бугра.

период	количество			
	монет	%%	типов	%%
1300-1320	0	0	0	0
1321-1340	17	7,0	5	8,3
1341-1360	50	28,7	5	8,3
1361-1380	27	11,2	16	27,7
1381-1400	42	17,3	17	28,3
XV век	35	14,5	17	38,3
не определ.	20	8,3		
Ср.Азия XV в.	2	0,8		
Россия XVIII в.	2	0,8		
стертые	48	19:8		
Всего	242	100	60	100,0

Таблица 4. Распределение джучидских пулов с Каменного Бугра по монетным дворам.

монетный двор	количество			
	монет	%%	типов	%%
Азак	1	0,6	1	1,6
Гюлистан	2	1,2	2	3,2
Мохши	2	1,2	2	3,2
Сарай	39	22,9	16	25,8
Сарай ал-Джад.	85	50,0	20	32,3
Халжи Тархан	25	14,7	10	16,1
Хорезм	2	1,2	2	3,2
Орда ал-Джадид	1	0,7	1	1,6
подражания	2	1,2	2	3,2
не указан	8	4,7	3	4,8
не виден	3	1,8	3	4,8
Всего	170	100	62	100

кой по 20-летиям для XIV в., а XV в. без разбивки, так как большинство пулов этого века выявлено впервые.

Полученные результаты показывают, что в комплексе хронологически представлен весь джуцидский медный чекан нижневолжского региона с 20-х гг. XIV в. и, по-видимому, до прекращения чеканки медных монет в Орде в середине XV в. Численно преобладают пулы середины XIV в.-1/5 всего комплекса.

Втрое меньше пулов ранних выпусков и в 1,2-1,9 раз меньше в последующие периоды. Иная картина наблюдается в распределении по числу типов монет. Доля монет середины XIV в. уменьшилась в 3,5 раза и сравнялась с долей ранних типов, при этом в среднем в 1,5 раза возрасла доля последующих периодов. Резкое снижение доли монет середины века обусловлено огромным тиражом типов «Цветочная розетка» 1350-х гг. по причинам, подробно рассмотренным авторами в недавних публикациях^{3,4,34}. И наоборот, двукратный рост доли монет XV в. означает низкий тираж отдельных эмиссий этого времени.

Отсутствие дат выпуска у большинства типов пулов XV в., не позволяет установить верхнюю границу комплекса медных монет с Каменного Бугра. Своебразными хронологическими реперами в этот период являются анонимный пул 810/1408 г., именной выпуск Чокре (1414-1415), анонимные-тип 818 /1416 г. и пул с тамгой-двузубцем (1425-1480), а также два тимуридских фельса середины XV в. Российские денга и полушка 1730-х гг., как и серебряная копейка Петра I, характеризуют ситуацию в этих местах три века спустя, когда здесь были построены селитренные заводы.² Еще две российские монеты XVIII в. были найдены на соседнем Селитренном городище экспедицией Ф.В.Баллода в 1922 г.²

География золотоордынских пулов, обращавшихся на Каменном Бугре, иллюстрируется таблицей 4. Как и в случае дирхемов, здесь налицо чекан только южных центров с подавляющим преобладанием эмиссии городов Нижнего Поволжья: 89% по количеству монет и 77,5% по числу их типов. Половину комплекса по количеству монет и 1/5 по числу типов составляет чекан Сарая ал-Джадид; далее идут пулы Сарая (23 и 26%, соответственно) и Хаджи-Тархана (15 и 16%). Всего по 1-2 монете других регионов - Азака, Мохши, Орды ал-Джадид, Хорезма. Подобная картина типична для подъемных комплексов медных монет нижневолжских городищ^{3,4,9,13} за исключением доли пулов Хаджи Тархана: в опубликованных многое более объемных монетных сборах с Селитренного,⁹ Царевского¹³ и Водянского³ городищ (в 715, 789 и 1219 определимых монет, соответственно), пулов Хаджи Тархана нет совсем. Как известно, в золотоордынских городах сфера обращения медных монет обслуживалась в основном пулами столичного чекана и собственного монетного двора, если он имелся. После разгрома Тимуром в 1395 г. всех городов Нижнего Поволжья монетные дворы Сарая и Сарая ал-Джадид практически перестали чеканить медные монеты, по-видимому, была

разложена и сложившаяся государственная система снабжения населенных пунктов медной монетой. В следствие этого в тех городах, где жизнь в какой-то мере возобновилась в XV в., для внутреннего обращения могли использоваться лишь пулы чекана XIV в. Например, в Бельджамене не найдено ни одной монеты XV в., но много разновесных пулов 790-799 гг.х., маркированных несколькими видами надчеканов,⁴ очевидно, для унификации их стоимости. Не хватало пулов собственного чекана XV в. и в Сарае ал-Джадид, поэтому и здесь были пущены в ход надчеканенные монеты XIV в.¹³ На Каменном Бугре, максимум экономической жизни которого падает на середину XV в., для местного обращения, по-видимому, тоже использовались пулы XIV в., хотя надчеканивания их не производилось. Кроме того, благодаря близости к Хаджи Тархану (около 100 км), сюда попадало много его чекана XV в. Хотя Хаджи Тархан также подвергся разрушению в 1395 г., но его монетный двор или не пострадал или был быстро восстановлен, так что на нем в XV в. велась регулярная чеканка дирхемов и, по-видимому, пулов. В настоящее время большая часть городища Хаджи Тархана смыта водами Волги, поэтому восстановить его медный чекан XV в. могут лишь находки на тех селищах, где жизнь не прекратилась в это время и которые расположены в его ближайшей округе. К одним из таких селений и относится Каменный Бугор. В недавно опубликованной сводке всех известных медных монет Хаджи Тархана описано 11 их типов³³, комплекс с Каменного Бугра добавляет к этому еще 7 новых типов его пулов.

Сравнивая хронологический состав комплексов серебряных и медных монет, напрашивается два разных вывода о времени заселения Каменного Бугра. Полное отсутствие в комплексе дирхемов обильного чекана Токтамыша и его современников 1380-1400 гг. как-будто указывает, что активная общественно-экономическая жизнь здесь началась лишь с начала XV в. Состав же комплекса медных монет включает в себя практически все массовые типы пулов нижневолжского чекана XIV в., что отодвигает начало городской жизни на Каменном Бугре вглубь XIV в. Разрешить это противоречие можно также двояко. Возможно, заселение началось здесь лишь с XV в., а медь XIV в. потребовалась из-за отмеченной выше нехватки пулов нового чекана. Можно с другой стороны допустить, что Каменный Бугор в XIV в. представлял собой сугубо сельское предместье Сарай без торгово-ремесленного и тем более административно-политического сословий, целиком сосредоточенных в стольном соседнем городе. В этом случае потребность в серебряной монете здесь практически отсутствовала. После 1395 г. сюда пришла часть оставшихся в живых горожан, которые за короткий срок превратили бывшее чисто сельское предместье в городское поселение со всеми его потребностями, в том числе обращением серебряных монет. Более того, в первой трети XV в. здесь возможно стал функционировать

свой монетный двор, именовавший себя на своих дирхемах Иль Уй ал-Муаззам=Дом Страны Высочайшей.

Запустение Каменного Бугра, вероятно, произошло в 70-х гг. XV в. и не исключено, что насильственным путем, на что указывает большая плотность небольших рассеянных кладов, то есть не спрятанных в кубышках сокровищ, а рассыпавшихся при разрушении жилищ семейных наличностей.

Заключение

Изучен подъемный комплекс из 165 серебряных и 242 медных монет с золотоордынского небольшого городища Каменный Бугор, расположенного в 5 км к юго-востоку от руин Сарай. Подкомплекс серебряных монет состоит из 47 одиночных находок татарских монет XV в., трех рассеянных кладов - в 22 дирхема 1400-1415 гг., 47 дирхемов 1415-1430 гг., 31 дирхема второй трети XV в. и одного компактного клада этого же времени в 19 монет. Не золотоордынских монет 5 - три татаро-генуэзских аспра 1421-1435 гг., акче Крымского ханства 871/1467 г. и копейка Петра I 1701 г. Из монет Золотой Орды атрибутировано 26 известных типов дирхемов и 9 публикуются впервые. Подтверждено неуклонное падение среднего веса дирхемов с 1,1 г в начале XV в. до 0,6-0,65 г в 30-х гг. и показана его стабилизация на этом уровне в 40-70х гг. Установлено, что высокая проба дирхемов XIV в. (80-85 % Ag) еще сохранялась при Шадибеке и Пуладе, затем была резко снижена до 30-35% Ag и на этом уровне поддерживалась до 60-70 гг. При этом поверхностный слой принудительно обогащался серебром (путем отмычки части меди, как это делается и в наше время при чеканке низкопробных монет).

Медные монеты комплекса охватывают более широкий временной интервал - с начала их чеканки в Нижнем Поволжье в 20x гг. XIV в. и до середины XV в. К чекану XV в. отнесены 10 типов джучидских пулов чекана Хаджи Тархана, 3 типа пулов Сарай, по 1 - Сарай ал-Джадид и Хорезма, а также 2 тимуридских фельса. Как и среди дирхемов и здесь обнаружен русский чекан XVIII в. - полушка и денга 1730х гг., которые характеризуют уже время российского промышленного освоения этих мест.

Исходя из суммарного состава монетного комплекса, основание поселения на Каменном Бугре, возможно, произошло во второй половине XIV в. Сначала это было, по-видимому, чисто сельское предместье Сарай, в которое после разгрома городов Нижнего Поволжья 1395 г. пришла часть оставшихся в живых горожан и в короткий срок наладила в нем активную торговую-экономическую жизнь. Высказано предположение, что возникший на Каменном Бугре город-спутник в первой трети XV в. производил чеканку дирхемов, именуя свой монетный двор - Иль Уй Муаззам = Дом Страны Высочайшей.

Примечания:

- ¹ Егоров В.Л.Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв.М.1985. С.109-120.
- ² Баллод Ф.В. Старый и Новый Сарай-столицы Золотой Орды. Казань, 1923. (Цитируется по: «Татарская Археология» N 2(3). Казань, 1998, С.109-134).
- ³ Клоков В.Б., Лебедев В.П. Джучидские монеты с Водянского городища //Номадизм. Кочевники средневековья Восточной Европы. Золотая Орда. Донецк, 1999.
- ⁴ Клоков В.Б., Лебедев В.П. Монетное обращение золотоордынского города Бельджамен //Древности Поволжья и других регионов. Н.Новгород, 1999.
- ⁵ Fraehnii Ch.M. Recensio Numorum Muhammedanorum. Pp.1826.
- ⁶ Френ Х.М. Монеты ханов Улуса Джучиева. Спб., 1832.
- ⁷ Савельев П.С. Монеты Джучидов, Джагатаидов, Джелаиридов и др., обращавшихся в Золотой Орде в эпоху Токтамиша. ЗРАО т.XII в.2, 1858. С.1-342.
- ⁸ Lane-Pool S. Catalogue of the Oriental of Coins in the Britich Museum. v.VI L.1881.
- ⁹ Кротков А.А. Два собрания джучидских монет //Труды Ниж.-волж.общества краеведения. Саратов, 1930, С.3-42.
- ¹⁰ Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946-1952 гг. МИА 42. М., 1954.
- ¹¹ Янина С.А. То же в 1953-1954 гг. МИА, 61.М.,1958.
- ¹² Янина С.А. То же в 1957 г. МИА, 80. М.,1960.
- ¹³ Янина С.А. Золотоордынские монеты из раскопок и сборов Поволжской экспедиции на Царевском городище //Поволжье в средние века. М., 1970.
- ¹⁴ Федоров-Давыдов Г.А. Монеты Московской Руси. МГУ, 1981. С.13-25.
- ¹⁵ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М-Л., 1950.
- ¹⁶ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.
- ¹⁷ Лебедев В.П., Тростянский О.В. Небольшой клад джучидских монет из под Саратова //Международный нумизматический альманах, в.6. Вологда 1999, С.97-105.
- ¹⁸ Федоров-Давыдов Г.А. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода. НЭ, т.В. М.,1965. С.179-224.
- ¹⁹ Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А. Склеп с кладом татарских монет XV в. из Старого Сарая //Новое в археологии, N 4.М 1972, С.308-316.
- ²⁰ Марков А.К. Инвентарный каталог мусульманских монет имп. Эрмитажа. СПб., 1896.
- ²¹ Лихачев Н.П. Материалы для истории русской византийской сфрагистики //Труды музея Палеографии, т.II. Л., 1930. С.138, рис.122.
- ²² Мухамадиев А.Г. Два клада татарских монет XV в. //СА. 1966, N2, 259-73.
- ²³ Ретовский О.Ф. Генуэзско-татарские монеты //ИИАК 1906, в.18, таб.III, N 139,142,169.
- ²⁴ Retowsky O. Die Munzen der Girey //TMHO, т.П, в.3.М., 1903, таб.1, N140-144.
- ²⁵ Гаев А.Г. Монеты золотоордынского хана Махмуда (1445-1461) // Тезисы докладов VII Всероссийской нумизматической конференции в Ярославле. М., 1999, с.70-74.
- ²⁶ Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет //НЭ, т.І, 1960. С.94-192; НЭ, т.IV.М., 1963. С.165-221; Города Поволжья в средние века М.,

1974. С.176-181.
- ²⁷ Лебедев В.П. К нумизматике Гиреев. Монеты Саадата I (929-935) // Древности нижегородского Поволжья, в.2. Нумизматический сборник т.1. Н. Новгород, 1997. С.87-96.
- ²⁸ Хейкер Д.М., Зевин Л.С. Рентгеновская дифрактометрия. М., 1963. С.201.
- ²⁹ Монетное дело //Техническая Энциклопедия. Т.XIII, М., 1931. С.516-517.
- ³⁰ Фомичев Н.М. Джучидские монеты из Азова //СА, № 1, 1981. С.219-241.
- ³¹ Vladimir Nastich. Uljay Timur - an unknow khan of the Golden Horde. Oriental Numismatic Society № 154. Autumn, 1997.
- ³² Иванов Н.Н. Монетные сборы, подъемный материал в маршруте Хорезмской экспедиции 1966 г. //Древности Поволжья и других регионов. В.3, 1999.
- ³³ Гончаров Е.Ю. Медные монеты XIVв. Хаджи Тархана //Восточное историческое источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины. В.5. М., 1997. С.177-183.
- ³⁴ Лебедев В.П., Клоков В.Б. Загадки новосарайского чекана медных монет в Золотой Орде. //Тезисы докладов VII Всероссийской нумизматической конференции в Ярославле. М., 1999. С.64-66.

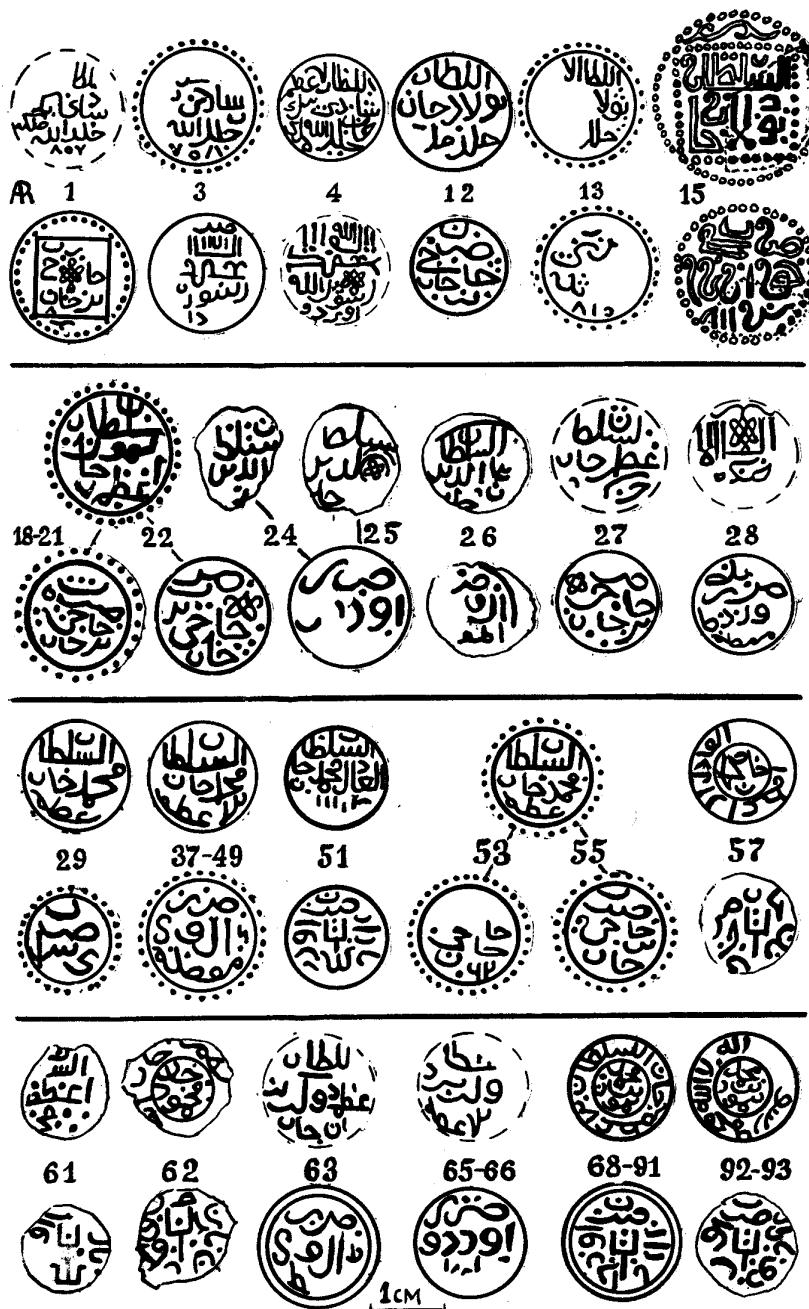


Рис. 1. Реконструкции джучидских дирхемов с Каменного Бугра №№ 1-93.

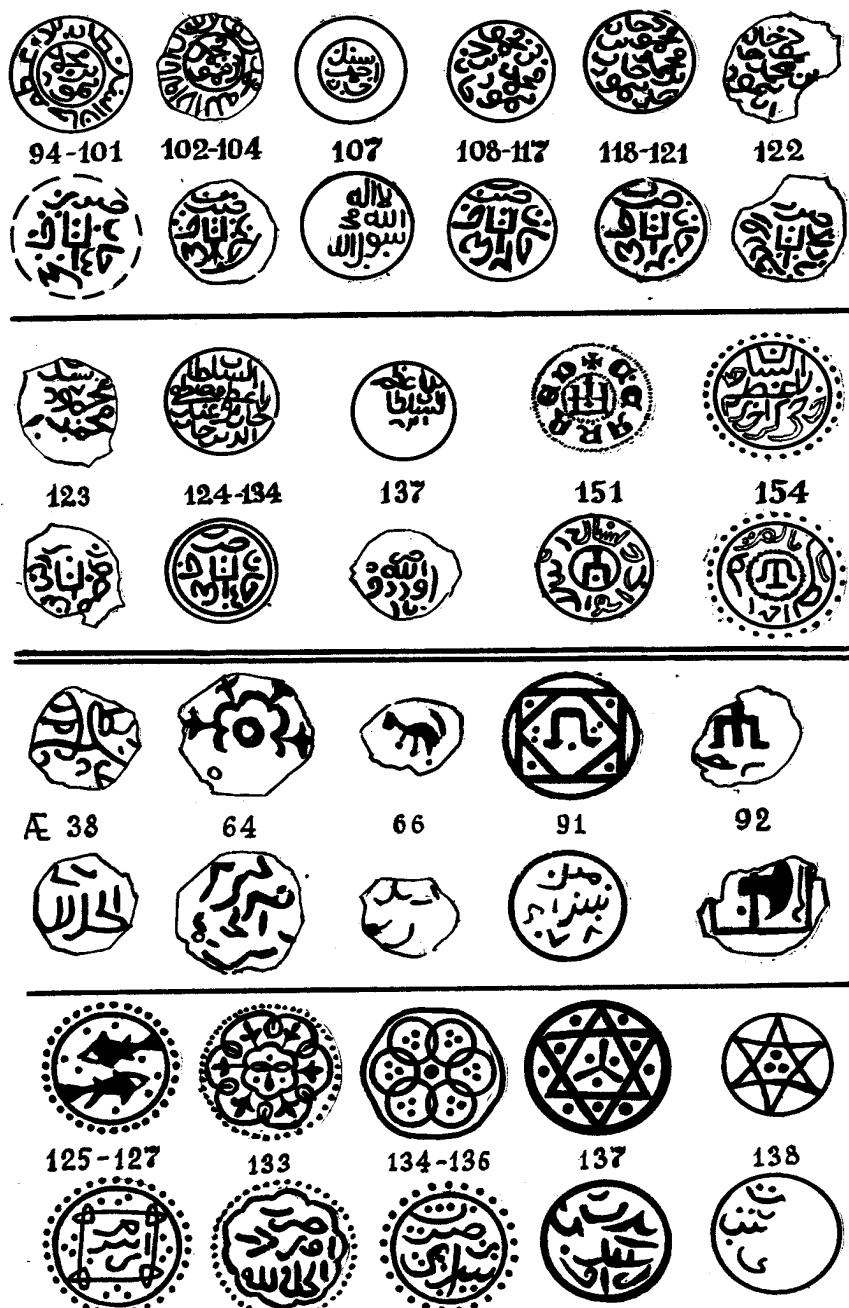


Рис. 2. Реконструкции серебряных монет №№ 94-154 и джучидских пуллов №№ 38-138 с Каменного Бугра.

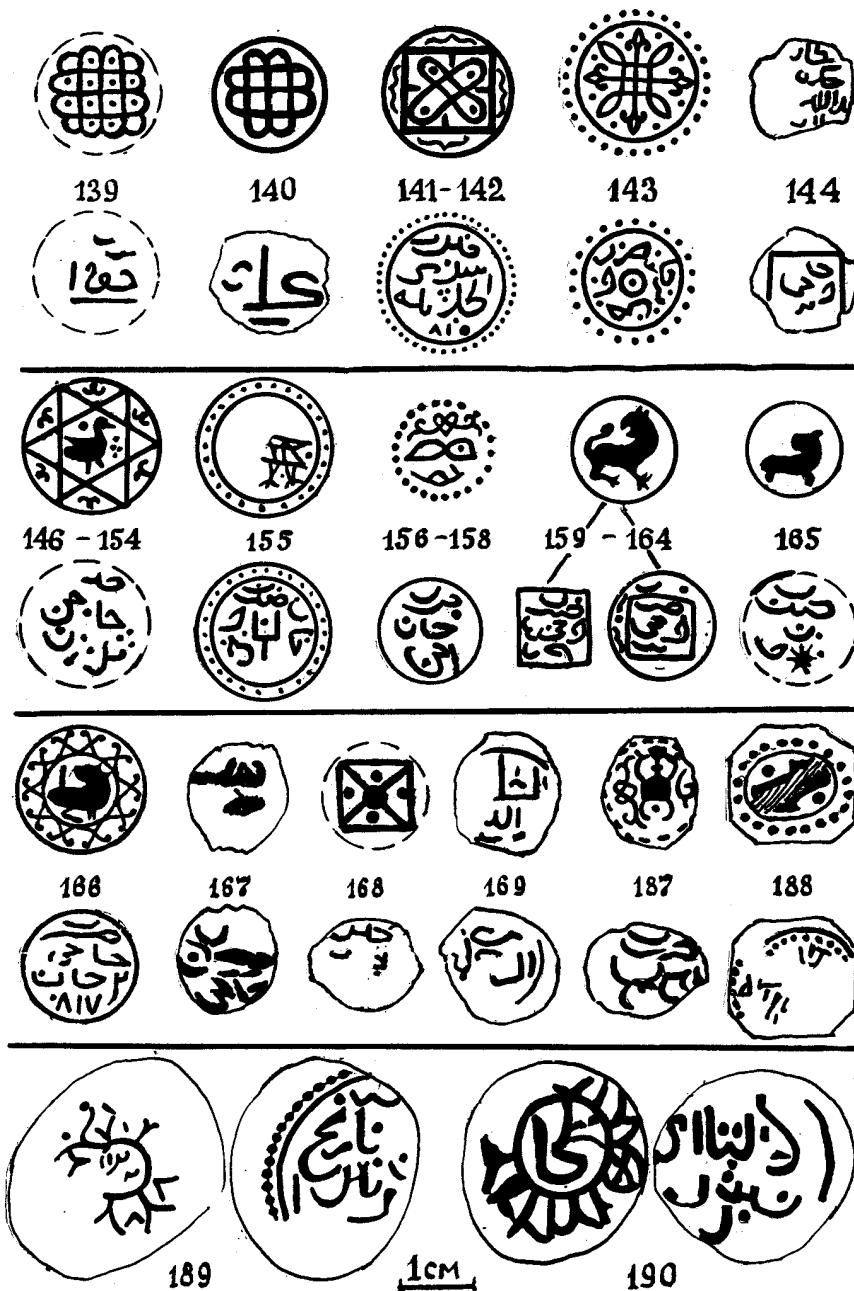


Рис. 3. Реконструкции медных монет №№ 139-190 с Каменного Бугра.

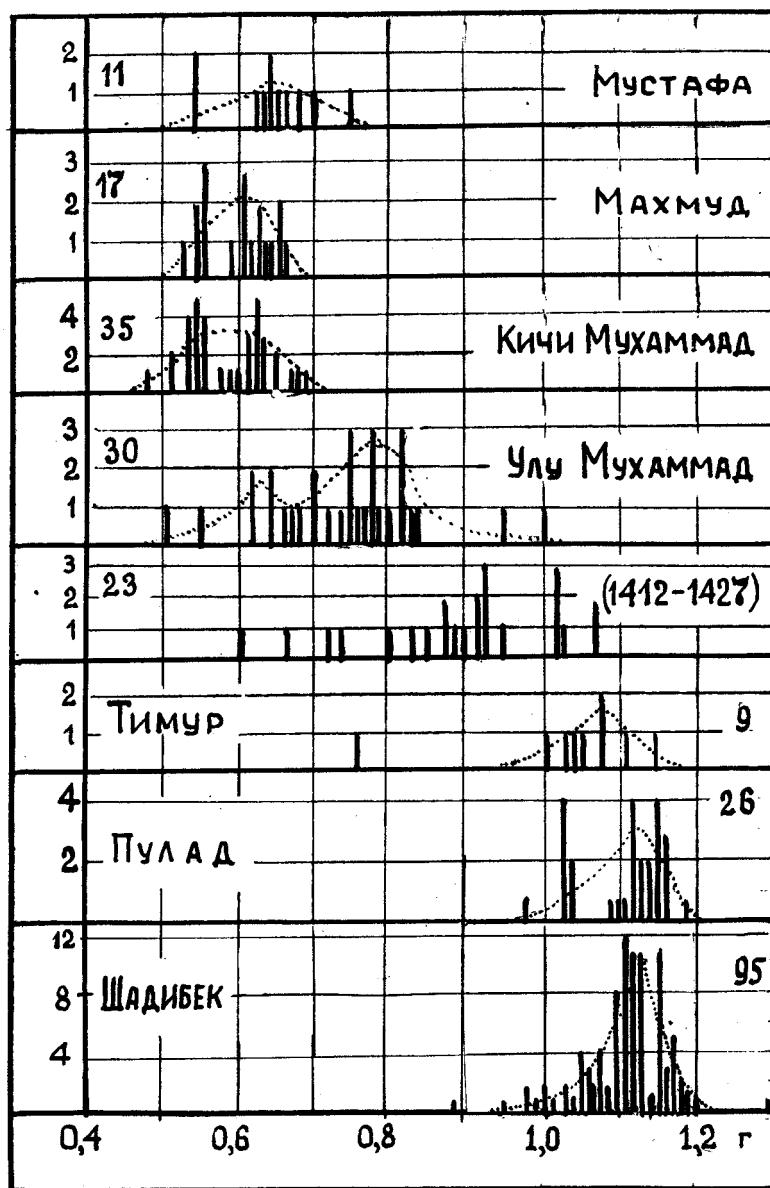


Рис. 4. Весовые гистограммы джучидских дирхемов XV в.

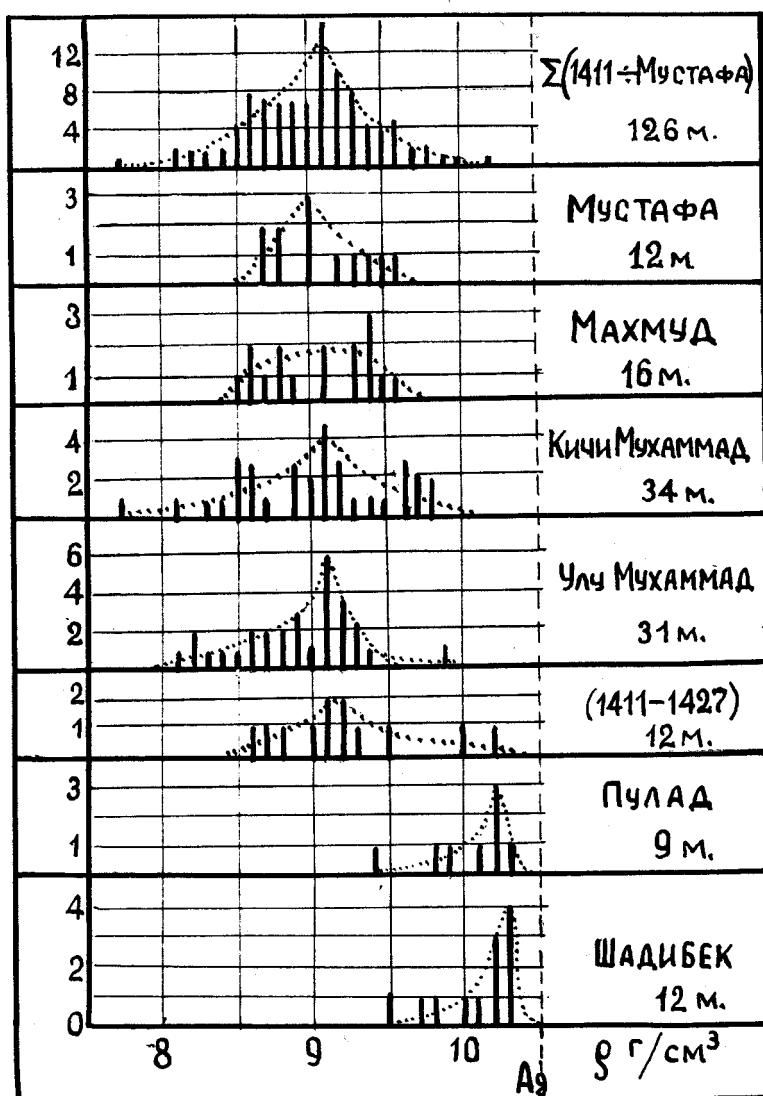


Рис. 5. Гистограммы плотности монетного сплава дирхемов XV в.

Найль Набиуллин
**Город Джукетау в XIII-XIV вв.
(к проблеме перехода домонгольского города в золотоординский)**

Город Джукетау, археологические остатки которого расположены на западной окраине современного г. Чистополя Республики Татарстан (рис. 1-4)¹, обычно перечисляется в составе основных булгаро-татарских городов. Это исторически известный город, неоднократно упоминающийся в древнерусских летописях² и указанный на западноевропейских картах XIV в.³ В эти источники попала очень небольшая часть его истории, которая начинается намного раньше. Хронологические рамки существования Джукетау - X-XIV вв. - позволяют археологически изучать ряд вопросов истории в течение длительного непрерывного промежутка времени, в том числе связанных и с процессом перехода домонгольского города в золотоординский.

Библиографический список работ по истории и археологии Джукетау сравнительно широк, но большинство из них относится к XIX в.⁴ Безусловной заслугой краеведов этого времени нужно считать то, что они сумели локализовать «татарский город Жукотин» древнерусских летописей и его археологические остатки. Но в XX в. памятник был практически забыт, и, пожалуй, только богатые клады и другие находки с территории Джукетау и его окрестностей время от времени напоминали о нем.⁵ Сведения о городе долгие годы в основном черпались из летописей и работы П.А.Пономарева, сделавшего существенный вклад в его исследование.⁶ Да и намного позже из-за отсутствия новых фактических материалов «белые пятна» истории Джукетау в ряде случаев, особенно в популярной литературе, заполнялись путем переноса на него общекартических знаний и представлений, полученных при изучении других памятников (обычно Болгара), априорно, интуитивно; не удалось избежать и некой идеализации и приукрашивания, декларативных тезисов и т.п. Длительное время к данным древнерусских летописей было мало что добавить, а коллекции XIX - начала XX вв. в основном были уже безвозвратно смешаны, разрознены, утеряны или просто украдены.⁷

Первые научные раскопки Джукетау связаны с именем известного археолога-булгароведа Т.А.Хлебниковой. В 1970-1972 гг. ею был изучен ряд жилых и хозяйственных объектов, собран богатый вещевой материал, что позволило охарактеризовать основные этапы жизни города от его возникновения до гибели. Успешные результаты этих работ легли в основу последующих представлений о материальной культуре и специфике нижнекамской группы булгарских памятников. Городище в своем абсолютном большинстве дало домонгольские материалы.⁸ Преимущественно охранные раскопки на территории Донауровского II селища («западный пригород») произошли в его разрушающейся водохранилищем северной, наиболее ранней части и дали соответствующие материалы.

Нужно подчеркнуть, что материалы домонгольского времени были получены практически впервые. К сожалению, исследования памятника тогда не удалось продолжить, и часть полученных материалов, введенных в научный оборот (соответственно - домонгольских), оставалась последней информацией о Джукетау примерно 15 лет. Этого времени было достаточно, чтобы в литературе, особенно популярной, сложился своего рода стереотип о Джукетау как прежде всего о домонгольском городском центре.⁹ Несмотря на никогда не отрицавшуюся значимость золотоордынского Джукетау, полученные на научной основе археологические источники по истории этого периода до последнего времени оставались представлены намного слабее: «Мнение о городе Джукетау как о городе золотоордынской эпохи возникло на основании случайных, в основном дореволюционных собраний и на упоминании его летописями, начиная только с середины XIV в. Но содержание старых собраний, естественно, складывалось главным образом из предметов золотоордынского периода, поскольку они происходили в основном с поверхности памятника - из пахотного слоя, переработавшего верхние поздние напластования города».¹⁰

В 1990 г. при активном участии Т.А.Хлебниковой исследования памятника возобновил как охранно-спасательные Ф.Ш.Хузин и продолжил автор. На каком-то этапе новых работ количество накопленного материала позволило убедиться в правильности прежних предположений или же, наоборот, отказаться от них; определить подмеченные детали как закономерность или случайность; появилась возможность более полно сравнить материалы из разных частей комплекса. Новые работы в основном подтвердили материалы предшествующих исследований и в совокупности с результатами предыдущих лет дополнили наши знания о Джукетау.

В стратиграфической шкале Джукетау, связанной с периодизацией истории Волжской Булгарии (в первую очередь города Болгара) и восточноевропейской средневековой истории в целом,¹¹ выделяется три слоя от современности до времени начала заселения булгарами территории памятника: слой I - современный, XIX-XX вв., частично переработавший часть нижележащих слоев, соответствует слою I Болгара; слой II - золотоордынский, со второй трети XIII в. по XIV в. (начало XV в.?), соответствует слою IV Болгара; слой III - домонгольский, со второй половины X по первую треть XIII в. (1236 г.), соответствует слоям V и частично VI Болгара.

На территории городища мощность культурного слоя вне сооружений не превышает 40-60 см. В его северо-западной части раскопами I-III 1970-72 гг.¹² и раскопом V 1997-1999 гг.,¹³ прирезанным к ним с юга, вскрыты жилые и хозяйствственные объекты домонгольского времени (ямы типа погреба, зернохранилища, остатки заборов). При этом среди многочисленных объектов только одно сооружение 2 раскопа III предположительно было отнесено к концу домонгольского - началу золотоордынского слоев.¹⁴ На ряде участков раскопов I-

III домонгольский слой завершался темной прослойкой мощностью до 10-20 см в виде следов сгоревшей древесины, измельченного разложившегося угля, прокаленного песка над заполнением котлованов некоторых объектов, интерпретированной как следы «монголо-татарского нашествия». На территории городища Т.А.Хлебникова под дерном и пашней выделила слой в виде светло-серой супеси с мелким мергелем мощностью 20-30 см, причем он был значительно нарушен и прослежен лишь на некоторых участках над осевшим заполнением расположенных ниже углублений. Исходя из стратиграфического залегания, а также по аналогии с западным посадом этот слой был датирован временем со второй трети XIII по XIV вв. В качестве датирующих вещей были указаны «находка железного наконечника стрелы, и... некоторые формы глиняной посуды, точнее, оформление их верхней части».¹⁵ Таким образом, городище было датировано временем со второй половины X - начала XI по XIV вв. включительно, при этом были отмечены слабость золотоордынского слоя и невыразительность находок этого времени.

Новые работы подтвердили последнее: они также не дали находок золотоордынского времени, причем в совокупности с прежними материалами показали, что это не локальная особенность района, не слабая насыщенность слоя или его переработанность. При изучении неполивной керамики из раскопов 1970-х и 1990-х¹⁶ годов, действительно, были выявлены фрагменты с чертами, характерными в том числе и для золотоордынского времени (появление этих признаков - процесс, растянутый во времени, который захватывал и домонгольский период). Изучение индивидуальных находок из раскопов на территории городища показало отсутствие предметов, характерных только для XIII-XIV вв.¹⁷ Единственными с территории городища находками, характерными для второй половины XIII-XIV вв., являются несколько железных наконечников стрел, близкие к типам 38:3, 97:4, 72 (монгольский «срезень»)¹⁸ по типологии А.Ф.Медведева.¹⁹ Исходя из функционального назначения этой категории находок и на фоне отсутствия других археологических материалов золотоордынского времени, можно предположить, что наконечники эти, скорее, не датируют золотоордынский слой, а завершают домонгольский. Эти археологические находки заманчиво связывать с историческими событиями 1236 г. Не исключено, что к этим событиям имеют отношение выявленные в 1997-1998 гг. фрагменты человеческих останков из непосредственно культурного слоя городища и заполнения одной из хозяйственных ям (мужчина 30-40 лет, кости обуглены).²⁰

Однако и присутствие на территории городища узкодатирующих находок XIII-XIV вв. еще не явилось бы достаточным основанием для того, чтобы говорить о существовании именно ордынского городища (а не ордынского селища, например, слой которого перекрывает городище предшествующей эпохи). Принципиальное значение имеет датировка оборонительных укреплений городища.

Как и практически во всех полевых описаниях булгарских памятников XVIII-XIX вв., краеведы этого времени обращали внимание прежде всего на городище Джукетау с его оборонительными сооружениями.²¹ С точки зрения отношения системы укреплений к топографическим условиям местности Джукетау относится к широко распространенному типу городищ, подчиненных рельефу местности. Линия оборонительных сооружений из трех валов и двух рвов между ними, защищавшая пространство от р. Кама до рч. Кильевка на протяжении 300 м, ныне сохранилось примерно на треть. На месте их разрыва, где нами в 1997-1999 гг. были заложены раскопы VI, VII (104 кв. м.), общая ширина оборонительных линий составляла 40 м.

Установлено, что строительство и функционирование оборонительных сооружений относится ко времени со второй половины X - начала XI вв. по первую треть XIII вв. Последовательно возводились внутренняя - средняя - наружная линии укреплений. На вершинах валов фиксируются следы слабых вкраплений разложившегося древесного угля, но пока нет достаточных фактов связывать их именно с событиями 1236 г. Здесь удалось выделить лишь «слой запустения»,²² а дальнейшее формирование напластований культурного характера не происходило.²³ Керамический комплекс из этих раскопов, состоящий в основном из посуды групп I («общеболгарская»), XIII («тип джукетау») по классификации Т.А.Хлебниковой²⁴, посуды с толченой раковиной, имел в целом более архаичный облик (повышенное содержание посуды групп VII, VIII, лощеной общеболгарской посуды - до 90% - и др.), чем из раскопов непосредственно на территории городища. На последних по сравнению с материалами из района оборонительных сооружений чувствуется своего рода «устоявшееся состояние» керамики: она здесь менее разнообразна (керамика «тип джукетау» - 2/3, «общеболгарская» - 1/3 от общего количества неполивной керамики из раскопов; здесь меньше других традиционных групп посуды, в том числе с толченой раковиной в тесте), отмечено некоторое уменьшение доли лощеной общеболгарской керамики. Все это вместе взятое позволяет предположить более позднее освоение этой территории, но верхняя дата ее заселения, по имеющимся данным, не выходит за пределы первой трети XIII вв.

Получена стратиграфическая привязка наружного вала к культурному слою прилегающего к нему Кругогорского селища. На материалах разведок оно прежде было датировано золотоордынским временем, но данные раскопок (правда, еще небольших) дают основание говорить, что эта часть комплекса, исторически являвшаяся *восточным посадом* домонгольского города, стала осваиваться примерно одновременно с площадкой городища и синхронна ему. Установлено, после строительства самого позднего наружного вала на его внешнем склоне накопление культурного слоя еще продолжалось в течение какого-то времени, видимо, в конце XII – начале XIII вв. В 50 м к юго-востоку от укреплений зафиксирован мусульманский могильник,

названный Крутогорским, вскрытая часть которого датируется первой половиной XI в.²⁵

Таким образом, городище с оборонительными сооружениями и прилегающим к нему «восточным посадом» отнесены ко времени со второй половины X - начала XI по первую треть XIII вв.

Отсутствие золотоордынского слоя на городище интересно в связи с существующей точкой зрения о запрете монгол восстанавливать оборонительные сооружения после разрушения и занимать удобную в стратегическом отношении местность. Это можно трактовать и как потерю их значения. В рассматриваемом случае эти территории практически перестают использоваться прежде всего как не очень благоприятные для хозяйственной деятельности (высокая, далекая от воды площадка, насыщенность грунта мергелистой крошкой и др.). Этим объясняются меньшая насыщенность культурного слоя и меньшая выразительность вещевого материала здесь даже в домонгольское время. Исключением могут быть береговые линии рек, возможно традиционное использование кладбища.²⁶

Гораздо более удобными для жизнедеятельности человека были земли на противоположном берегу рч. Кильевки, где ныне располагается территория Донауровского II селища. Они также начинают осваиваться во второй половине X в. Среди изученных объектов этой территории, которая исторически являлась *западным посадом* домонгольского города, - жилые и хозяйственные постройки, часть погребений Донауровского могильника. Как и на городище, на ряде участков западного посада домонгольский слой завершается мощной прослойкой пожарища. Стратиграфически пограничное расположение ее между слоями III и II, распространенность на значительной площади комплекса, нахождение в ней небольшого, но довольно яркого материала типа наконечников стрел-«срезней», а также указания В.Н.Татищева, пользовавшегося, видимо, недошедшими до наших дней источниками, дали основание Т.А.Хлебниковой рассматривать эту прослойку как археологические следы взятия Джукетау монголами осенью 1236 г.²⁷ Это предположение укрепилось и в ходе новых исследований.²⁸ В отличие от городища и восточного посада, позднедомонгольские напластования западного посада перекрываются раннезолотоордынскими, причем отсутствие стерильных прослоек между ними указывает на непрерывность их накопления на изученных участках. Золотоордынский слой II, который в целом характеризуется как светло-серая рыхлая супесь, в разных частях западного посада имеют сохранность и мощность от 5 до 50 см.²⁹ На ряде участков он подразделяется на горизонты, примерно соответствующие слоям IV_п и IV_р города Болгары.

Комплекс неполивной керамики из слоя носит облик, типичный для золотоордынского времени. Кроме произошедших качественных и количественных изменений внутри групп посуды широкого хронологического диапазона (I, XIII), постепенно прекращается бытование целых групп, характерных для предшествующей эпохи (II, VI, VIII, IX),

а также появляются новые (XVIII). Не останавливаясь специально на этом достаточно хорошо разработанном вопросе³⁰, укажем на увеличение посуды со смешанными традициями изготовления, в том числе групп I – XIII («общеболгарские» формы и орнамент при крупно- и среднепесочном тесте и заметной заглаженности поверхности, потеря наклона многорядной волны «джукетау» и др.). Появляется привозная «штампованный» керамика и местные подражания ей. В основном золотоординским временем датируется поливная кашинная посуда, а также поливная посуда из плотного мелкотесочного бело-желтоватого теста хорошего обжига; обломки чугунной посуды, бронзовые пластинчатые браслеты, зеркала, поливные кашинные бусы, пуговицы, прядлица, железные наконечники стрел типов 66, 67, 69.³¹ Кроме того, как непосредственно в слое и сооружениях, так и в переотложенном или подъемном виде найден ряд предметов широкого диапазона бытования (в основном XII-XIV вв.), но по условиям нахождения и некоторым признакам их предпочтительней отнести к XIII-XIV вв. Среди них некоторые экземпляры ключей и замков типов Б (XII- первая половина XIV вв.), В и VI (вторая половина XII- начало XV вв.), VII (конец XII- начало XV вв.), Г (первая половина XIII- первая половина XV вв.) по классификации Б.А.Колчина.³² Сюда относятся особенно ключи больших размеров, замки с гребневидным завершением дужки и усиленные дополнительными полосками и т.д. То же можно сказать и о стеклянных бусинах: большинство их, хотя и бытует широко (в основном XII-XIV вв.), видимо, относится к золотоординскому времени. С ним же связаны нумизматические материалы - джучидские монеты из кладов, их отдельные находки,³³ а также добытые в ходе научных исследований монеты с 1240-х по 1380-е годы; встречаются единичные монеты 1419-1421г.³⁴

Значительная нарушенность верхних напластований культурного слоя памятника, отсутствие узкой хронологии датирующих находок поздне- и постзолотоординского времени затрудняют определение верхней даты слоя. Она решается в рамках общеисторических процессов второй половины XIV- начала XV вв., отсутствию каких-либо сведений о городе позже 1410 (1411) г. в письменных источниках, последним нумизматическим находкам и определяется концом XIV - началом XV вв.

Золотоординский Джукетау рос путем расширения к югу и юго-западу территории бывшего западного посада (рис.4), которая теперь стала основной и непосредственной частью города «открытого типа»³⁵ – в конце XIV в. площадь его достигала до 150 га. Изучен ряд объектов слоя: на раскопе III это хозяйственное сооружение нижнего горизонта слоя II, погибшее во время пожара³⁶; на раскопе IV - остатки железоплавильной печи конца XIII-XIV вв.³⁷; на раскопе V - кузничная мастерская середины XIV в.³⁸; в западной части раскопа VI - объекты жилого, общехозяйственного и производствен-

ного (железо- и медеобработка) назначения;³⁹ остатки гончарных горнов у камской террасы⁴⁰ и др.

Кладбище в золотоордынское время продолжает отступать к югу.⁴¹ Исследователи XIX в. отмечали надгробные камни уже у д. Донауровка. Как сообщали нам местные жители, здесь они неоднократно встречали человеческие черепа. Несмотря на то, что некоторые объекты второй половины - конца домонгольского и золотоордынского времени раскопа VI нарушали часть домонгольских погребений, в целом ранний некрополь не был перекрыт; естественный слабый рост мощности культурного слоя в районе могильника в домонгольское время оставался примерно таким же и в золотоордынскую эпоху. Может быть, и некоторые «домонгольские» участки Донауровского могильника в золотоордынское время продолжали спорадически использоваться как кладбище. В связи с этим следует обратить внимание на не совсем определенные сообщения исследователей XIX в. о надгробных камнях «напротив городища», а также, возможно, единичное погребение раскопа III 1993 г. на мысу этого селища, датированное Ф.Ш.Хузиным как золотоордынское.⁴² Известное с XIX в. и утерянное ныне «Жукотинское надгробие»,⁴³ «Галактионовский могильник золотоордынского времени»⁴⁴ - также остатки кладбищ золотоордынского Джукетау.⁴⁵ Таким образом, золотоордынский Джукетау становится большим городом и теряет уловимые границы своей территории, «растекаясь» вглубь террасы и особенно по берегу р. Кама на несколько километров.

Данные по Джукетау логично, на наш взгляд, вписываются в систематизацию булгаро-татарских средневековых памятников, созданную на основе многолетних работ по их выявлению и изучению.⁴⁶ Помимо того, что в золотоордынское время количество как городищ, так и селищ уменьшилось на порядки, произошли изменения в составе и пропорции памятников. В частности, по сравнению с количеством селищ, существовавших в домонгольский и золотоордынский периоды, число селищ, датированных только золотоордынским временем, увеличивается. Эти же показатели для городищ по крайней мере слабо меняются.⁴⁷

Основная часть памятников до сегодняшнего дня продолжает оставаться исследованной только разведками, что, в частности, ослабляет возможности их формальных классификаций. Теоретически в число золотоордынских городищ могут быть включены только памятники с восстановленными или нововозведенными укреплениями этого времени; только наличия золотоордынских находок или слоя (селища) на территории городищ предыдущих эпох недостаточно. Здесь более-менее полные данные могут быть получены только на индивидуальном уровне - непосредственными исследованиями отдельно взятого памятника.

Среди небольшого числа закамских городищ, датированных домонгольским и ордынским периодами, значится Болгар. Его многолетние исследования показывают, что после монгольского нашествия оборони-

тельные укрепления города были уничтожены вплоть до срытия валов и восстановлены только в XIV в.⁴⁸ Восстановленные оборонительные сооружения Болгарского городища на фоне других памятников Закамья в какой-то мере выглядят даже одним из немногих исключений, что, впрочем, еще раз подчеркивает «особый статус» этого города. Фактические материалы раскопок показывают, что городищ, датированных домонгольским и ордынским периодами, на самом деле может оказаться еще меньше. Материалами стационарных раскопок только домонгольским временем было датировано Билярское городище;⁴⁹ на основе раскопок — правда, еще небольших и не затронувших оборонительные сооружения — исследователи пересматривают верхнюю дату городища Сувар⁵⁰; из предкамских памятников предлагается новая датировка городища Кашан I.⁵¹

Слаборазвитая фортификация ордынских городов⁵² была обусловлена как общими закономерностями и тенденциями их развития (в том числе предполагаемый запрет монголов на оборонительные укрепления и др.),⁵³ так, видимо, и частными причинами — вплоть до различий на индивидуальном уровне. Так, городище Джукетау площадью всего 5,8 га не являлось основным местом проживания населения и в домонгольское время, что подтверждается, в частности, относительно бедным его культурным слоем сравнительно с посадами. Прекращение функционирования городища здесь в большой мере связано с причинами естественно-природными, а также демографическими (с ростом населения терялся смысл в существующих укреплениях). Билярское городище, являвшееся полноценным местом основного проживания и деятельности горожан, не восстанавливается на прежнем месте по причинам иных — политico-идеологических (?) — порядков.

Исчезновение домонгольских городищ-городов не всегда означало прекращение жизни реальных городов: археологические селища золотоордынского времени могут являться остатками не только «сел», но и городов «открытого типа». Этот пока слабоизученный процесс своеобразного «перехода» и «переноса» города для разных памятников сходен, но не тождествен. Например, золотоордынский Джукетау перекрывает территорию западного посада домонгольского города и усиленно расширяется, а золотоордынский Биляр занимает также огромную территорию, но на незаселенной свободной (?) территории.⁵⁴

Определить критерии для выделения городов из числа ордынских селищ,⁵⁵ пожалуй, не проще, чем для выделения городов из числа домонгольских городищ. Так, одни селища билярской округи, исходя из их размеров и богатых материалов, рассматриваются как предполагаемые остатки золотоордынского Биляра, а другие нет. Формальные классификации археологических селищ (часть которых, кстати, может являться городищами с недошедшими до наших дней укреплениями), вряд ли что скажут о социально-экономической сущности реальных поселений — сделать это непросто даже после широких их раскопок.⁵⁶ Да и не совсем ясно, где лежит весьма

размытая граница между «городом» и «селом», «городской» и «сельской» культурами. Материалы археологических селищ дают более или менее богатый материал: следы крупных ремесленных производств, торговый инструментарий, монеты, богатые клады, «городские» украшения; предметы весьма далекого импорта и инокультурные предметы (например, нательные кресты).

Подробно не останавливаясь здесь на «общей исторической части» Джукетау, которая вписывается в общую историю эпохи, отметим лишь, что Джукетау - один из немногих закамских городов булгар, выживших после 1236 г. Значительный экономический потенциал в домонгольское время, меньшие масштабы непосредственно погрома города (?), почти полное отсутствие ближайших крупных городов-конкурентов⁵⁷ и другие, пока неизвестные нам причины привели к расцвету города в первой половине XIV в.

Стараясь не преувеличивать роль Джукетау, особенно в масштабах Улуса Джучи (здесь пока не выявлены монументальные сооружения; город не чеканил монеты и т.д.), отметим, что в золотоордынское время он был одним из крупных городских, в том числе ремесленных центров на булгарской территории, имел большие территории в сфере экономического и политического контроля. Джукетау был одним из значительных центров камского торгового пути и был известен в международном масштабе - упоминался в древнерусских летописях, указан на географических картах Старого Света XIV в. На рубеже XIII-XIV вв. с усилением децентрализации, выделения культурно-экономических и, очевидно, политических центров на территории бывшей Булгарии выделяется округа с центром в Джукетау.

Известные события и явления второй половины XIV в. (изменения в маршрутах торговых путей и перераспределение рынков, переселение в Предкамье и др.), непосредственно связанные с историей Улуса Джучи, отразились и на Джукетау и привели к его угасанию и запустению. Походы новгородских ушкуйников и русских князей на средневолжские города как замечательные события отразились в летописях. В связи с тем, что остатки летописного города Джукетау золотоордынского времени в археологическом понимании являются селищем, сообщения письменных источников, определяющих Джукетау («Жукотин») как город, а также его локализация, проведенная краеведами позапрошлого века, приобретают еще большую ценность. Территория бывшей «страны городов», очевидно, продолжала в значительной степени оставаться таковой и в ордынское время.

Примечания:

¹ Археологические остатки включают одноименное городище, Донауровское I (Крутогорское) и II селища, а также некрополи. *Городище («цитадель» по Т.А.Хлебниковой: Хлебникова Т.А. К истории Жукотина (Джукетау) домонгольской поры (по работам 1970-1972 гг.) // СА. – 1975. - №1. - С.234-251)*, расположено в 0,3 км к западу от п. Крутая Гора на

высоком (до 20 м) с крутыми склонами мысу, образованном коренным левым берегом р. Кама и рч. Кильевка, называвшейся прежде Жукоть, Жукотка или Жукотинка. Вершина мыса обращена на северо-запад. С напольной, юго-восточной и восточной сторон городища на его поверхности наблюдаются остатки укреплений в виде трех высоких (около 1,5 -2 м) земляных валов и двух глубоких (до 2 м) рвов между ними. Площадка городища (5,8 га) подтреугольной формы, относительно ровная, более возвышенная в центре. Длина площадки по линии северо-запад - юго-восток 280 м, ширина у валов и рвов - 280 м. Значительная часть городища занята Чистопольским элеватором. Остальная часть площадки городища задернована, подъемный материал в виде мелких обломков гончарной керамики встречается в небольшом количестве (*Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжской Булгарии и ее территории. - Казань: Таткнигоиздат, 1975. - №1089; Археологические памятники Центрального Закамья. - Казань, 1988. - №401.*)

Крутогорское селище расположено к востоку, югу и юго-востоку от городища, к западу и северо-западу от п. Крутая гора, частично на его территории на высокой террасе правого берега рч. Кильевка. Часть территории занята Чистопольским элеватором. Подъемный материал в небольшом количестве встречается на площади 200-250 х 300 кв. м. (*Фахрутдинов Р.Г. Указ. соч. - №1090; Археологические... - №402*). На территории селища расположен *Крутогорский могильник* домонгольского времени (*Набиуллин Н.Г. Крутогорское селище и могильник // Проблемы первобытной и средневековой археологии. Тезисы докладов Первых Халиковских чтений. - Казань, 1999. - С.88-91*).

Донауровское селище расположено на противоположном берегу рч. Кильевка, напротив городища и Крутогорского селища, в 0,5 км севернее и северо-западнее деревни Донауровка на широком мысу высокой террасы. Разведками площадь определена как равная 140-150 га. (*Фахрутдинов Р.Г. Указ. соч. - №1090; Археологические... - №394*). На территории селища расположен *Донауровский могильник* домонгольского и золотоордынского времени (*Фахрутдинов Р.Г. Указ. соч. - №1083; Археологические... - №395*).

В литературе разные части комплекса памятников Джукетау, а также понятия «город» и «городище» (часть археологических остатков города) не всегда разделяются. Селища - исторически «посады» домонгольского города («пригорода» по Т.А.Хлебниковой и Ф.Ш.Хузину: *Хлебникова Т.А. Ук. соч. - С.234-251; Хузин Ф.Ш. Новые исследования на Джукетау // Археологические открытия Урала и Поволжья. - Йошкар-Ола, 1994. - С.139-142*).

² В дошедших до нас русских летописях булгарский город *Жукотин* (*Жукотинъ, Жюкотинъ, Жюконинъ, Жуконтинъ, Жикотинъ, Жуконъ, Жюкоменъ/ъ*), его жители (*«жукотинцы», «жукотницы»*) и *«жукотинские»* (*«жукотинстии», «жукотенские», «жукотынские», «жекотстии», «жуконстии»*) *«князи»* упоминаются под 1360 (ПСРЛ. - Т.Х. - СПб., 1885. - С.231,232), 1390 (1391, 1392) (ПСРЛ. - Т.VIII. - СПб., 1859. - С.61), 1395 (1396, 1399) (ПСРЛ. - Т. V. - СПб., 1851. - С.247, 248), 1409 (ПСРЛ. - Т.XV. - Вып.1.- Петроград, 1927 - С.485) и 1410 (1411) гг. (ПСРЛ. - Т. XI. - СПб., 1897. - С.215). События, данные в одной летописи, могут отсутствовать, даваться с большей или меньшей подробностью или иметь варианты в других летописях, в разных летописях могут присутствовать свои оттенки или оценки в передаче событий. Ни один из списков не

содержит все пять упоминаний о городе и его «князях». Наиболее полный анализ их касательно истории древнего города и княжества сделал С.М.Шпилевский (*Шпилевский С.М. Древние города другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. - Казань, 1877.*). Добавим лишь, что летописи здесь скучны, и недооценка этого часто сказывалась в попытках извлечь из летописей информации больше, чем они могут дать ее на самом деле.

³ *Брун Ф. Перипл Каспийского моря по картам XIV столетия // Записки Императорского Новороссийского университета. - Одесса, 1873. - Т.IX. - С.2.*

⁴ Библиографию см.: *Фахрутдинов Р.Г. Указ. соч. - №№1082-1090; Археологические... - №№394-402).*

⁵ *Смолин В.Ф. Клад восточных золотых предметов из болгарского города Джуке-Тау // ВНОТ. - 1925. - № 3. - С.16-28; Хованская О.С. Нагрудное украшение из булгарского города Джукетау // СА. - 1958. - № 1. - С.239-243; Федоров-Давыдов Г.А. Найдены джучидских монет // НЭ. - 1960. - Т. I - №№57,58; он же. Клады джучидских монет // НЭ. - 1963. - Т. IV. - №№58а, 450.*

⁶ *Пономарев П.А. Данные о городах Камско-Волжской Булгарии. Владения липовогорских князей // ИОАИЭ. - 1892. - Т.Х. - Вып. 5.*

⁷ Среди них - знаменитый клад золотых и других вещей, найденный в 1924 г. (*Смолин В.Ф. Указ. соч. - С.16-28*). 18 октября 1957 г. абсолютное большинство предметов этого клада было украдено из экспозиционного зала ГОМРТ в числе других предметов. Всего было похищено 85 предметов из золота общим весом 561,78 г, серебра - 44,6 г, четыре нити жемчуга (158 шт.) весом 21,4 г. (Акт от 19.10.1957 г.; списаны на основании Ордера №3270 от 9.04.1976 г // фонды ГОМРТ). Среди списка похищенных предметов нет следующих из описанных В.Ф.Смолиным: 1) одного «литого массивного браслета»; 2) 12 жемчужин; 3) 13 «золотых мелких круглых гнездышек с дырочками для камней или жемчужин»; 4) «2 золотых тонких гвоздика». Имеется предположение, что один из целых браслетов этого клада находится в ГЭ (ВБ 3-307). Согласно имеющейся записи, он поступил в ГЭ из ГОМРТ в 1935 г. без указания места находки (*Мальм В.А. Золотой браслет с персидской надписью // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. - М.: Наука, 1978. - С.148,149*).

⁸ Согласно Т.А.Хлебниковой, здесь выделяется слабый золотоордынский слой практически без находок этого времени (см. ниже).

⁹ Имеется даже курьезный случай, когда в примечании одного из изданий эпоса «Идегей» Джукетау был указан как город домонгольского времени.

¹⁰ *Хлебникова Т.А. Указ. соч. - С.249.*

¹¹ *Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар: Очерки истории и культуры. - М.: Наука, 1987. - С45.*

¹² *Хлебникова Т.А. К истории... - С.234-251.*

¹³ В печати.

¹⁴ *Хлебникова Т.А. Указ. соч. - С.248.*

¹⁵ *Хлебникова Т.А. Указ. соч. - С.237, 238.*

¹⁶ В печати.

¹⁷ Все указанные в литературе золотоордынские находки «из городища Джукетау», как оказалось на самом деле, имели отношение к более широкой территории.

- ¹⁸ Хлебникова Т.А. Указ. соч. - рис.3:2,3. Первый наконечник типа 38:3 может иметь более широкую широкую датировку. Наконечник типа 72 был подобран недалеко от укреплений городища (со слов сотрудника Музея Б.Л.Пастернака Р.Х.Хисамова; пользуясь случаем, выражаю искреннюю благодарность жителям г.Чистополя и Чистопольского р-на РТ, предоставившим материалы для работы). Опубл.: Набиуллин Н.Г. Город Джукетау по итогам новых исследований // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы научной конференции. - М., 2000. - Рис.3-11.
- ¹⁹ Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострелы). VIII-XIV вв. // САИ. - Вып. Е1-36. - М.: Наука, 1966.
- ²⁰ Приношу благодарность к.и.н. И.Р.Газимзянову, сделавшему определения.
- ²¹ К.С.Милькович говорит о существовании трех валов и трех рвов (*Борисов В.Л. Историографическое описание Казанской губернии Капитона Милковича* // ИОАИЭ. - 1898. - XIV. - вып.5. - С.501). А.И.Артемьев, кроме того, упоминает три разрыва валов и отмечает, что мыс со стороны р. Кама и рч. «Каменный Мост» (Киевка - Н.Н) открыт и «с севера сделан небольшой ров» (Артемьев А.(И.). Древний болгарский город Жукотин // ЖМВД. - 1851. - Ч.XXXII. - № 1. - С.10). По Н.А.Толмачеву, три вала и два рва между ними прорезаны двумя проездами (Толмачев Н.А. Об остатках древности в пределах Казанской губернии // Труды IV АС. - Казань, 1884. - Т.1. - отд.1. - С.24,25). П.А.Пономарев сообщает, что склоны городища, обращенные к Каме и Жукоти, правильно обрыты, но рва на прикамской стороне нет, и валов не три, а два; последние прорезаны тремя воротами (Пономарев П.А. Указ. соч. - с.472). На плане Н.Ф.Калинина и Л.И.Вараксиной фиксируется два вала, прорезанные в двух местах. По плану 1960 г. Т.А.Хлебниковой, линия разрывалась в двух местах, причем, в отличие от предыдущих наблюдений, разрыв наружного вала в северной части городища отсутствовал (Хлебникова Т.А. Отчет 2-го отряда археологической экспедиции КФАН 1960 г // Архив ИА РАН, Р-1, № 2431. - л.31, 79).
- ²² Один из них, представляющий собой в основном осыпь валов, отложился в течение короткого времени продолжительностью от окончания функционирования укреплений до достижения той критической точки, когда оплыивание валов стало минимальным (видимо, это произошло буквально за несколько лет после монгольского нашествия); второй - темно-серая, почти черная гумусированная супесь без находок - длительно откладывалась после окончания их функционирования.
- ²³ Набиуллин Н.Г. Оборонительные сооружения Джукетау // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы Международной конференции. - СПб., 1998. - С.219-223.
- ²⁴ Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. - М.: Наука, 1984; она же. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М., 1988.
- ²⁵ Набиуллин Н.Г. Крутогорское селище... - С.88-91.
- ²⁶ В кратком отчете о поездке в Чистопольский район в 1932 г. Н.Ф.Калинин пишет, что у городища, «на склоне горы в сторону к Киевке сохранились могильные камни с татарскими надписями» (Калинин Н.Ф. Отчет о командировке в районы Татарии по поручению сектора науки

Татнаркомпроса с 4 по 16 августа 1932 г. по вопросу состояния и сохранности исторических памятников и работы музеев // Архив ИЯЛИ АНТ, ф. 8, оп. 2, ед. хр. 40. - л. 7). Упоминание надгробий здесь не совсем ясно. Видимо, эта информация дана по сведениям местных жителей. Предыдущие исследователи также не совсем четко указывали их местонахождение, причем уже в середине XIX в. камней на Джукетау не было. Не отмечены они и в материалах экспедиции 1928 г. Н.Ф.Калинин, тщательно собиравший эпитафии, в том числе и в этом районе, не дает никакой информации по отмеченным им в 1932 г. камням.

²⁷ Хлебникова Т.А. К истории Жукотина (Джукетау)... - С.234-251.

²⁸ Хузин Ф.Ш., Набиуллин Н.Г. Булгарский город Джукетау на Каме (по материалам раскопа III 1991, 1993 гг.) // Археологическое изучение булгарских городов. - Казань, 1999. - С.94. В то же время следует признать, что нужны более веские доказательства для того, чтобы связывать то или иное пожарище верхнего горизонта слоя III обязательно с событиями 1236 г.: в будущем нужны дополнительные исследования для того, чтобы оценить, насколько полоска древесного угля имеет общий или локальный характер. Надо также осторожнее подходить к реконструкции и интерпретации археологических «пожарищ». Некоторые из них могут иметь отношение к производственной деятельности и т.п. (например, на раскопе VI западного посада слой II на больших пространствах представлял собой следы разнесенных распашкой печей в виде золисто-углистой порошкообразной структуры светло-серого цвета с включениями обожженной глины).

²⁹ В разных частях западного посада сохранность и мощность слоя следующая: на раскопе I прослежен лишь на северных участках и имеет мощность 20-30 см; на раскопе II сохранился на всей площади и прослежен сплошным слоем мощностью до 30 см, а над западами ям - до 50 см; на раскопе III г. от 10-15 см (уч.А/8) до 30-40 см (уч.А,Б/2-4); на раскопе IV - до 40 см. На раскопе V это светло-серая супесь мощностью 30-35 см. На раскопе VI представляет собой серую или светло-серую супесь с небольшими включениями суглинка, обожженной глины, древесного угля, золы. Вне сооружений она имеет мощность от 5 до 25 см (в восточной части раскопа слой II с трудом достигает мощности 5 см или полностью срезается пашней). Структура его иногда приближается к порошкообразной белесой супеси, что характерно не для слоя со спокойным залеганием, а связано с переработкой его (т.е. связано со структурой заполнения его сооружений). На уч. А/8-12 в слое II были выделены два горизонта слоя, близкие по структуре друг к другу: верхний - серая (светло-серая) супесь (15-20 см); нижний - белесая порошкообразная супесь (12-15 см).

³⁰ Хлебникова Т.А. Керамика...; она же. Неполивная керамика...; Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV вв. (к проблеме преемственности булгарской и булгаро-татарской культур. Автореф. дисс... канд. ист. наук. - М., 1991; Васильева И.Н. Гончарство Волжской Болгарии в X-XIV вв. - Екатеринбург, 1993.

³¹ Набиуллин Н.Г. Город Джукетау по итогам...- Рис.3.

³² Древняя Русь. Быт и культура // Археология СССР. - М.: Наука, 1997. - С.14,15.

³³ Федоров-Давыдов Г.А. Указ. соч.

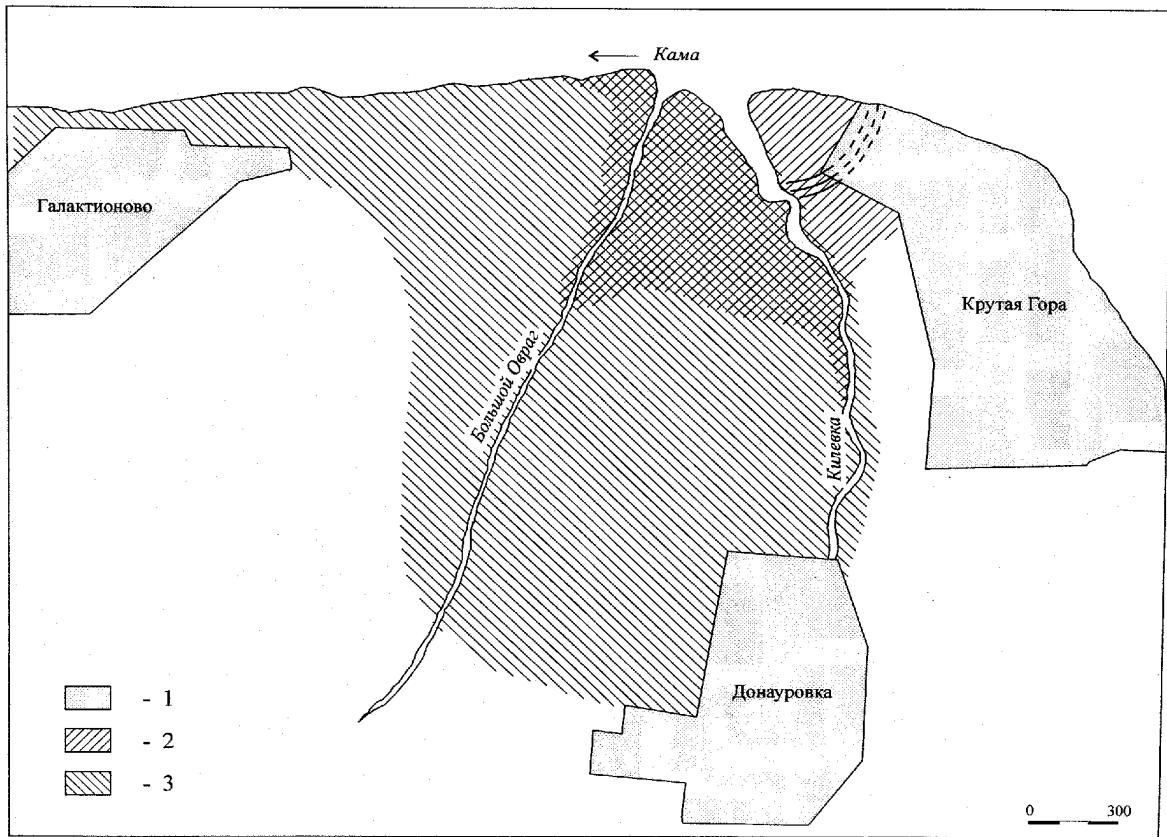
³⁴ Приношу благодарность за определения монет д.и.н. А.Г.Мухамадиеву и Д.Г.Мухаметшину.

- ³⁵ См. об этом, напр.: *Фахрутдинов Р.Г.* Задачи археологического изучения Казанского ханства // СА. - 1973. - №4. - С.117,118; *Халиков А.Х.* Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. - Казань, 1994. - С.78,79.
- ³⁶ *Хузин Ф.Ш., Набиуллин Н.Г.* Булгарский... - С.90-113.
- ³⁷ *Газимзянов И.Р., Галимова М.Ш., Губайдуллин А.М., Валиуллина С.И., Дроздова Г.И., Набиуллин Н.Г., Старостин П.Н., Хузин Ф.Ш., Казаков Е.П.* Исследования на разрушающихся памятниках в Татарстане // АО 1994 года. - М., 1995. - С.196; *Хузин Ф.Ш.* Новые исследования... - С.141.
- ³⁸ *Набиуллин Н.Г.* Раскопки в ремесленном районе Джукетау (по материалам раскопа V 1994 г. // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья - Казань, 1999 - с. 101-126.
- ³⁹ В печати.
- ⁴⁰ *Газимзянов И.Р. и др.* Исследования... - С.196; *Хузин Ф.Ш.* Новые исследования... - С.141.
- ⁴¹ *Хлебникова Т.А.* К истории Жукотина (Джукетау)... - С.258,249.
- ⁴² *Хузин Ф.Ш., Набиуллин Н.Г.* Булгарский... - С.97.
- ⁴³ *Фахрутдинов Р.Г.* Указ. соч. - №1081; Археологические памятники... - №388.
- ⁴⁴ Археологические памятники... - №392.
- ⁴⁵ Что касается надгробных камней золотоордынского времени на современном кладбище г. Чистополя, то они, если даже и находятся на своем месте, уже не относятся непосредственно к территории Джукетау.
- ⁴⁶ *Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Итоги археологических работ за 1945-1952 гг. - Казань, 1954; *Фахрутдинов Р.Г.* Археологические памятники...; он же. Классификация и топография булгарских городищ // СА. - 1990. - № 4. - С.68-84; Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье. - Казань, 1984; Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. - Казань, 1986; Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье. - М., 1981; Археологические памятники бассейна р. Черемшан. - Казань, 1990; Археологические памятники Восточного Закамья. - Казань, 1989; Археологические памятники Центрального Закамья. - Казань, 1988; *Хузин Ф.Ш.* Булгарский город в X- начале XIII вв.- Казань, 2001; *Губайдуллин А.М.* Фортификация городищ Волжской Булгарии. Автореф. дисс... канд. ист. наук. - Уфа, 1996.
- ⁴⁷ *Фахрутдинов Р.Г.* Археологические памятники... - С.18.
- ⁴⁸ *Ефимова А.М., Хованская О.С., Калинин Н.Ф., Смирнов А.П.* Раскопки развалин Великих Болгар в 1946 г. // КСИИМК. - 1947. - Вып. 21. - С.109,110; *Хованская О.С.* Оборонительная система города Болгара // МИА - 1958 - №61. - С.316-329; *Смирнов А.П.* Новые данные об исторической и социальной топографии города Великие Болгари // Города Поволжья в средние века. - М., 1974. - С.8,9; *Краснов Ю.А.* Оборонительные сооружения города Болгара // Город Болгар: очерки истории и культуры. - Казань, 1987 - С.108-118; *Хлебникова Т.А., 1987.* История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар: очерки истории и культуры. - Казань, 1987 - С.38; *Халиков А.Х.* Монголы... - С.78,79.
- ⁴⁹ *Халиков А.Х., 1984.* Монгольское нашествие и судьба Великого города // Археологические памятники Нижнего Прикамья - Казань, 1984 - С.82-98; *Хузин Ф.Ш.* Великий город на Черемшане. Стратиграфия, хронология. Проблемы Биляра-Булгара. - Казань, 1995; он же. Булгар-

- ский город... - С.80-116.
- ⁵⁰ Халиков А.Х., 1994. Монголы... - С.86; Хузин Ф.Ш., Шарифуллин Р.Ф. Город Сувар: некоторые итоги и задачи археологического исследования // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья – Казань, 1999 - С.85-100.
- ⁵¹ Руденко К.А. Итоги исследования городища Кашан I в Татарстане: к вопросу о формировании булгарских городов и протогородов // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Материалы международного полевого симпозиума, посвященного 100-летию со дня рождения А.П.Смирнова и 25-летию исследований городища Иднакар. - Ижевск-Глазов, 1999 - С.111-134.
- ⁵² См., например: Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. - М., 1994. - С.42-44.
- ⁵³ Уменьшение «классических» оборонительных сооружений, археологические остатки которых обычно представлены валами и рвами, связаны с в значительной мере экстенсивным развитием городского пространства в ордынское время. Оно могло обусловить другие принципы системы обороны (в том числе более широкое использование естественных защит). Не исключается существование каких-то оборонительных объектов «немонументального» характера.
- ⁵⁴ Халиков А.Х. Монгольское нашествие... - с.82-98; Хузин Ф.Ш. Великий город... - С.107; Валиуллина С.И. Билярское III селище (к вопросу о Биляре золотоордынского времени) // Биляр и Волжская Булгария: изучение и охрана археологических памятников. Тезисы научной конференции. Билярск - Казань, 1997. - С.21-24; она же. Исследования золотоордынского Биляра // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы научной конференции. - М., 2000. - С.273-285.
- ⁵⁵ За пределами публикации оставляем вопросы, связанные с изучением домонгольских селищ и домонгольско-ордынских селищ с преимущественно домонгольским материалом. Последнюю историографию см.: Руденко К.А. Материальная культура булгарских селищ изовий камы XI – XIV вв. – Казань, 2001 – С.10-20.
- ⁵⁶ См., например: Старостин П.Н., Казаков Е.П. Булгарское посление в урочище «Чакма» // Средневековые древности Волго-Камья - АЭМК - вып.23 - Йошкар-Ола, 1992. - С.125-142; Руденко К.А. К вопросу об удмуртских элементах в материальной культуре Волжской Булгарии XI-XIV вв. (на примере Лайшевского селища) // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Материалы международного полевого симпозиума, посвященного 100-летию со дня рождения А.П.Смирнова и 25-летию исследований городища Иднакар. - Ижевск-Глазов, 1999. - С.73-102.
- ⁵⁷ Причины этого, на первый взгляд, противоречивы. С одной стороны, начался уход населения в более безопасные северные районы: кроме разорения непосредственно города был нарушен организм взаимодействия города с окружой - его потенциальным «подпитчиком». С другой стороны, почти полное отсутствие в течение некоторого времени конкурентов - близлежащих «малых городов» - привело, как мы полагаем, к некоторому приливу и концентрации сохранившегося населения у Джукетау, о чем свидетельствует и топография археологических памятников золотоордынского времени (Археологические памятники Центрального Закамья... - С.10), и оживлению его экономики.



Рис. 3. Аэрофотоснимок территории комплекса памятников Джукетау.



Вячеслав Баранов

Клад медной посуды из Болгар

Широкое применение в быту населением Волжской Булгарии медной и бронзовой посуды подтверждается многочисленными ее находками, сделанными в процессе археологического изучения булгарских памятников. Среди этих вещей: котлы, кружки, чаши, блюда, светильники и т.д. Встречаются как целые экземпляры, так и деформированные обломки – фрагменты венчиков и стенок сосудов, ручки, дужки котлов. Этот материал опубликован в работах Е.П.Казакова, Ф.Ш.Хузина, Г.И.Дроздовой, К.А.Руденко. Анализ медной и бронзовой художественно оформленной посуды дан в публикациях Н.Ф.Лихачева, В.П.Даркевича, Д.Е.Харитонова, Е.П.Казакова. Вопросам технологии посвящена статья К.А.Руденко.¹

Новые находки получены во время охранно-исследовательских работ на Болгарском городище, проведенных археологической экспедицией Болгарского заповедника летом 1991 года в связи со строительством на берегу Волги туристического комплекса.

На площадке коренной террасы в 200 м западнее центральной части городища был заложен раскоп СХII, примыкающий вплотную к западному склону спуска к р. Волга от ул. Набережная с. Болгары. Раскоп ориентирован по направлению север-юг и разделен на квадраты 2x2 м с буквенно-цифровой нумерацией, часть из которых срезана склоном. На площади около 124 кв. м вскрыты культурные напластования булгарского времени, русского села XVIII - XIX вв. и изучены связанные с ними сооружения (рис.1).

В южной части раскопа, на кв. А/3 после зачистки третьего штыка, на глубине 152 см от «О» обозначилась круглая яма диаметром 76 и глубиной 30 см. В заполнении ямы – серая рыхлая супесь с обильными вкраплениями угля. В процессе выборки сооружения найдены четыре медных сосуда и медная монета Хыэр-хана 1361/1362 г., чекан Гюлистана (определение Д.Г.Мухаметшина). Стратиграфически сооружение относится к верхнему горизонту позднезолотоордынского слоя, находясь непосредственно под слоем пожара, связанного с разгромом города в 1431г.²

Сосуды лежат в яме компактно: два на боку, два – дном кверху. Способ размещения посуды, небольшая глубина ямы позволяют предположить преднамеренное укрытие предметов.

Сосуд I представляет собой кувшин грушевидной формы высотой 27 см (рис.4). Его туло́во приземистое, с плечиком в виде чуть притупленного ребра диаметром 17,8 см, плавно переходит в подцилиндрическую, раstrубом расширяющуюся кверху горловину диаметром 5,5 - 8,0 см. Край горловины имеет утолщение с внешней стороны высотой 0,5 см. Днище округлое, слегка вогнутое диаметром 10,4 см с кольцевым поддоном высотой 0,5 см.

Ручка найдена отдельно от сосуда. Сохранился ее фрагмент, представляющий собой крюкообразно выгнутый, пятиугольный в се-

чении стержень высотой 18 см и шириной 1,5 см. Присоединение ручки к корпусу осуществлялось, очевидно, при помощи оловянного припоя, следы которого в виде бесформенного наплыва сохранились на краю горловины.

Кувшин составной. Верхняя и нижняя части изготовлены отдельно и соединены швом «в зубец» (кузнецкая сварка, 2-хчастная сборка) (таблица 2). Изделие покрыто сплошным орнаментальным декором, нанесенным гравировкой. Изображение распадается на десять поясов, разделенных полосами толщиной около 0,5 см. Описание поясов проводится сверху вниз, от горловины к днищу.

1 пояс. «Плетенка» из трех геометрических изломанных жгутов, заключенная снизу и сверху в окантовку из двух прочерченных линий. Пояс прерывается в месте крепления ручки сосуда двумя расходящимися под острым углом жгутами - концами сложной плетенки, расположенной ниже, в зоне второго, пояса.

2 пояс. Благожелательная надпись, выполненная почерком «сульс» на фоне спирально закрученных геометрических завитков (рис.2,1; 5). Ширина пояса 5,3 см. Содержание надписи: «Победа и успех, и благоденствие, и величие (владельцу сего).».*

3,5,7,9 пояс. Геометрическая «плетенка». Ширина пояса - 0,9 см.

4 пояс. Растительный орнамент, образованный тремя перевитыми побегами «ислими», с расходящимися в стороны спирально выющиеся раздвоенными ростками. Окантовка пояса - сдвоенные прочерченные линии. Ширина- 1,7 см.

6 пояс. В заполнении пояса четыре круглых медальона, расположенных по четырем сторонам. Содержание медальонов - два, зеркально нанесенных мотива: 14-тикратно повторенная У-образная плетенка; растительный орнамент, состоящий из двух дугообразно выгнутых симметричных побегов с полупальметками и спирально выющиеся ростками (рис.5; 2,1). Снизу на оси изображения они соединяются в виде фигуры трилистника. Верхняя часть композиции рисунка на медальонах решена по-разному. В одном случае это закрученный влево спиралевидный росток и Т-образная фигура с завитком, изображающая чашечку цветка. На другом медальоне в том же месте вправо повернутый побег, оканчивающийся трилистником. Пространство между медальонами заполнено сложной геометрической плетенкой из восьмиугольников и надписями на фоне спиральных завитков, выполненными почерком «сульс» (рис.6,7). Надписи не прочитаны.

8 пояс. Зооморфный рисунок, изображающий вереницу бегущих друг за другом влево животных, предположительно зайцев и лис на фоне скрученного крупными завитками растительного побега(?). Сохранность изображения плохая (рис.2,2).

10 пояс. Декор из прямых вертикальных линий, заканчивающихся ромбическими фигурами. Ручка орнаментирована с внешней стороны двумя вертикальными рядами геометрической плетенки, состоящей из

* Чтение и перевод Д.Г.Мухаметшина.

двух жгутов. Каждые одиннадцать перевитей чередуются промежутком из двух параллельных полос длиной 1,2 см.

Плетенкам 1, 3, 5, 9 поясов аналогичны мотивы оформления бронзового котелка XIV века, изготовленного в Сирии или Египте, из коллекции Гос. Эрмитажа; медного ковша XIV века, найденного в Болгаре и хранящегося в собраниях ГИМа.³ Фон надписей из упрощенных геометрических спиралей характерен для булгарских медных и бронзовых изделий XIV века.⁴ Аналогии Y-образному заполнению медальонов 4 пояса следует искать на мосульских инкрустированных бронзах второй половины XIII-XIV вв. (бронзовая чаша из Болгар, находка 1891г.)⁵; на бронзовых сиро-египетских изделиях (котелок XIV века из Гос. Эрмитажа)⁶; в орнаменте булгарских вещей из меди и бронзы (блюдо, найденное в дер. Татарской Чердынского района Пермской обл. в 1949 году⁷, фрагмент блюда из с. Русский Шуган⁸, ковш и фрагменты ковшей из Болгара, хранящиеся в ГИМе⁹). На блюде из дер. Татарской и фрагментах ковшей из Болгара сходные, описанным в 6 поясе, изображения дугообразных побегов, заканчивающихся полупальметками и закручивающимися ростками.¹⁰ Сложный плетеный декор в обрамлении медальонов 6 пояса близок к архитектурному орнаменту резного терракотового надгробия XIV века из Наринджана в Каракалпакии. На поливных полихромных образцах из Болгара изображен сходный мотив из сплетенных квадратов и восьмиугольников.¹² Прямая аналогия на медных ковшах из Болгар.¹³ Декор 10 пояса схож с рисунком на медном блюде из дер. Татарской.

Особенности орнамента, заполнение фона надписей абстрактными геометрическими завитками дают основание отнести изделие к школе булгарских медников, которая, по мнению В.П.Даркевича, сформировалась в Волжской Булгарии под воздействием сиро-египетских, иракских и иранских образцов не позднее XIV века.¹⁵ Данный сосуд можно представить как местную модификацию сиро-египетских бронз XIV в., в частности изделий мастеров Мосула, бежавших от монголов в Египет и Сирию и там организовавших производство вещей, декор которых значительно изменился по сравнению с мосульскими. В XIV веке в Сирии и Египте стиль, которому были присущи инкрустация серебром и золотом, изображения живых существ и цветочный орнамент, сосуществовал с другим стилем, в котором преобладали геометризованные и мелкие растительные узоры, а инкрустация не применялась.¹⁶ Сиро-египетское влияние на булгарских мастеров определилось направлением внешних связей Золотой Орды, торговавшей в Сирии и Египте с Анатолией и Мамлюкской империей, с которой поддерживались тесные дипломатические контакты. Ибн-Батутта, проживавший в Сарае-Бату в 1333 г., сообщает, что здесь обитали купцы и чужеземцы из обоих Ираков, Египта и Сирии.

Сосуд 2 высотой 30 см имеет туло и горловину подцилиндрической формы с ручкой (рис.8). Туло с днищем собрано из

четырех частей, соединенных между собой кузнечными сварными швами «в зубец». Сборка производилась снизу от днища, которое выковано отдельно (таблица 2). Днище округлое, слегка вогнутое, диаметром 15,2 см. на внешней стороне имеет кольцевидный след, оставшийся после дополнительной проковки. По окружности дна изготовлен вертикальный бортик высотой 3 см. К нему последовательно присоединены прямоугольные пластины шириной 3,5 и 12 см. Вместе с бортиком они образуют боковую стенку туловища, диаметр которого 16 и высота 18,5 см. С боковой стенкой скреплена усеченно-коническая крышка с отверстием в вершине диаметром 5,5 см. По краю отверстия пущен вертикальный подцилиндрический бортик высотой 1 см, к которому припаяна горловина сосуда. Ее высота 9,3 см, диаметр от 5,5 см у основания до 4,5 см по венчику. На горловине имеется под треугольный слив с площадкой по краю размером 5,5x 2,5 см, часть которой обломлена. Край горловины загнут наружу и оформлен в виде валика, под который для жесткости пропущена металлическая трубка. Ручка из медной, сужающейся кверху полосы, толщиной около 0,3 см, шириной 1,1 - 1,8 см приклепана к краю горловины и верхней трети туловища за концы, раскованные в виде листовидных пластин. Высота ручки 20 см. Стенка сосуда частично пролужена, имеет следы ремонта.

Целый ряд изделий с подцилиндрическими формами возникает с серединой XI века в связи с появлением «сельджукского» стиля.¹⁹, традиции которого сохраняются в реалиях золотоордынского художественного ремесла XIII - XIV вв. Нами не найдены близкие аналогии сосуду 2 в местном материале, но такие признаки как отсутствие орнамента и относительная грубоść отделки вряд ли свидетельствуют о привозном характере вещи. Это согласуется с мнением В. П. Даркевича о нерентабельности массового импорта сравнительно дешевых изделий из бронзы, в связи с чем в разных концах мусульманского мира старались организовать собственное производство медной и бронзовой утвари. Отдельные сосуды завозили очень далеко, но не как товар, а в качестве посольских подарков, паломнических сувениров или тары.²¹ Естественно, что исполнение изделий должно было соответствовать их предназначению. По всем признакам сосуд 2, очевидно, не мог быть ни подарком, ни сувениром. Применение его как тары, скорее всего, затруднялось бы по причине плохой закупорки сосуда из-за конфигурации слива. При перевозке жидкостей такая конструкция горловины была бы явным недостатком. О вероятности местного происхождения сосуда говорит и использование в его изготовлении технологических приемов, примененных при производстве других сосудов клада (см. таблицу Т2). Предлагаемая нами дата бытования изделия - XIV в. Ее верхняя граница определяется временем попадания изделия в состав клада.

Сосуд 3 (рис.9) имеет усеченно-коническую форму. На корпусе заметны следы пожара в виде потеков металла, наварившегося медного шлака и разрушений части стенок и днища. Высота сосуда

33 см. Тулово изготовлено из двух медных подтрапециевидных листов, соединенных между собой двумя симметричными вертикальными швами «в зубец» (кузнецкая сварка). Горизонтальным зубцовым швом к тулову присоединено чашевидное днище диаметром 34 см (таблица 2). Подобная технологическая схема сборки называется трехчастной и распространена в XII - XIII вв. Известна она и в XIV веке.²² Горловина отделена от тулова рельефным горизонтальным ребром, которое проходит с внешней стороны в 4,2 см от венчика сосуда. Венчик диаметром 8,5 имеет форму валика, внутрь которого впущена полая медная трубка диаметром 0,3 см. Ручка длиной 13,5 см изготовлена из медного подквадратного в сечении дрота в виде скобы с листовидно раскованными концами. Она прикреплена к тулову и горловине при помощи заклепок, которые изготовлены из свернутых трубкой медных пластин. Заклепки вставлены в отверстия, диаметром 0,5 см, сделанные на концах ручки и в стенке, и раскованы. Внешняя сторона сосуда покрыта рифлением, на боковых стенках слабым, на днище - более глубоким. Это явилось следствием легкой проковки, которой достигалось упрочение стенок.²³

По своей форме, параметрам и конструктивным особенностям изделие соотносимо с хорошо известным на памятниках Волжской Булгарии типом медных кружек.²⁴ Одна из таких кружек, найденная в Биляре на раскопе XXII, датируется XII- нач.XIII вв.²⁵ В сравнении с опубликованной посудой типа кружек (см. таблицу 1) сосуд 3 имеет большую высоту и диаметр днища при сходном диаметре горловины. Свообразно решение некоторых конструктивных деталей, в частности ручки и венчика сосуда. При сохранении конфигурации ручки в виде скобы, изменяется форма концов, которыми она крепится к корпусу кружки. Вместо удлиненных лопастей, охватывающих край горловины, они выковываются в листовидные пластины. Ручка смещается вниз на 0,5 см от кромки сосуда, а роль жесткой основы венчика передается валику с впущенной внутрь его полой трубкой.

Способ усиления края дополнительной деталью характерен для булгарских котелков XII - XIII вв., когда под отогнутый наружу венчик подкладывалась узкая медная полоса.²⁶ На домонгольских кружках (по крайней мере, на тех, которые опубликованы), такая деталь отсутствует. В ней, очевидно, не было необходимости, т. к. лопасти ручки служили своеобразным ребром жесткости для края горловины. Появление дополнительного опорного приспособления в виде полой трубы следует, видимо, связывать с появлением валика в оформлении венчика кружки. Для домонгольских сосудов, в частности билярского с датой XII - нач. XIII в., этот элемент не известен. Зато он встречается в оформлении венчиков посуды, изготовленной золотоордынскими торевтами в XIII - XIV вв.²⁷ На сосуде 3 канцеляры, которые выковывались в верхней части кружек, трансформируются в рельефное горизонтальное ребро, подобное тем, которые мы видим на некоторых котлах из слоя позднезолотоордынского времени Болгарского городища (XIX группа по Т.А.Хлебниковой)²⁸.

Из того же слоя происходит керамическая кружка, форма которой близка к описываемому сосуду.²⁹

Нижнюю границу его бытования нам дает сопоставление с датой билярской кружки. Исходя из этого, появление сосудов, подобных найденным в Булгаре, следует связывать со временем не ранее середины XIII века, а их использование вместить в рамки золотоордынского периода. Недостаток материала не позволяет ставить вопрос о более узкой дате, но для данного конкретного сосуда верхняя граница определяется его залеганием в позднезолотоордынском слое Болгарского городища и совпадает со временем попадания сосуда в состав клада.

Сосуд 4 изготовлен с тулово усеченно-конической формы и подцилиндрической горловиной (рис.10). Высота сосуда 21 см. Корпус его составной, трехчастный. Соединение частей выполнено при помощи швов «в зубец» (кузнецкая сварка) (таблица 2). Отдельной деталью сделано днище. Его диаметр 16,5 см. Первоначально оно представляло собой окружную пластину с вырезанными по краю зубцами, которые были загнуты вертикально, образуя соединительный бортик высотой 0,8 см. Позже, вследствие износа, днище было заменено на железное. Для этого его центральная часть была вырезана, так что по краю оставалась полоса шириной 1,3 см. Под эту полосу, ее предварительно отогнув, установили железный круг диаметром 16 см, после чего полосу забили на место, частично деформировав.

К днишу последовательно присоединены две подтрапециевидные пластины, составляющие тулово и горловину сосуда. Высота тулова 17,6 см. В его верхней трети сохранились следы лужения в виде желтовато-коричневых пятен. Рядом, в 7 см ниже венчика, имеются следы ремонта – железная заплата, составленная из двух пластин окружной и подромбической формы, которые соединены железными заклепками.

Горловина высотой 3,4 см и диаметром 6,1 см отделена от тулова рельефным поясом шириной 0,5 см. Такой же пояс находится на 1,0 см ниже края горловины, который выгнут наружу и закруглен валиком. Внутрь валика для прочности впущена медная трубка. Ручка железная, сохранилась фрагментарно в виде «ушек» подромбической и овальной формы, которые прикреплены к горловине и тулово при помощи железных заклепок. На тулово и горловине имеется налет светло-серой окалины, собирающейся кое-где рельефными каплями. Возможно, это следы амальгамации сосуда серебром, испытавшей воздействие пожара 1431 г. Изделие украшено гравированным декором, составляющим шесть орнаментальных поясов (рис.3). Их описание будет следовать сверху вниз, от горловины к днищу.

1 пояс. Покрывает горловину сосуда между рельефными валиками. Орнамент представляет собой волнистый стебель с отходящими вверх и вниз закручивающимися отростками, окантован подпрямоугольной рамкой с оформленными в виде треугольных зубцов концами.

2 пояс. Два ряда вплетенных друг в друга фестонов, увенчанных трилистниками с под треугольными и шпилевидными центральными побегами. В пересечениях фестонов находятся каплевидные фигуры с точкой в центре, пространство вокруг обработано кольцевым пунсоном. Снизу фестоны украшены чередующимися полуovalьными шпилями.

3 пояс. «Плетенка» плавных очертаний, двухжгутовая. Через каждые девять сплетений распрямляется в две параллельные полосы, расстояние между которыми обработано кольцевым пунсоном. Сверху и снизу орнамент окантован линией точек, причем над полосами и под ними точки сгруппированы треугольником.

4 пояс. Геометрическая плетенка из трех жгутов, вложенная в рамку из двух параллельных полос. Над рамкой на полуovalьном основании – трилистник с треугольным центром.

5 пояс. Состоит из трех медальонов и четырех картушей, чередующихся между собой. Четвертый медальон попал в зону прикрепления ручки и поэтому лишь обозначен разметочной чертой.

Медальон 1. Украшен геометрическим орнаментом в виде равностороннего треугольника с вписаным внутри его кругом, в котором изображены три точки. Вершины фигуры продолжены растительными выющими побегами со своеобразными полупальметтами на концах. Окантован двумя гравированными линиями, образующими кольцо с двумя симметричными петлями по бокам и трилистниками с центральными треугольными ростками снизу и сверху.

Медальон 2. Шестилепестковая розетка в окантовке из двух гравированных линий, по бокам украшенной двумя симметричными шпилями, а сверху и снизу фигурами как на медальоне 1 (рис.11).

Медальон 3. Стилизованное изображение плодоносящего дерева с раздвоенной кроной, которая внизу заканчивается парными, выющими с каждой стороны ростками, обозначающими, очевидно, завязи плодов, изображенных ниже. Слева – плод округлой формы со спускающимся вниз побегом, справа – гроздь продолговатых, заостренных на конце плодов, также заканчивающаяся закрученным спиралевидно ростком. Сюжет вписан в рамку из двух гравированных линий, украшенную подобно рамке второго медальона (рис.3)

Картуш 1. В подпрямоугольном поле растительный декор. В центре композиции плод с выющимся от него ростком. По обеим сторонам – пятилепестковые пальметки в завязи из раздвоенных побегов. Каждая из фигур окантована кольцевой ветвью с отростками различной формы, заполняющими свободные места орнаментального поля. Рамка подпрямоугольная, из двух гравированных линий. Боковые стороны рамки выполнены в виде сдвоенных фестонов, верхняя и нижняя – украшены двумя расположенными зеркально шпилями.

Картуш 2. В подпрямоугольном поле эпиграфический орнамент, выполненный почерком «цветущий куфи». Картуш разделен на шесть вертикальных секторов. В четырех из них повторяется мотив из

два зеркальных «алифов». Между последними - знак, украшенный растительными побегами в виде двулистника или спирально закрученных завитков. В третьем секторе слева знак трансформирован в два, закручивающихся в разные стороны завитка завязи плода округлой формы с завивающимся кверху ростком, который, в свою очередь, увенчан фигурой трилистника. В крайних секторах - по одному «алифу», справа - с петлевидной фигурой, слева - с раздвоенными «усиками». Рамка подобна рамке картуша 1 (рис.3).

Картуш 3. В подпрямоугольном поле - эпиграфический орнамент, состоящий из пяти вертикальных зон, в четырех из которых повторяется мотив. Эпиграфическая фигура оформлена прорастающими из знака побегами. Стиль изображения близок почерку «цветущий куфи». Рамка картуша 2 подобна описанной выше рамке картуша 1, с той разницей, что по бокам имеет три фестончатых изгиба вместо двух (рис.3).

Картуш 4. В подпрямоугольном поле декор из двух круглых фигур, обозначающих, очевидно, плоды со спирально закрученными ростками. Каждый из плодов с левой стороны прикреплен к раздвоенной завязи, прорастающей в свою очередь из восьмеркообразной ветви с выющимся по углам картуша побегами. По центральной вертикальной оси зеркально расположены каплевидные фигуры. Рамка подобна рамке картуша 1.

6 пояс. Находится у основания туловища сосуда. Представляет собой два ряда переплетающихся между собой фестонов, опрокинутых дугами вверх. В серединах дуг - выросты в виде маленьких полуовалов. В подтреугольных фигурах, образованных пересечением фестонов - каплевидные выросты. На заостренных концах фестонов - раздвоенные спирально закрученные отростки со шпилевидным завершением посередине.

Фон, на котором выполнены композиции в медальонах и картушах, обработан мелким кольцевым пунсоном. Им же производилась разметка рисунка и выделялись некоторые композиционные детали изображения. Усеченно-коническая форма туловища сближает изделие с широко распространенными в Волжской Булгарии металлическими кружками. Оформление края и основания горловины рельефными валиками аналогично описанному выше сосуду 1. Несомненное сходство в технологии изготовления - использование зубцового шва для скрепления частей корпуса, клепки для присоединения ручки. Вместе с тем эту связь можно определить как генетическую, так как орнаментация и использование белого металла (серебра?) в оформлении сосуда говорят о том, что изделие следует скорее отнести к столовой посуде. С использованием его в этом качестве может быть связано и оформление цилиндрической горловины, и украшение ее рельефным дополнительным валиком.

Многие элементы декора сосуда хорошо известны в прикладном искусстве средневекового Востока и Волжской Булгарии.

1 пояс. «Византийская ветка» или «ислами» наиболее близка к изображенной на бронзовой вазе XII в. из Тохта-базара (Хорезм),³⁰ глиняном калыбе и штампованный керамике XII - XIII в. из Мерва.³¹ Подобный узор встречается в архитектурном орнаменте Термеза XII - XIII вв.,³² на глиняной посуде с полихромной росписью из Шемахи-Кала XIII - XIV вв.³³ Сходный мотив известен в оформлении булгарских штампованных накладок,³⁴ на костяном щите для предохранения пальцев при стрельбе из лука XII - XIII вв., найденном в Биляре,³⁵ на намогильных камнях XIV в.³⁶ и деталях архитектурного декора из Болгара,³⁷ на поливной чаше с Селиренского городища.³⁸

Орнамент их фестонов характерен для булгарской гончарной посуды, в том числе и происходящей из позднезолотоордынских слоев Болгарского городища.³⁹ Он встречается на булгарских штампованных накладках и матрицах для их изготовления.⁴⁰ Подобный декор, нередко вписанный в окружность, сочетается с растительными элементами типа трилистника. Изделия с такими узорами, в том числе и штампованные, относятся уже к концу домонгольского, началу золотоордынского периодов. Развитие орнаментального искусства булгар этого времени стояло на ступени творческого восприятия узоров арабескового стиля, получивших широкое распространение в странах Востока.⁴¹ Близкая аналогия наблюдается в росписи стеклянных ламп, которые завозились в Болгар из Сирии и Египта. Найдки этих вещей связаны со слоями XIV - нач. XV вв.⁴² Повторяя основную тему рисунка на лампе - полосу из сложносплетенных фестонов, мастер, украшающий сосуд, по-иному решил окончания фестонов, заменив петлевидные завитки распространенным в булгарском орнаменте мотивом трилистника с подтреугольным или шипилевидным центральным выростом и добавив детали в виде каплевидных фигур, полуовалов и шпилей.⁴³ Украшение декора полуовалами встречается в золотоордынском художественном металле.

З пояс. Плетенка имеет широкие аналоги в орнаментации изделий из керамики, кости, цветных металлов, камня, стекла. Бытует как в домонгольское, так и в золотоордынское время на обширной территории. Орнаменту З пояса близка плетенка с венчиком толстостенного стеклянного сосуда, найденного в Болгаре⁴⁵. Плетенка 4 пояса также имеет широкие аналогии. Орнамент в виде пунсонных точек, поставленных треугольником, характерен для серебряных чащ Сайгатинского I, III могильников (Тюменская область) 2 пол. XIII - XIV вв.⁴⁶

З пояс. Медальон 1. Мотив равностороннего треугольника, вписанного в круговую композицию, встречается в оформлении лицевой части днища среднеазиатских поливных чащ XI - XII вв.,⁴⁷ на золотоордынских монетах.⁴⁸ Часто он сочетается с растительными вьющимися побегами как на золотоордынском серебряном кубке из Белореченского кургана.⁴⁹ Характерно в этом смысле украшение квадратных рамок на джучидских монетах изображениями трилистни-

ка,⁵⁰ шестиконечной звезды с поливной чаши из Саая-Берке - полупальметтами.⁵¹

Медальон 2. Цветочная розетка встречается на серебряных изделиях Средней Азии и Ирана VII - XII вв.,⁵² на среднеазиатских поливных чашах X-XI вв.,⁵³ в оформлении штампованной керамики из Мерва XII - XIII вв.,⁵⁴ на бронзовых матрицах из Биляра.⁵⁵ Шестилепестковые розетки изображены на штампах для орнаментации посуды, найденных при исследовании гончарной мастерской в Болгаре.⁵⁶ Этот сюжет характерен для поливной керамики XIV в. из городов Нижнего Поволжья.⁵⁷ К изображенной на медальоне наиболее близки шестилепестковая розетка с тимпана булгарского надгробия 1320 года, найденного в 1981 году при изучении памятника «Белая палата» в Болгаре, и розетки с бронзового котелка XIV в., найденного в 1890 году в дер. Айбаш Спасского уезда Казанской губернии.⁵⁹ Цветок с круглой сердцевиной и шестью лепестками типичен для бронзовых изделий Ирана XIV в.⁶⁰

Медальон 3. Мотивы «древа жизни», уходящие своими корнями в глубокую древность, нередко встречаются в искусстве Средней Азии и Азербайджана X - XIII вв.⁶¹ Популярен этот сюжет и у волжских булгар. Он воплощает в себе источник жизни, символ плодородия, местопребывание после смерти и до рождения человеческой души, или воплощение души рода. В то же время «древо жизни» отражало мироустройство, модель мира, связывало небо и землю, было опорой неба.⁶² Стилизованное изображение дерева с медальоном 3, очевидно, тоже следует отнести к этому ряду изображений. По своей стилистике оно близко к изображению на стеле из Хамадана (Иран) 1304 г.⁶³

Картуш 1,4. Стилизованному изображению плода близка серповидная фигура, прорастающая в завязи из двух закрученных побегов, заканчивающихся пальметтами, на иранской серебряной кружке 2 пол. XII -1 пол. XIII вв.⁶⁴ Более близкой аналогии не найдено. Пятилепестковые пальметты сходны с украшениями восьмигранника Малого минарета в Болгаре.⁶⁵ Подобные изображения есть на выкопировках рисунков булгарских вещей Ф.Х.Валеева.

Картуш 2,3. Эпиграфический орнамент встречается на поливной керамике XI - XII вв. из Орен-кала.⁶⁷ Изображению на картушах он схожен формой «алифов». Повторяющийся мотив из двух зеркальных «алифов» известен в декоре поливной посуды с надглазурной росписью XIV в. из Саая-Берке.⁶⁸ Обработка фона изображений кольцевым пунсоном позволяет провести параллель с исламским серебром, для которого такой фон характерен в X - XI вв., но встречается вплоть до первых десятилетий XIII в⁶⁹. Аналогичное оформление фона на ряде сайгатинских находок, относимых к произведениям золотоордынских мастеров 2 половины XIII - нач. XIV вв.⁷⁰ Близко по характеру точечное заполнение фона на поливной керамике золотоордынских городов.⁷¹

Для атрибуции сосуда использовались следующие элементы декора: 1) заполнение фона кольцевым пунсоном, украшение медаль-

онов и фестончатого плетения полуовалами, орнамент из точек, сгруппированных треугольником - признаки, характерные для золотоордынского художественного металла XIII - XIV вв.; 2) своеобразные полупальметты медальона 1, близкие к изображенным на блюде XIV в. из дер. Татарской; 3) решение шестилепестковой розетки, имеющей аналогии на булгарских надгробиях XIV века; 4) стилистическая близость плодоносящего дерева с медальона 3 изображению на стеле из Хамадана 1304 г.

Размещение части изображений в медальонах, картушах, поясах, оконтуренных рамками и расположенных среди лакун свободной от орнамента поверхности, свидетельствует о влиянии стиля некоторых ирано-среднеазиатских изделий XI - XIII вв., образцы которых могли попасть на Среднюю Волгу еще в домонгольское время (например, чаша 2 половины XII - XIII вв. из клада, найденного в 1858 г. у дер. Мелькень Мензелинского района Татарии).⁷²

Следует отметить и знакомство мастера с традициями золотоордынского среброделия, выражющееся в характере заполнения фона, использовании некоторых декоративных деталей. К этому можно добавить, что сосуд изготавливается «под серебро» (амальгамация?, использование железной ручки).

Применение в декоре местных элементов, таких как плетенка, вьющаяся ветвь, фестоны, трилистники, пальметты и полупальметты, свидетельствует о местном изготовлении сосуда, что подтверждается традиционностью его формы и технологии. Отличается оригинальностью оформление рамок медальонов, картушей и одной из плетенок фигурами трилистников и шпилей.

Элементы технологии

В изготовлении рассматриваемой посуды использовался ряд общих приемов, которые необходимо выделить, заранее оговариваясь, что автор не будет подробно останавливаться на вопросах технологии, так как они достаточно рассмотрены в работе К.А.Руденко.

1) Изготовление всех сосудов из металла, который до проведения специальных исследований по составу можно определить как красная медь; 2) выстраивание тулов из нескольких листов материала с использованием различных схем сборки (см. таблицу); 3) использование для соединения частей корпуса кузнецкой сварки «в зубец». Размеры и форма зубцов варьируются (см. таблицу); 4) использование клепки для крепления ручек; 5) пайка использована в двух случаях: для крепления ручки сосуда 1 и горловины сосуда 2; 6) усиление края горловины у сосудов 2 - 4 за счет валика с пропущенной внутрь него полой медной трубкой, у сосуда 1 - за счет утолщения края горловины.

Исходя из анализа форм, технологических особенностей и орнамента посуды, составляющей клад, время ее изготовления и бытования вмещается в рамки 2 пол. XIII - 2 пол. XIV вв. Попадание изделий в состав клада следует отнести к концу XIV - нач. XV вв., что

подтверждается стратиграфическими условиями находки в яме верхнего горизонта позднезолотоордынского слоя городища (2 пол. XIV - нач. XV вв.) и не противоречит дате на монете 1361/1362 гг.

Вероятно, вещи были спрятаны в преддверии одного из тех потрясений, которыми так богата история золотоордынского Болгара второй половины - начала XV веков.

Таблица 1.

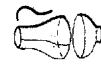
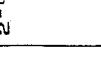
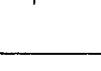
№	Высота (см)	диаметр горловины	диаметр дна	место находки
1	16,5	6	12	Биляр, р. ХХII, яма 124
2	16	9,2	14	Биляр
3	17	8,5	15,5	V Старо-Куйбышевское селище
4	17	8,5	15,5	V Старо-Куйбышевское селище
5	22	9	17	V Старо-Куйбышевское селище
6	Около 20	10-20	18-20	по Казакову Е.П. Булгарское село X-XIII веков...
7	32,5	8,5	34	Болгар, р. CXI, соор. 4д

Примечания:

¹ Казаков Е.П. В Старо-Куйбышевское селище // Археологические памятники Нижнего Прикамья - Казань, 1984; Он же. Булгарское село X-XIII веков низовий Камы - Казань, 1991; Хузин Ф.Ш., Дроздова Г.И. Каменные котлы и металлическая посуда // Посуда Биляра - Казань, 1986; Руденко К.А. Находки булгарской медной бытовой посуды в низовьях Камы // Археологические памятники зоны водохранилища Волго-Камского каскада - Казань, 1992; Лихачев Н. Новая находка вещей в Болгаре // ЗВОРАО. - СПб, 1891. - Т. V; Даркевич В.П. Медные и бронзовые изделия из Волжской Булгарии (XIII-XIV века) // СА. - 1975. - №2; Харитонов Д. Е. Булгарское медное блюдо из Чердынского района // СА. -1965. — №1; Казаков Е.П. Памятники булгарского времени в восточных районах Татарии. - М.: Наука, 1978; Руденко К.А. К вопросу о технологии изготовления медной посуды Поволжья и Прикамья в X-XIV веках // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья - Н.Новгород, 1991.

² Баранов В.С. Отчет об охранных работах на территории Булгарского

Таблица 2.

		СБОРКА СОСУДОВ ИЗ ОФИЕЛЬНЫХ ЛИСТОВ	ТЕХНОЛОГИЯ СБОРКИ	УСТАНОВКА	СОЕДИНЕНИЯ КОРПУСА - ДННИЦА	ГРДО-ВЫНЫ	РУЧКИ	ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ОБРАБОТКА	СЛЕДЫ РЕМОНТА
СОСУД 1	+		2 - ЧАСТИНАЯ		КУЗН.СВАРКА "В ЗУБЕЦ" 0,5-0,6-0,4 ГЛГЛГЛ 09x10 см	-	ПАЙКА	-	-
СОСУД 2	+		3 - ЧАСТИНАЯ С ГОРИЗОНТАЛЬНОЙ УСТАНОВКОЙ ЛИСТОВ КОРПУСА		КУЗН.СВАРКА "В ЗУБЕЦ" ГЛГЛ 10-0,07 см ЛЛЛ 1,0-0,07 см L45° ГЛГЛ 0,6-1,1 см	0,5x0,5 ≤ 0,5x0,5	ПЛАЙКА (ЗАКЛЕПКИ ИЗ МЕДИСТЕРЖ. d -0,4)	ЧАСТИЧНОЕ ЗАПЛАТЫЕНИЕ ПРОДОВКА ДННИЦА	ЗАПЛАТА В КОРПУСЕ. НАМОКЕННАЯ "В ЗУБЕЦ" (КУЗН.СВАРКА)
СОСУД 3	+		3 - ЧАСТИНАЯ С ВЕРТИКАЛЬНОЙ УСТАНОВКОЙ ЛИСТОВ КОРПУСА		КУЗН.СВАРКА "В ЗУБЕЦ" ГЛГЛ 1,0-0,5 см ГЛГЛ 1,3-0,5 см L65°	-	ПЛАЙКА (ЗАКЛЕПКИ ИЗ МЕДИ. ПЛАСТИКИ СВЕРХУ ТРУБКОЙ) ТОМЛ. ПЛ. -0,05 см	ПРОМОВКА КОРПУСА И ДННИЦА	-
СОСУД 4	+		3 - ЧАСТИНАЯ С ГОРИЗОНТАЛЬНОЙ УСТАНОВКОЙ ЛИСТОВ КОРПУСА		КУЗН.СВАРКА "В ЗУБЕЦ" ГЛГЛ 0,5-0,4-0,4 см	-	ПЛАЙКА (ЗАКЛЕПКА ИЗ ЖЕЛЕЗОСТЕРЖ. d -0,3 см)	ЛУЖЕНИЕ, ЖЕЛЭЗНОЕ ДНО ЗАПЛАТА НА ТУЛОВЕ	ЗАПЛАТА ИЗ АМАЛТАМА-ЦИЯ СЕРЕБРОМ

городища на раскопе СХП // Док.фонд БГИАЗ. И nv.№829-1/123. - С.11; Он же: О находке в Болгаре клада медной посуды // Болгар и проблемы изучения древностей Урала - Поволжья. Тезисы научной конференции, посвященной 100-летию А.П.Смирнова. - Болгар, 1999. - С.56-58.

³ Даркевич В.П. Медные и бронзовые изделия ...С.235 и рис.3, 5; С.237 и рис.5, 1.

⁴ Там же. - С.242.

⁵ Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII - XIII (Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья) - М.: Наука, 1976. — Табл. 48, 1.

⁶ Даркевич В.П. Медные и бронзовые изделия... С.235 и рис.3, 5.

⁷ Харитонов Д.Е. Булгарское медное блюдо... С.303-306; Даркевич В.П. Медные и бронзовые изделия... Рис.4, 4.

⁸ Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах ...С.40-42.

⁹ Даркевич В.П. Медные и бронзовые изделия... С.237 и рис.5.

¹⁰ Там же. - Рис.4,4; 5, 5.

¹¹ Денике Б.П. Архитектурный орнамент Средней Азии. - М.- Л. 1939. - С.103 и рис.99.

¹² Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья.- Йошкар-Ола, 1975. - Рис.61.

¹³ Даркевич В.П. Медные и бронзовые изделия... Рис.5, 2,5.

¹⁴ Там же. - Рис.4,4.

¹⁵ Там же. - С.242.

¹⁶ Там же. - С.241.

¹⁷ Там же. - С.243.

¹⁸ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда. - Л., 1937. - С. 109.

¹⁹ Даркевич В.П. Художественный металл Востока... С.115.

²⁰ Крамаровский М.Г. «Булгарские» браслеты: генезис декора и локализация // СГЭ. - Л., 1978. - XLVIII. - С.50.

²¹ Даркевич В.П. Медные и бронзовые изделия...С.242.

²² Руденко К.А. К вопросу о технологии... С.358.

²³ Казаков Е.П. Булгарское село... С.111.

²⁴ Казаков Е.П. В Старо-Куйбышевское селище... С.54; Он же: Булгарское село... С.111; Хузин Ф.Ш.. Дроздова Г.И. Каменные котлы и металлическая посуда... С.84; Руденко К.А. Находки булгарской медной бытовой посуды... С.110-116.

²⁵ Хузин Ф.Ш., Дроздова Г.И. Каменные котлы и металлическая посуда... С.92.

²⁶ Руденко К.А. К вопросу о технологии... С.358.

²⁷ Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов - М.: Искусство, 1976. - Рис.129, 130, 132, 136.

²⁸ Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. - М.: Наука, 1988. - С.38.

²⁹ Там же. - С.44 и рис.27, 5.

³⁰ Искусство Средней Азии эпохи Авиценны. -Душанбе: Ирфон, 1988. — Рис.185.

³¹ Искусство Средней Азии...Рис. 164, 165; Лунина С.В. Гончарное производство в Мерве X-начала XIII вв.// Труды ЮТАКЭ. - Ашхабад, 1962. - IV. - С.296.

- ³² Денике Б.П. Архитектурный орнамент... Рис.42, 44, 52.
- ³³ Крамаровский М.Г. К атрибуции золотоордынского ковша с тюркской надписью // Культура и искусство Индии и стран Дальнего Востока. - Л., 1976.- С. 17 и рис.1; Греков БД., Якубовский А.Ю. Золотая Орда... Рис. 135, 136.
- ³⁴ Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство... Рис.46, 3.
- ³⁵ Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X-XIII вв. - М.: Наука, 1985. - С. 143 и табл.XLIX, 1.
- ³⁶ Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры. - М.: Наука, 1987. - С.146.
- ³⁷ Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство...Рис.56, 1.
- ³⁸ Булатов Н.М. Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов // Средневековые памятники Поволжья. - М.: Наука, 1976.- С.102 и табл.111, 2.
- ³⁹ Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара... Рис.43, 17.
- ⁴⁰ Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство... Рис.46,2.
- ⁴¹ Там же.-С. 117.
- ⁴² Полубояринова М.Д. Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. - М.: Наука, 1988. - С.208 и рис.92.
- ⁴³ Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство... С.117.
- ⁴⁴ Крамаровский М.Г. К атрибуции золотоордынского ковша... С.19.
- ⁴⁵ Полубояринова М.Д. Стеклянные изделия Болгарского городища... Рис.93, 94.
- ⁴⁶ Федорова Н.В. Золотоордынская торевтика в Приобье // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. - Ижевск, 1991. - С.199 и рис.2.
- ⁴⁷ Искусство Средней Азии... Рис.99.
- ⁴⁸ Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело и денежное обращение Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры. - М.: Наука, 1987. - С.167 и рис.26, 1,2.
- ⁴⁹ Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды... Рис.135.
- ⁵⁰ Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1957 году // МИА, №80,М., 1960. - С.216, №13в.
- ⁵¹ Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды... С.145.
- ⁵² Даркевич В.П. Художественный металл Востока... Рис.1, 1 и табл.12, 3; 13, 1-3; 14, 2; 16, 1; 25, 3,4; 30, 6,7.
- ⁵³ Искусство Средней Азии... Рис.82, 85.
- ⁵⁴ Лунина С.Б. Гончарное производство Мерва... С.318 и рис.57.
- ⁵⁵ Культура Биляра... Табл.XXXVII, 13.
- ⁵⁶ Хованская О.С. Гончарное производство города Болгара // МИА, №42, М., 1954. - С.357.
- ⁵⁷ Булатов Н.М. Классификация красноглиняной поливной керамики... Табл.III, 1; VI, 1; VII, 4; IX, 1.
- ⁵⁸ Шарифуллин Р.Ф. Отчет об исследованиях на раскопе LXXV // Исследования Болгарского городища в 1981году. - Казань, 1982. Док. фонд БГИАЗ. - Инв.№69-1. - Рис.55.
- ⁵⁹ Даркевич В.П. Медные и бронзовые изделия... Рис.4, 1.
- ⁶⁰ Там же. - С.240.
- ⁶¹ Валеева Д.К. Искусство волжских булгар (X-XIII вв.). - Казань, 1983. -

- С.92-93.
- ⁶² *Давлетшин Г.М.* Волжская Булгария: духовная культура. - Казань, 1990.
- С.54.
- ⁶³ *Крамаровский М.Г.* «Булгарские» браслеты... Табл.II, 3.
- ⁶⁴ *Даркевич В.П.* Художественный металл Востока... Табл.33, 1.
- ⁶⁵ *Смирнов А.П.* Волжские булгары. - М., 1951.
- ⁶⁶ *Валеев Ф.Х.* Древнее и средневековое искусство... Рис.79,20,21.
- ⁶⁷ *Якобсон А.Л.* Художественная керамика Байлакана (Орен-кала) // МИА, №67, М., 1959. - Табл.XXII, 1-3.
- ⁶⁸ *Федоров-Давыдов Г.А.* Искусство кочевников и Золотой Орды... Рис.102.
- ⁶⁹ *Даркевич В.П.* Художественный металл Востока... С.115.
- ⁷⁰ *Федорова Н.В.* Золотоордынская торевтика... С.195.
- ⁷¹ *Федоров-Давыдов Г.А.* Искусство кочевников и Золотой Орды... Рис.106-111.
- ⁷² *Даркевич В.П.* Художественный металл Востока... С.14; *Казаков Е.П.* Памятники болгарского времени в восточных районах... С.39-40.

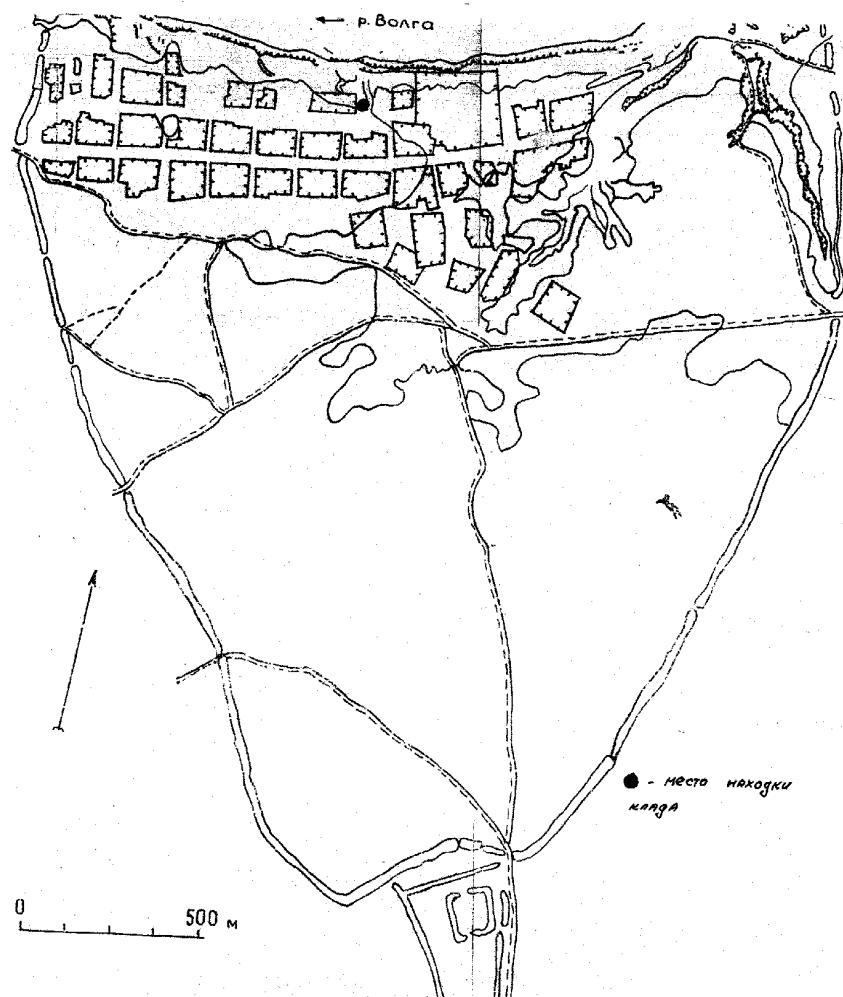
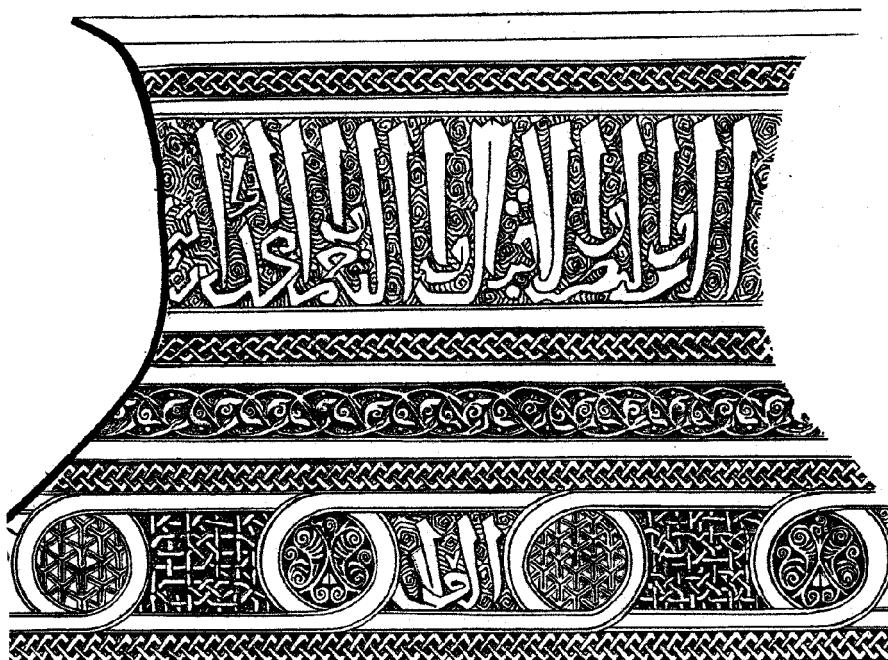
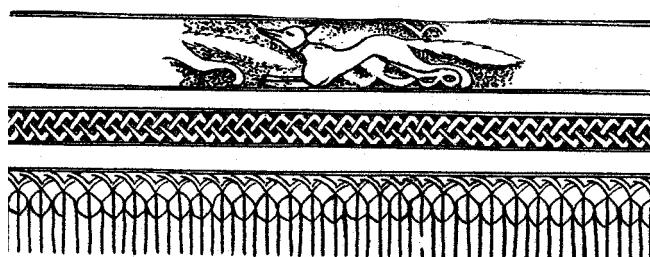


Рис. 1. Общий план Болгарского городища с местом находки клада.



1



2

Рис. 2. Сосуд № 4. Прорисовка орнамента: 1 - разверстка верхней части орнамента; 2 - зооморфный рисунок на нижней части сосуда.

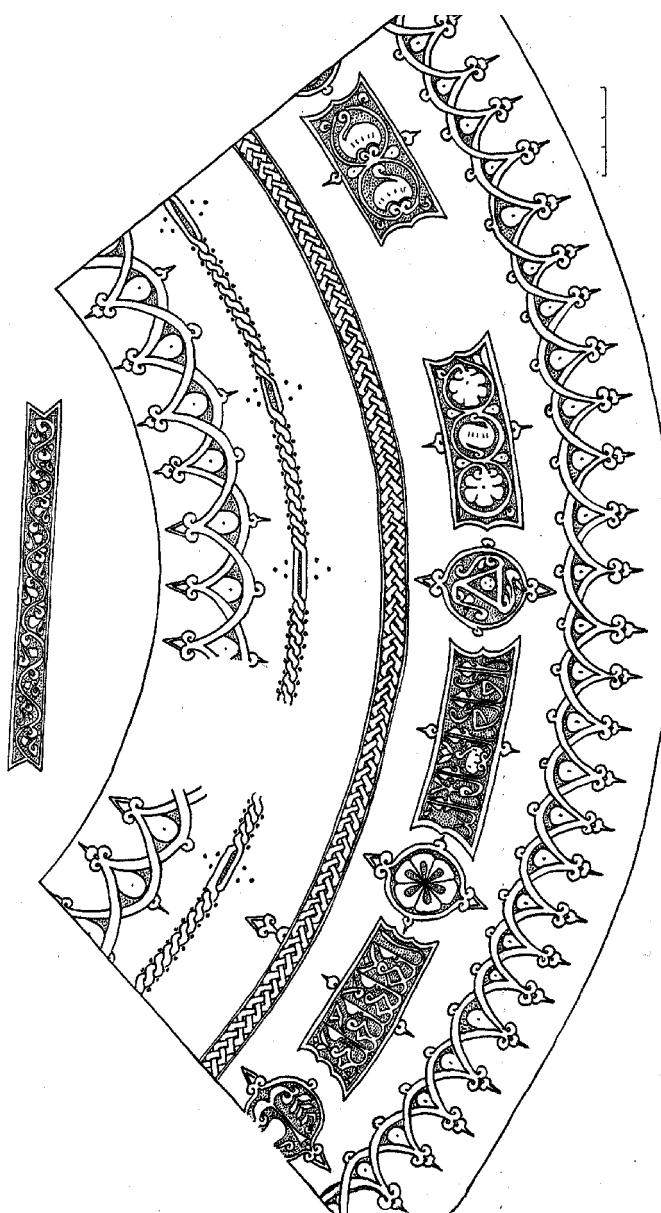


Рис. 3. Сосуд № 4. Прорисовка орнамента.



Рис. 4. Сосуд № 1. Общий вид (фото).



Рис. 5. Сосуд № 1. Деталь декора: «Y»-образная плетенка в медальоне (фото).



Рис. 6. Сосуд № 1. Деталь декора: цветочный узор в медальоне (фото).



Рис. 7. Сосуд № 1. Горло сосуда с надписью (фото).



Рис. 8. Сосуд № 2. Общий вид (фото).



Рис. 9. Сосуд № 3. Общий вид (фото).



Рис. 10. Сосуд № 4. Общий вид (фото).

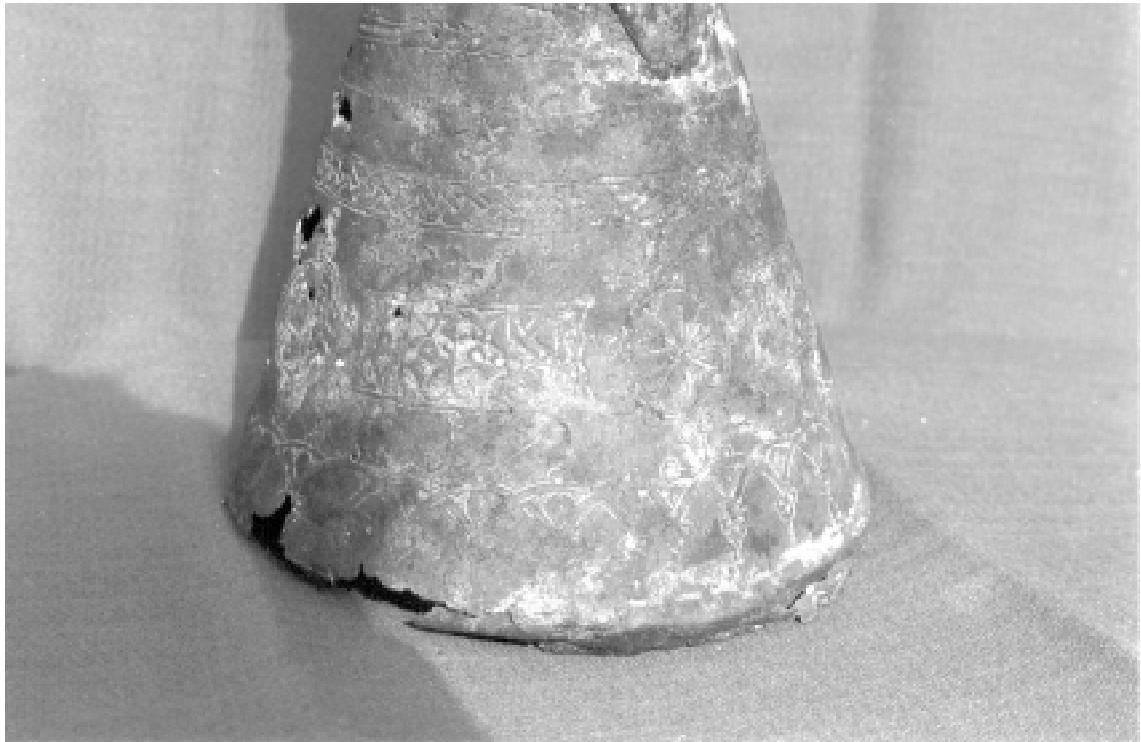


Рис. 11. Сосуд № 4. Детали орнамента в нижней части сосуда (фото).

Константин Руденко

Бронзовые чаши с серебряной инкрустацией из собрания Национального музея РТ (к вопросу о булгарской торевтике эпохи Золотой Орды)

В фондах Национального музея Республики Татарстан хранятся несколько целых бронзовых чаш с серебряной инкрустацией и фрагменты подобных сосудов. Некоторые из них опубликованы, об остальных имеется только краткая информация в печати.

Большая часть фрагментированных изделий происходит из подъемного материала, собранного в конце XIX в. для казанского коллекционера А.Ф.Лихачева на Болгарском городище¹.

Точное указание на место находки имеет чаша №3. Она была найдена у села Пролей Каша Тетюшского уезда и поступила в фонды музея ОАИЭ. В рукописном каталоге коллекции музея, составленном в 80-х гг XIX в. под №1153 значится: «Тетюшский уезд, деревня Пролей Каша. Бронзовая чаша с орнаментом, покрытым серебряными пластинками, персидской работы. В графе «примечания» указано: от Н.И.Ильминского. В протоколе XXIV заседания Общества 24 февраля 1882 г. отмечен факт приобретения этой находки в 1881 г. «покупкой у местного крестьянина – чуваша»². На выставке 1882 г. она выставляется под №153: «Чаша на ножке из серовато-желтой бронзы...»³.

Хорошо документирована чаша из раскопок А.П.Смирнова в Болгарах (№1). Однако в публикации, кроме описания сосуда, приведена только фотография части его декора. Таким образом, в отличие от бронзовых изделий, найденных на булгарских памятниках и хранящихся в музеях Москвы и Петербурга, опубликованных и введенных в научный оборот⁴, наши материалы остаются мало известными.

Перейдем к описанию предметов.

Чаша №1 (рис.1-1) (ЦМТР, 3227; АА-44-29). Болгары. Красная палата. XIV в. Раскопки А.П.Смирнова. Бронза, литье, инкрустация серебром. Сосуд с полусферическим дном и с чуть сужающимися стенками. Высота 45 мм, диаметр 117 мм, диаметр максимального расширения туловища 125 мм. срез венчика прямой. Чуть ниже его выпуклый рельефный валик. Под ним расположен орнаментальный пояс шириной 2 см: здесь выгравирована стилизованный надпись арабскими буквами почерком насх. Фон украшен растительным орнаментом. Буквы инкрустированы серебром. Верхняя часть буквы алиф оформлены в виде человеческой головы. На широкой части изображено человеческое лицо. На серебре прорисованы узкие, чуть удлиненные глаза, намечен нос и одной линией обозначена прическа или край головного убора.

Надпись сильно испорчена коррозией и не читается. Сохранность сосуда удовлетворительная. Поверхность металла серая.

Чаша опубликована А.П.Смирновым. По его мнению, инкрустированные изображения соответствуют женским лицам «монгольского типа». Аналогии технологии инкрустированных бронз автор видит в иранских образцах XII в., а стилистику изображений в керамике Закавказья и Хорасана. Дата находки определяется им XII – XIII вв.⁵

Чаша №2 (рис.2) (ЦМТР 5364-4)⁶. Казань, поступление из музея ОАИЭ в 1929 г. Бронза, литье, ковка, инкрустация серебром. Чаша полусферической формы. Высота 85 мм, диаметр 164 мм. Срез венчика ровный. В 2 мм от края расположен орнаментальный пояс шириной 20 мм с гравированной благопожелательной надписью почерком насх. (рис.2-2). Фон надписи украшен стилизованным растительным орнаментом в виде спиральных завитков. Буквы надписи инкрустованы серебром. Текст испорчен коррозией.

Орнаментальный пояс отделен от остального поля резной линией, помещенной в 4 мм от края полосы. В 12 мм ниже линии на тулове чаши имеются 10 медальонов, расположенных по периметру сосуда на расстоянии 15 мм друг от друга. Медальоны представляют собой стилизацию растительного побега. Рисунок выполнен тонким резцом. Чаша покрыта патиной золотисто-желтого цвета. Часть дна сосуда утрачена.

Чаша №3 (рис.3) (ЦМТР 5379; 12077; ОА-36-54; на этикетке: Пролей-Каша, 1а). Пролей Каша, Тетюшский уезд Казанской губернии (Тетюшский район РТ). Бронза, литье, инкрустация серебром. Полусферическая чаша на полом коническом поддоне. Высота 120, диаметр 165 мм. стенки вертикальные, на 7 мм суженные в верхней части. Тулово сосуда украшено 4 рядами орнаментальных полос (рис.3; 5-А). Верхняя орнаментальная полоса высотой 31 мм состоит из повторяющегося рапопорта (зеркальная симметрия): буква алиф и растительный побег, дающий в целом форму цветка. Фон выбран резцом, рисунок дополнен инкрустацией серебром. Нижние части букв переплетаются друг с другом, создавая непрерывную линию орнамента.

Вторая полоса состоит из 9 круглых картушей диаметром 65 мм с выделенным центром из двух цветков и обрамляющего его побега лозы (?). Пространство между картушами заполнено рисунком стилизованного растительного побега. Фон выбран резцом. Кайма картушей, переплетаясь, образует единую орнаментальную композицию.

Следующая полоса шириной 22 мм аналогична верхней с той разницей, что буквы перевернуты, а центр рапопорта оформлен в виде двух цветков.

Нижняя полоса шириной 16 мм состоит из двух пересекающихся лент, образующих каплевидный рисунок (острием вниз). Центральное поле «капель» инкрустировано серебром.

Поддон чаши обломан. Поверхность сосуда покрыта темно-серой патиной.

Чаша №4 (рис.4) (Депаспортизирована). Бронза, литье, инкрустация серебром. Чаша полусферической формы с чуть суженным

верхом, на полом коническом поддоне. По форме аналогична предыдущей чаше. Поверхность ее снаружи украшена 4 орнаментальными полосами (рис.4; 5-Б).

Первая полоса шириной 35 мм состоит из рапопорта из нескольких арабских букв, вероятно, это часть стилизованной надписи. Фон украшен стилизованными растительными побегами в виде спиральных завитков с под треугольными листьями. Орнамент выполнен тонким резцом.

Вторая полоса шириной 5 см состоит из круглых картушей диаметром 50 мм, центр которых оформлен в виде четырехлепестковой розетки. Пространство между розетками заполнено стилизованным растительным орнаментом. Центр обрамлен полосой из плетенки, состоящей из двух лент. Между картушами расположен стилизованный растительный орнамент, аналогичный орнаменту на чаше №3.

Третий орнаментальный пояс шириной 15 мм представлен растительным побегом с цветами или бутонами.

Нижний пояс шириной 17 мм состоит из пересекающихся полос, аналогичных изображения на чаше №3. Поддон у чаши обломан. Патина на поверхности сосуда имеет золотисто-охристый цвет.

Чаша №5 (рис.6) (ГМТР 5462; ИО/КИМ-31/77; 12080). Болгары. Медь, ковка. Чаша полусферическая с чуть уплощенным дном, с пологими плечиками и вертикальной шейкой, высотой 20 мм. Диаметр 210 мм, высота 95-110 мм. Венчик утолщенный, плоский, шириной 6 мм. На срезе выгравирована плетенка из двух полос. Средняя часть шейки выпуклая. По плечику идет орнаментальная полоса шириной 15 мм, имитирующая надпись арабскими буквами. На дне сосуда сделаны две заплатки почти правильной круглой формы, диаметром 50 и 55 мм, выполненных швом «в зубец».

Чаша №6 (рис.7-1) (АКУ-2)⁷. Болгары (?). Бронза, литье, инкрустация серебром. Фрагменты донной части сосуда – 90x45 и 27x32 мм. Часть дна чаши с изображением плавающих рыб на внутренней поверхности.

Чаша №7 (рис.7-3) (КМТР 7719-14; АА-44-5). Болгары, коллекция А.Ф.Лихачева. Бронза, литье, инкрустация серебром. Фрагмент венчика – 36x34 мм. Чаша полусферической формы диаметром приблизительно 125 мм. Верхняя часть сосуда украшена орнаментальным поясом с гравированной благопожелательной надписью почерком насх. Фон надписи заполнен изображением стилизованного растительного побега.

Чаша №8 (рис.7-4) (КМТР 7719-14; АА 44-5; 775107). Болгары, коллекция А.Ф.Лихачева. Бронза, литье, инкрустация. Фрагмент венчика – 45 x 42 мм. Чаша полусферической формы с орнаментальной полоской со стилизованной арабской надписью, верхняя часть букв которой украшена серебряной инкрустацией, выполненной в виде человеческих голов (ср. чаша №1). Надпись не читаема. Поверхность фрагмента покрыта плотной патиной рыжеватого цвета.

Чаша №9 (рис.7-2;8-2) (АКУ-2-154) Болгары (?). Бронза, литье, инкрустация. Фрагмент венчика – 30x42 мм. Венчик прямой срез

плоский. Чаша полусферической формы. Верхняя часть тулова украшена орнаментальной полосой шириной 23 мм. Полоса заполнена стилизованной надписью арабскими буквами, инкрустированными серебром. Верхняя часть букв выполнена в виде человеческих голов. Детали четко проработаны: прочерчены брови, узкие, чуть удлиненные глаза, крупный нос, подбородок. Фон украшен растительными побегами. Надпись прерывается картушем, где на фоне растительных зарослей (переплетение побегов и цветов) изображен лежащий или скачущий олень (?). Рисунок четкий, резкий. По краю фрагмента высверлены три дырочки — следы ремонта сосуда. Фрагмент имеет темно-золотистую патину.

Чаша №10 (рис.7-7) (КМТР 7719-14; АА-44-9). Болгары. Коллекция А.Ф.Лихачева. Бронза, литье, инкрустация. Фрагмент поддона (?) чаши. Край ровный, плоскость изогнута. Размеры 72x40 мм. Край украшен двумя орнаментальными полосами — стилизованной надписью и полосы из пересекающихся лент, образующих каплевидный орнамент. Рисунок почти полностью уничтожен коррозией.

Чаша №11 (рис.7-5,6) (АА-44-24). Болгары. Бронза, литье, гравировка, инкрустация. Фрагменты стенок чаши: 40x26 и 37x35 мм, украшенных орнаментом в виде многолепестковых розеток. В средней части имеется полоса из плетеной двойной ленты. Фон шероховатый, выбран резцом. Лепестки розетки инкрустированы серебром.

Чаша №12 (рис.7-8) (КМТР 7719-14; АА-44-9; 12737). Болгары. Коллекция А.Ф.Лихачева. Бронза, литье, инкрустация. Фрагмент венчика чаши 43x40 мм. Срез плоский. Венчик утолщен. В верхней части с внешней стороны имеется декоративная полоса из кружочков диаметром 7 мм с точкой в центре. Ниже плоскость украшена крупными кружками.

Чаша №13 (рис.7-10) (КМТР 7719-11; АА-44-7; 20052). Болгары. Коллекция А.Ф.Лихачева. Бронза, литье, гравировка. Фрагмент дна чаши 40x52 мм, украшенный циркульным орнаментом и стилизованными растительными побегами.

Чаша №14 (рис.7-9). Депаспортизирована. Фрагмент венчика 22x14 мм, украшенный циркульным орнаментом. Диаметр кружков 4 мм.

Датировка чаши. Чаша №1 (рис.1-1) датируется XIV в. по материалам раскопок на Болгарском городище⁸. Остальные рассматриваемые находки, происходящие с этого памятника из сборов, могут в этой связи датироваться в широких хронологических рамках — с X по XV вв., т.е временем существования городища. Чаша №3, найденная у с. Пролей Каша, не имеет привязки к какому-либо древнему поселению, поскольку таковых в окрестностях села не выявлено⁹. Чаша №2, найденная в Казани (?), также не имеет точной хронологической даты.

Рассмотрим *аналогии* этим сосудам.

Форма. Чаши по форме можно разделить на две группы — с поддоном (№3,4) и без поддона. Чаши с полыми поддонами, такие как у чаш №3 и 4, имели широкое распространение в мусульман-

ском мире XIII – XIV вв. Достаточно близкой в этом плане является чаша с золотой и серебряной инкрустацией, изготовленная в XIVв. в Иране¹⁰ (рис.11) или же чаша с серебряной инкрустацией из Хорасана начала XIII в.¹¹ (рис.12). Известны и более ранние варианты чаш на поддоне, датированные XI – XII вв.¹²

Чаши без поддона делятся на два вида: полусферические (№2,7,9), полусферические со сложным профилем (№1,5) и фигурные (№6). Отмеченные формы чаш без поддона были распространены в широком хронологическом и территориальном диапазоне.

Технологические приемы. Практически все чаши, кроме №5, 12-14, инкрустированы серебром. **Инкрустация** серебром в исламской таревтике восходит еще к VIII в., хотя широкое применение получает в X – XI вв. в Иране¹³. Не угасла эта традиция в Иране и позже, в XII – XIV вв., а после монгольского нашествия распространяется в Египте, достигая расцвета в XIII – XIV вв. В XII – начале XIII этот прием используется сирийскими таревтами. В целом традиция инкрустации серебром медной и бронзовой посуды сохраняется и по сей день.¹⁴ Одним из крупнейших центров производства инкрустированной посуды был Хорасан, в котором наиболее отчетливо проявляются собственные стилистические особенности, начиная с середины XII в., хотя формирование их можно отнести, по мнению Б.И.Маршака, к концу XI – началу XII в¹⁵. В булгарском ремесле домонгольского времени инкрустация медью и бронзой, а также серебром или золотом применялась в незначительных объемах.

Декор. Чаши украшены орнаментальными композициями двух видов: сюжетными и бессюжетными. К первым относятся фрагменты чаши №6 (рис.7-1). Она имеет полные аналогии чаше с изображениями всадников, найденной в Болгарах в 1891. Болгарская находка является, по мнению В.П.Даркевича, работой мосульских мастеров и изготовлена во второй половине XIII в.¹⁶ Видимо, мастерами этой школы изготовлена была и чаша №6.

Второй вид более разнообразен. Выделяются чаши (№8,9), украшенные эпиграфическим орнаментом, выполненным почерком на с человеческими головами наверху. Такие антропоморфные надписи известны на бронзовых изделиях Ирана с XII по XIV вв. Этот прием широко распространяется в верхней Месопотамии в первой половине XIII в.¹⁷ Вместе с этим мотивом можно предположить и наличие какого-либо сюжета (чаша №9).

В таком же стиле оформлены чаши №2 и 7, однако верхние части букв надписи здесь не имеют антропоморфных черт. Таким образом украшены надписи на подлинных изделиях гератского производства начала XIII в.¹⁸ (рис.13). Вместе с тем другие формы декоративных сюжетов (медальон на чаше №2) имеют прототипы в таревтике Самарканда XI – XII вв.¹⁹ Дату – конец XII – первая половина XIII в. предполагает В.П.Даркевич для кувшина из кургана у д. Старый Комсомол в Башкирии, отмечая, что спирально скрученные стебли с пальметтой характерны для восточноиранских сосудов XIII в.²⁰

«Обезличенные» антопоморфные буквы встречаются на изделиях Западного Ирана второй половины – конца XIV в.²¹ (рис.10). Отметим и то обстоятельство, что нижний орнаментальный пояс представляет собой уже не надпись, а эпиграфический рапорт из одной или двух букв; в какой-то мере это напоминает первый орнаментальный пояс чаши №4 (рис.5-Б). Близкий по стилю рапорт чаши №3 (рис.5-А) встречен на блюде сиро-египетского производства XIII в.²²

Отметим, что стилизация эпиграфического орнамента сопровождается «процессом флоризации» (чаша №3) на основе классических арабесок «ислами», что, кстати, характерно и для кованых изделий (рис.1-2)²³. Надо сказать, что это явление отмечено не только в торевтике²⁴.

Мотив четырехлепестковой розетки на чаше №4 (рис.5-Б) фиксируется на иранском котелке XIV в.²⁵, хотя узких хронологических рамок этот мотив не имеет. Впрочем, как и мотив плетенки или растительный. Близкие изображения многолепестковых розеток встречены на медном блюде XII в. из Самарканда²⁶.

Таким образом, практически все аналогии указывают на золотоордынское время рассматриваемых изделий. К раннезолотордынскому времени можно отнести чашу № 2, хотя ближайшие аналогии относятся к концу XII – началу XIII в. К XIII в., второй его половине относятся чаша с сюжетными композициями (чаша №6) и чаша (№9) с эпиграфическим «антропоморфным» орнаментом. Второй половиной XIII – началом XIV в. можно датировать чаши с поддоном (№3,4) и связать их с кругом иранских (западноиранских?) бронз XIII в. К XIV в., ближе ко второй его половине, относятся чаши №1,8,10. Этим же временем можно датировать и чашу №5, по форме близкую к чаше №1.

Более сложным представляется вопрос о месте производства этих изделий. В.П.Даркевич, рассматривая находки медно-бронзовой посуды из Волжской Болгарии, писал, что сложившаяся в XIV в. местная болгарская школа медников отличалась копированием ближневосточных форм, отсутствием инкрустации серебром и медью, произвольной комбинацией элементов декора, нечитаемыми надписями с неумелым начертанием букв, предельно упрощенным фоном и схематизацией орнаментальных мотивов²⁷. Действительно, та выборка сосудов, которая использовалась В.П.Даркевичем, позволяет делать именно такие выводы. Если рассматривать наши изделия в этом ключе, то бесспорно изготовленными за пределами булгарских земель являются чаши с четко проработанными деталями, проволочной инкрустацией. Это чаши №3,6,7,9. Булгарского производства может быть чаша №2, с «испорченной», плохо читаемой надписью.

В домонгольский период одним из крупных ремесленных центров был Бияр. Однако массового производства бронзовой художественной посуды там не выявлено. Преобладают небольшие чашечки, украшенные циркульным орнаментом²⁸. Имеется один фрагмент чаши с эпиграфическим орнаментом, с серебряной инкрустацией²⁹. Но он,

скорее всего, относится к золотоордынскому Биляру, где на недолгое время, вероятно, возродилось ремесленное производство, уступившее к концу XIII в. первенство Болгару. Чаша №2 может относиться к билярским мастерским раннеджучидского времени.

Рассмотрим вопрос о месте производства художественной посуды с привлечением более широкого круга источников. Художественный металл с булгарской территории XIII – XIV вв. может быть разделен на несколько категорий. Это *бытовая и парадная посуда*, а также предметы *специального назначения*. К бытовой посуде относятся медные и бронзовые сосуды, изготовленные путем ковки, механической сборки и холодной сварки. В эту категорию попадают кружки, ковши с носиком, чаши. Во вторую входят в основном литые сосуды с гравированным орнаментом и в большей мере с инкрустацией серебром деталей орнамента. К ней относятся котелки, ковши с носиком, блюда, чаши. Из специализированных изделий отметим чернильницу, подсвечник, ступки.

Можно достаточно уверенно утверждать, что *бытовая посуда*, практически вся была местного изготовления. Нижневолжские города Золотой Орды не знали массового производства листовой медной посуды³⁰ механической сборки, в отличие от средневолжских и прикамских земель, где эта традиция, несмотря на тенденцию к затуханию, сохранилась до начала XV в.³¹ Ассортимент такой посуды претерпел незначительные изменения, обогатившись формами, заимствованными у парадных сосудов. Но такие примеры немногочисленны³². Интересен тот факт, что стиль оформления некоторых изделий (рис.1-2) наиболее близок образцам раннеджучидской торевтики XIII – начала XIV в., и имеет аналогии в материалах нижневолжских городищ³³. Он существенно отличается от парадных изделий, бытовавших в это время в городской среде Болгара. Стилистическое оформление нового направления на основе уже сложившейся художественной практики относится, видимо, ко второй половине XIV в. Сложнопрофилированные формы чаш (№5), тенденция к шаровидности тулова котлов (тип М-10)³⁴ при наличии у них сложной профилировки шейки и венчика (тип М-12) отражают попытки подражания изделиям более дорогим и престижным. Генезис этих форм сосудов пока не очень ясен. Очевидно, что уже в конце XIII – начале XIV в. котлы новых форм начинают встречаться в богатых захоронениях кочевников³⁵. Орнаментация других сосудов следует своим прототипам.

Некоторые формы парадной посуды были новыми для местного ремесла. Это относится к котелкам с грушевидным туловом, высокой шейкой, литыми ушками и ручкой, которые в XI – XII вв. были здесь неизвестны. Можно предполагать, что булгары в это время знали литые котлы полусферической или близкой к ней формы, производившиеся в Казахстане и на Кавказе. Ковши³⁶ с носиком вошли в моду только в ордынскую эпоху. Известные нам импортные образцы XI в., найденные в Булгарии, совсем иные³⁷.

Основным источником при анализе изделий булгарских ремесленников-торевтов XI – XII вв. является собрание бронзовых и серебряных изделий из Прикамья и Приобья, атрибуция которых довольно сложна и вызывает разногласия у специалистов. Основным критерием отнесения сосудов к булгарским является сочетание внешней формы изделия типичного для высокопрофессионального городского мастерства с «варварскими» особенностями рисунка. В совокупности признаков здесь отмечается подражания арабским надписям, декорация полосами черни и позолотой с помощью амальгамы с признаками варварского искусства, например, с показом внутренних органов нарисованного человека или животного («линия жизни» от горла до живота). В стилистике орнамента имеются многочисленные восточные (исламские и доисламские) и северные (скандинавские) мотивы. Технологически изделия исполнены на высоком уровне, но встречаются и поделки невысокого качества³⁸.

Ассортимент изделий X – XI вв. очень разнообразен и лишен каноничности. Определенная степень стандартизации была достигнута только в XII – XIII вв. В целом импортируемые изделия представлены чашами, блюдами, ковшом и мелкими ювелирными изделиями. Не касаясь последней категории изделий, отметим, что при всех спорных моментах прямую аналогию с изделиями джуничского времени можно провести далеко не всегда. Это касается ковша³⁹, серебряной чаши с неглубокими ложками и намеченным поддоном⁴⁰, плоской чаши с изображением лучника⁴¹, большей части блюд, имеющих характерный для исламского искусства переход от дна к бортику в виде фестонов или полукруглых ложков⁴².

Наибольшую близость по форме к рассматриваемым изделиям и в частности чаше №2, обнаруживает глубокая серебряная миска, датированная XI в. из Сосьвинского городка с круговым фризом из очень стилизованной благопожелательной надписи.⁴³ Однако орнамент нанесен здесь с внутренней стороны, что не характерно для наших изделий. Тем не менее, стоит сказать, что прототипами сосьвинской чаши могли быть чаши (рис.9) восточноиранского производства, встречающиеся в достаточно большом количестве на памятниках Приочья, Среднего Поволжья и Поветлужья, распространявшимися в X – XI вв. в регионе.⁴⁴ К такому типу сосудов по форме видимо, нужно отнести чаши №12-14, однако окончательные выводы по имеющимся фрагментам сделать невозможно.

Таким образом, выделяется три ведущих отрасли ремесленного производства булгарских мастеров-торевтов X – начала XV в. Это производство серебряной, бронзовой и медно-бронзовой посуды. Такое деление обусловлено как технологическими особенностями изготовления каждой категории сосудов, так и исторически сложившимся изобразительным каноном в домонгольской Булгарии в художественной практике. Показательно, что формирование бытовых типов медной посуды шло несколько в ином направлении, ориентируясь на удешевление технологии производства и массовость продукции.⁴⁵ При-

чем, если продукция медников была в большей степени ориентирована на внутренний рынок, то серебряные изделия в большей степени предназначались для торговли на внешнем рынке. Литая бронзовая посуда имела ограниченный круг потребителей, преимущественно среди городской элиты булгарского общества.

Сложившийся к XI в. булгарский изобразительный канон, включающий композиционное построение декора, иконографию образов, художественные и технические средства воплощения, базирующийся на философско-мировоззренческой системе⁴⁶ не получил дальнейшего развития. Преобладание в Булгарии XI – XII привозной восточноиранской посуды и опосредованного воздействия сибирских и китайских приемов декорации и технологии, включая и непосредственное заимствование⁴⁷ технологий и художественных образов, предопределило некоторую размытость индивидуальных черт в изготовлении бронзовых художественных изделий. Даже импорт художественных изделий был своеобразным. Это, например, чаши из «белой бронзы» с орнаментированной внутренней поверхностью. Основными мотивами декорации здесь выступали геометрический и зооморфный орнамент (рис.9). Достаточно распространен был прием обработки фона рисунка циркульным орнаментом в сочетании с неглубоким сверлением, а также золочение внутренней поверхности изделия. Кстати чаши этого стиля распространялись вместе с булгарскими изделиями в Приобье.⁴⁸ Не исключено, что некоторые чаши, отличающиеся упрощенностью композиции, незавершенностью оформления и рядом других деталей, могли быть продукцией булгарских мастеров⁴⁹.

Большой самобытностью отличается булгарская школа сереброделия XI – XII вв., однако ее мастера практически прекратили производство серебряной посуды к середине XIII в.

В первой трети XIII в. традиционный булгарский стиль подвергся сильнейшему воздействию устоявшегося халифатского канона⁵⁰ из-за массового притока мастеров и ремесленной продукции на стабильный булгарский рынок из Малой Азии, Кавказа и Восточного Ирана. Это продукция, выполненная из бронзы с гравированным и объемным декором, разнообразных форм, сопровождавшаяся внедрением эпиграфического орнамента, мотивов «ислами» и «гириха», а также использованием инкрустированных декоративных деталей. Причем орнамент наносился здесь исключительно с внешней стороны изделий. Выделение из этой массы собственно булгарской продукции затруднительно, поскольку основные формы и система декора были практически идентичны общемусульманским, а мастерами-изготовителями, возможно, выступали приезжие специалисты.

Аналогичная ситуация сохранялась для булгарской торевтики на протяжении большей части XIII в. В раннеджучидское время⁵¹ прослеживается тенденция к формированию единой ордынской стилистической системы, своего рода протоканона, отразившегося на декорации булгарских медных чеканных изделий, ставших своего рода технологическим маркером нового времени в производстве медных

изделий, придав им за счет падения массовости большую декоративность, что впоследствии вылилось в обособление локальной художественной школы города Булгара не позднее середины XIV в. Начало формирования ордынской булгарской школы может отражать русско-шуганское блюдо⁵² (рис.8-1). Отличает его пайка декоративного оформления на литую основу, точное копирование восточноиранских образцов, отсутствие инкрустации. Все это позволяет отнести его к ранним образцам булгарской школы торевтики ордынского времени.

Падение уровня собственного производства выразилось в использовании в Булгарии массы привозных изделий, особенно восточноиранских во второй половине XIII в., преобладающие формы которых – чаши. Изготовление серебряной посуды прекратилось. Однако уже в среднеджучидский период на рубеже XIII – XIV вв. в связи с некоторым обособлением булгарской области происходит складывание и собственной булгарской школы торевтики, что и отмечалось В.П.Даркевичем.

Итак, булгарская торевтика в раннеджучидский период формировалась на основе восточноиранских образцов (чаша №2, русско-шуганское блюдо) под сильным влиянием ремесла нижневолжских столичных городов⁵³ (крышка от сосуда с чеканным орнаментом). Ее характеризует применение комбинированной технологии изготовления сосудов, гравированный декор с использованием в ряде случаев инкрустации серебром, чеканным орнаментом при оформлении медных изделий, что практически не применялось в домонгольский период и прекращением производства серебряных изделий. Традиции, заложенные в это время, были развиты в начале XIVв., оформившись в определенный канон. Не исключено, что во второй половине столетия школа торевтов г.Болгара изготавливала и изделия, инкрустированные серебром (чаша №1 - ?).

Таким образом, анализ чаш из собрания Национального музея РТ позволил атрибутировать эти предметы, и поставить вопрос об их месте в системе художественной культуры золотоордынского времени.

Примечания:

¹ Коллекция НМ РТ: 7719; АА-44.

² Известия Общества археологии, истории и этнографии, т. V, Казань, 1884, с.13.

³ Каталог выставки 1882 г. ОАИЭ при Императорском Казанском университете. Казань. 1882, с.20.

⁴ Даркевич В.П. Медные и бронзовые изделия из Волжской Болгарии (XIII – XIV вв) // СА, №2, 1975; он же Художественный металл Востока VIII – XIII вв. М., 1976.

⁵ Смирнов А.П. Армянская колония города Болгара // МИА, №61, М., 1958, с. 358,359.

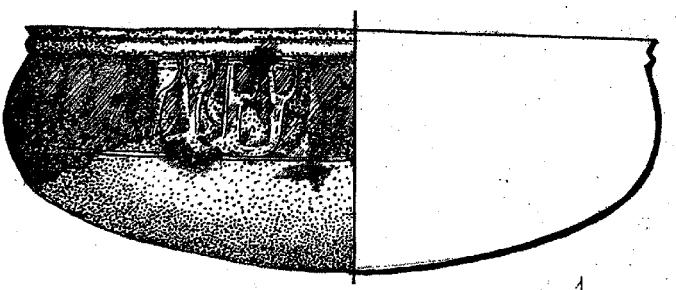
⁶ Возможна ошибка при шифровке: номер коллекции не 5364, а 5363.

⁷ АКУ – археологические коллекции университета. В описание чаш включено несколько фрагментов из фондов музея археологии КГУ под шифром АКУ-2.

⁸ Даркевич В.П. Медные и бронзовые изделия из Волжской Болгарии (XIII

- XIV вв) // СА, №2, 1975 с.239.
- ⁹ Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье. Казань, 1985, с.53.
- ¹⁰ Ward R. Islamic Metalwork. London,1993, p.94, fig.73.
- ¹¹ Ward R. Islamic...,p.20-21, fig.9.
- ¹² Ettinghausen R. The «Wade cap» in the Cleveland Museum of Art its Origin and Decorations // Ars Orientalis, v.II, 1957, p.337.
- ¹³ Иванов А.А. Бронзовая чаша из Хунзаха // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л.,1985, с.185-186.
- ¹⁴ Иванов А.А. Художественная бронза Ближнего и Среднего Востока (VII – XX вв.) // СГЭ, вып. XXX, Л., 1969, с.31,32.
- ¹⁵ Маршак Б.И. Бронзовый кувшин из Самарканда // Средняя Азия и Иран, Л., 1972, с.85-86.
- ¹⁶ Даркевич В.П., Медные..., с.232, рис.1; он же Художественный металл Востока VIII – XIII вв. М., 1976, табл.49-4.
- ¹⁷ Даркевич В.П. Медные ..., с.238,239.
- ¹⁸ Ward R. Islamic Metalwork. London,1993, p.76, fig.55.
- ¹⁹ Абдуллаев Т., Фахретдинова Д., Хакимов А. Песнь в металле. Народное искусство Узбекистана. Ташкент, 1986, илл.15.
- ²⁰ Даркевич В.П. Художественный ..., с.15.
- ²¹ Ward R. Islamic..., p.89.
- ²² Manul D'art musulman, v.II. Les arts plastiques et industriels par gaston migeon. Paris: alphonse picard et fils, editeurs, 1907, fig.159.
- ²³ Близкая по форме крышка от кувшина происходит из подъемного материала с Болгарского городища, однако техника ее изготовления не ясна. Возможно, орнамент на бронзовой пластине припаивался к медной основе (авторы характеризуют ее как «технику рельефной припайки»: Д.Г.Мухаметшин, Ф.С.Хакимзянов Надписи на металлических изделиях // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. М., 1996, с.295, рис.83)
- ²⁴ Хакимов А.А. Изобразительно-орнаментальные образы и мотивы прикладного искусства // Художественная культура Средней Азии IX – XIII вв. Л., с.96.
- ²⁵ Даркевич В.П. Медные..., рис.3-4.
- ²⁶ Абдуллаев Т., Фахретдинова Д., Хакимов А., Песнь..., илл.12.
- ²⁷ Даркевич В.П. Медные..., с.242.
- ²⁸ Руденко К.А. Металлическая..., рис.29-3.
- ²⁹ Руденко К.А. Металлическая..., рис.29-5.
- ³⁰ В материалах Царевского городища отмечаются находки частей бронзовых сосудов (Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки Нового Сарая в 1959-1962 гг. // СА, №1, 1964, с.266).
- ³¹ Руденко К.А. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII – XIV вв. Казань, 2000, с.86.
- ³² Например, ковш из Болгар из клада 1991 г. и случайной находки ковша на городище. Они аналогичны по форме и оформлению своим прототипам (Даркевич В.П. Медные..., рис.5).
- ³³ Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынское города Поволжья, М., 1994, рис.44-12.
- ³⁴ Руденко К.А. Металлическая..., с.34-36.
- ³⁵ Ефимов К.Ю. Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Коло-дэз» // Донская археология, №3-4, Ростов на Дону, 1999, рис.9-3, с.107.
- ³⁶ Правильнее было бы назвать их чашами с носиком.
- ³⁷ Руденко К.А. Металлическая..., рис.26.
- ³⁸ Сокровища Приобья. Каталог. Вступительная статья Б.И.Маршака. СПб.:

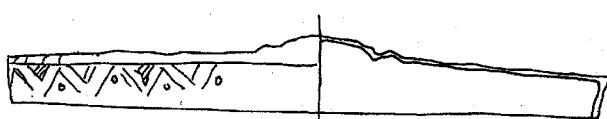
- Формика, 1996, с.13.
- ³⁹ Сокровища..., кат.№34.
- ⁴⁰ Сокровища..., кат.№35.
- ⁴¹ Сокровища..., кат.№39.
- ⁴² Сокровища..., кат.№37,38.
- ⁴³ Сокровища..., кат.№36.
- ⁴⁴ Руденко К.А. Металлическая..., с.87-94.
- ⁴⁵ Руденко К.А., Металлическая..., с.86.
- ⁴⁶ Иофан Н.А. Становление протоканона в изобразительном искусстве Японии (по материалам ханива) // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М., 1973, с.27.
- ⁴⁷ Отметим сходство в декоре накладок для лучника и других изделий с древнекакасской торевтикой.
- ⁴⁸ Сокровища..., кат.№57,58.
- ⁴⁹ Например, чаша с Семеновского селища: Руденко К.А., Металлическая..., с.90, №14.
- ⁵⁰ Ремпель Л.И. Искусство Среднего Востока. М., 1978, с.208-209.
- ⁵¹ Деление на раннеджучидский, среднеджучидский см.: Крамаровский М.Г. Новые находки золотоордынского серебра из Приобья. Северо-китайские и исламские черты в торевтике 13-14 вв. // Восточный художественный металл из Среднего Приобья. Каталог временной выставки. Л., 1991, с.13.
- ⁵² Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978, с.40, рис.14, 15.
- ⁵³ На Царевском городище в 1963-1964 гг. была найдена бронзовая пластина с инкрустированным серебром эпиграфическим орнаментом (Федоров-Давыдов Г.А., Новый Сарай по раскопкам в 1963-1964 гг. // СА, №2, 1966, рис.9,1).



1



2



A horizontal scale bar consisting of two short vertical lines with a central horizontal line between them.

Рис. 1. 1- Бронзовая чаша. ГМТР 3227; АА-44-29. Болгар, вторая половина XIV в.; 2- медная крышка сосуда. ЦМТР 5363-36. Болгар, вторая половина XIII в.

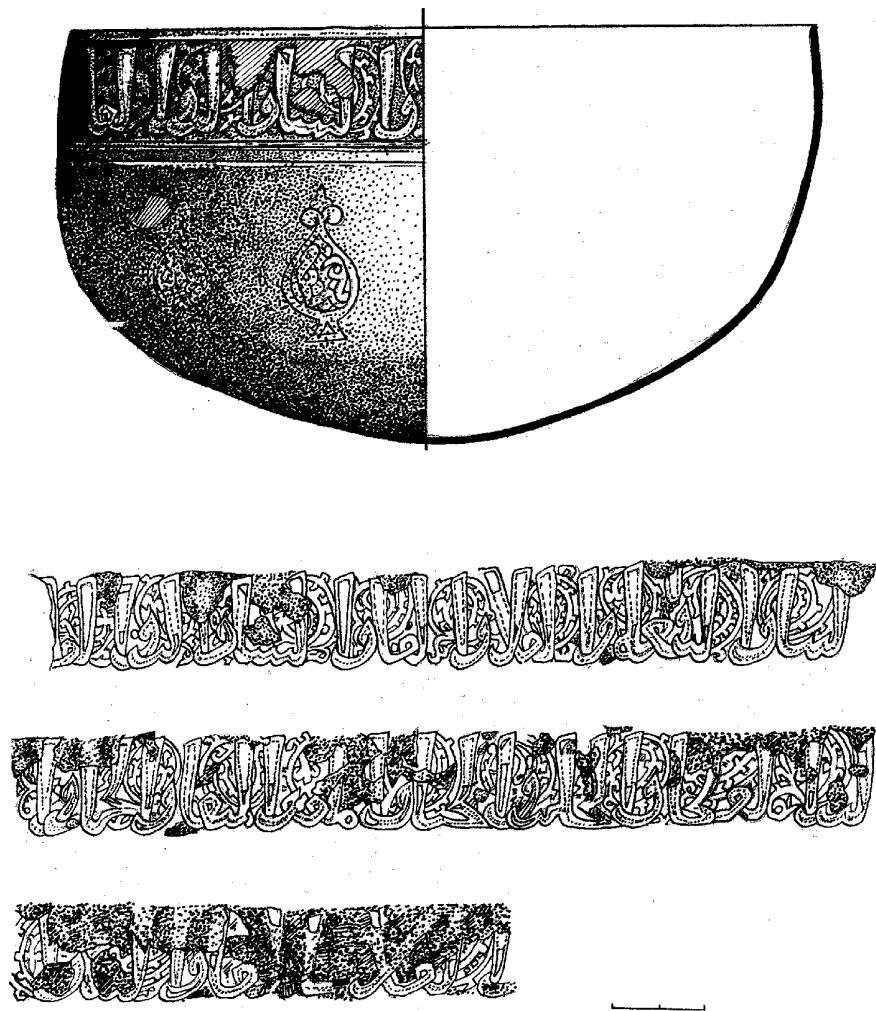


Рис. 2. Бронзовая чаша. ГМТР 5364-4. Биляр (?) XIII в.

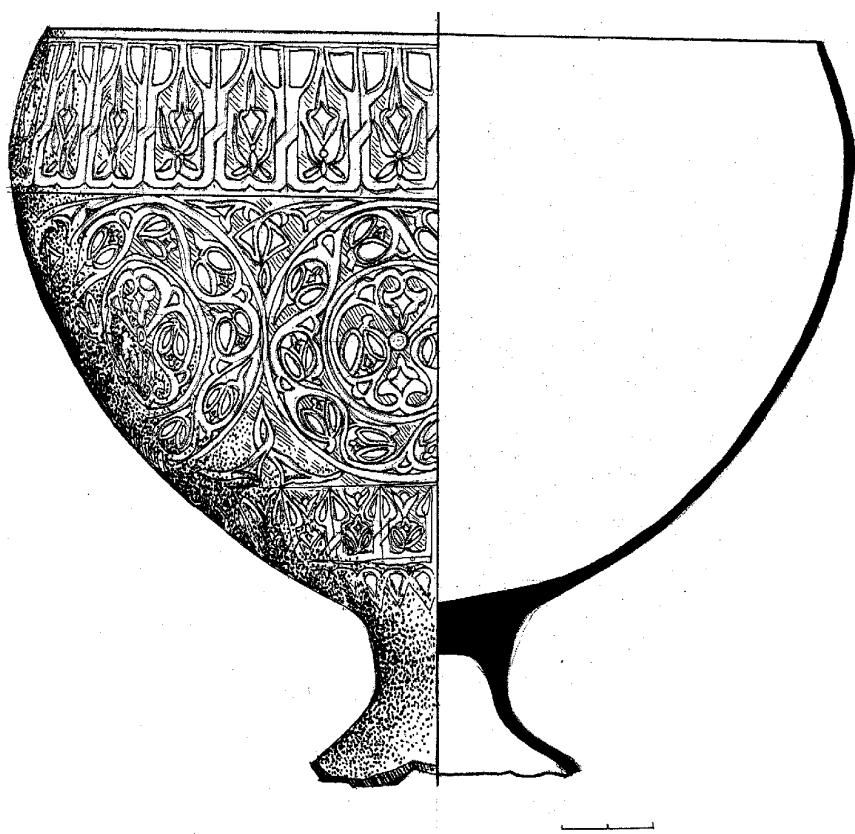


Рис. 3. Бронзовая чаша. ГМТР 5379. Иран (?), конец XIII – первая половина XIV в.

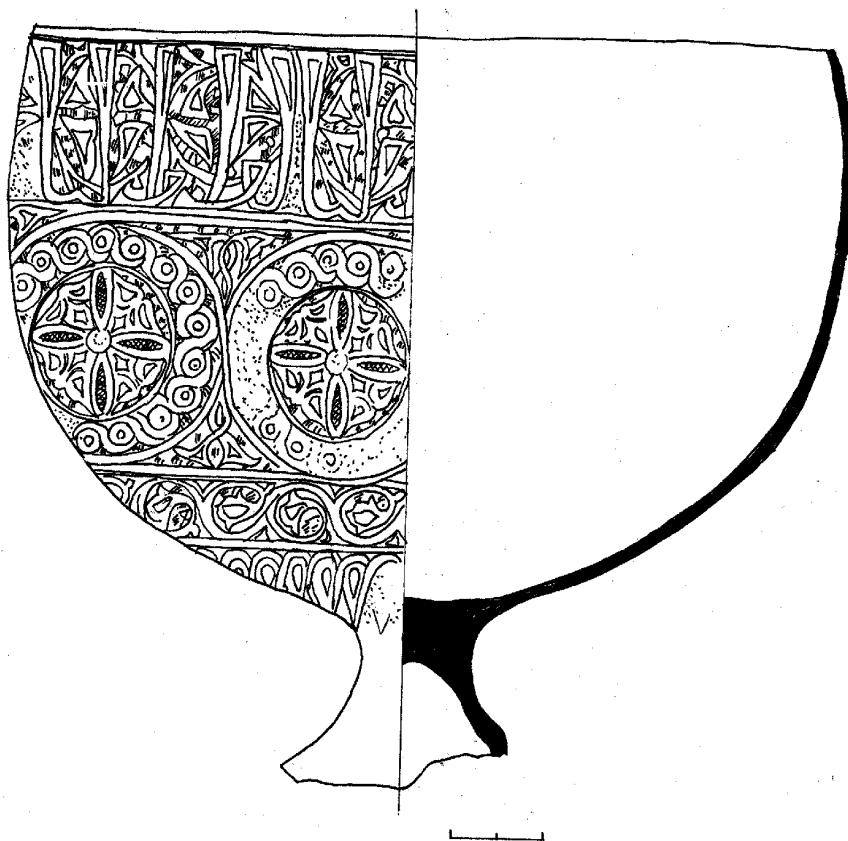


Рис. 4. Бронзовая чаша. ГМТР, депаспортизована. Иран (?). Вторая половина XIII –XIV вв.

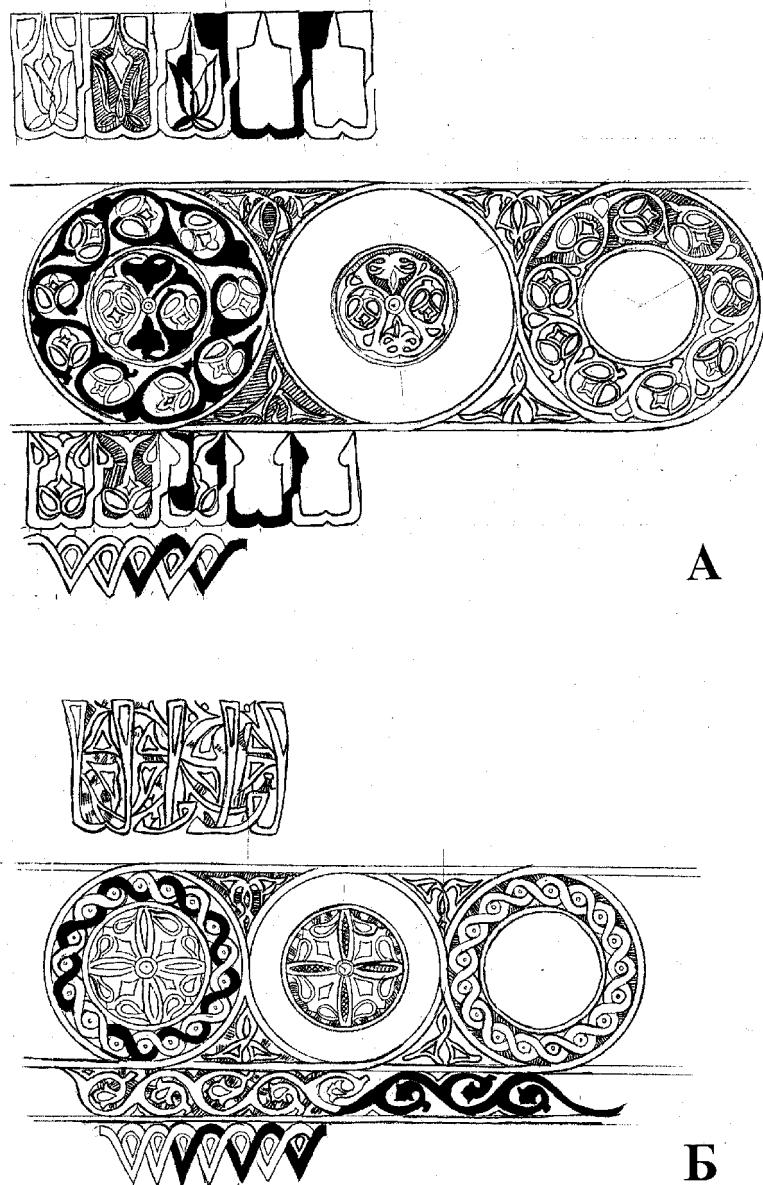


Рис. 5. Построение орнаментальных композиций на чашах №3 (А) и №4 (Б).

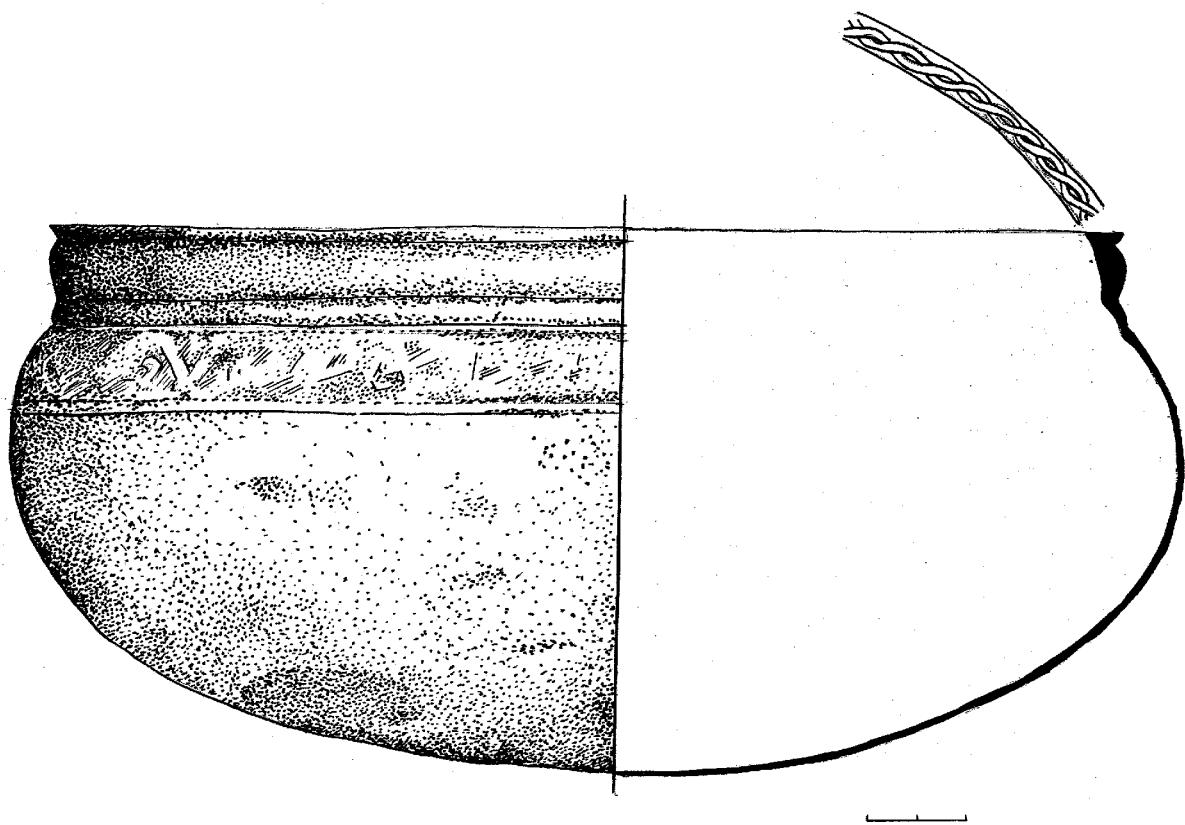


Рис. 6. Медная чаша. ГМТР 5462. ИО/КИН, 31/77. Болгар. Вторая половина XIII – начало XIV в.

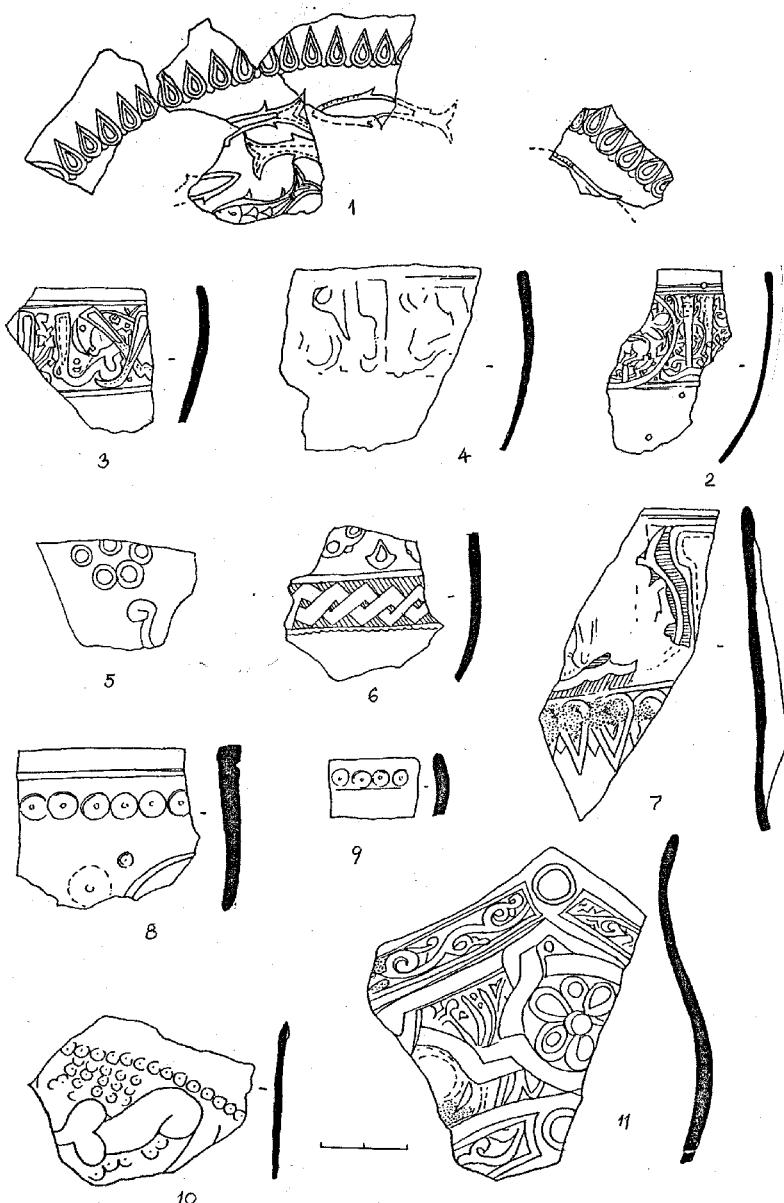


Рис. 7. Фрагменты бронзовых чаш. АКУ-2: 1,2, остальное: ГМТР 7719. Иран, XIV в.: 2,3,6,7. Мосул, вторая половина XIII в.: 1. Болгар XIII – XIV вв.: 8-10,11. Не атрибутирован: 4 – XIV в.

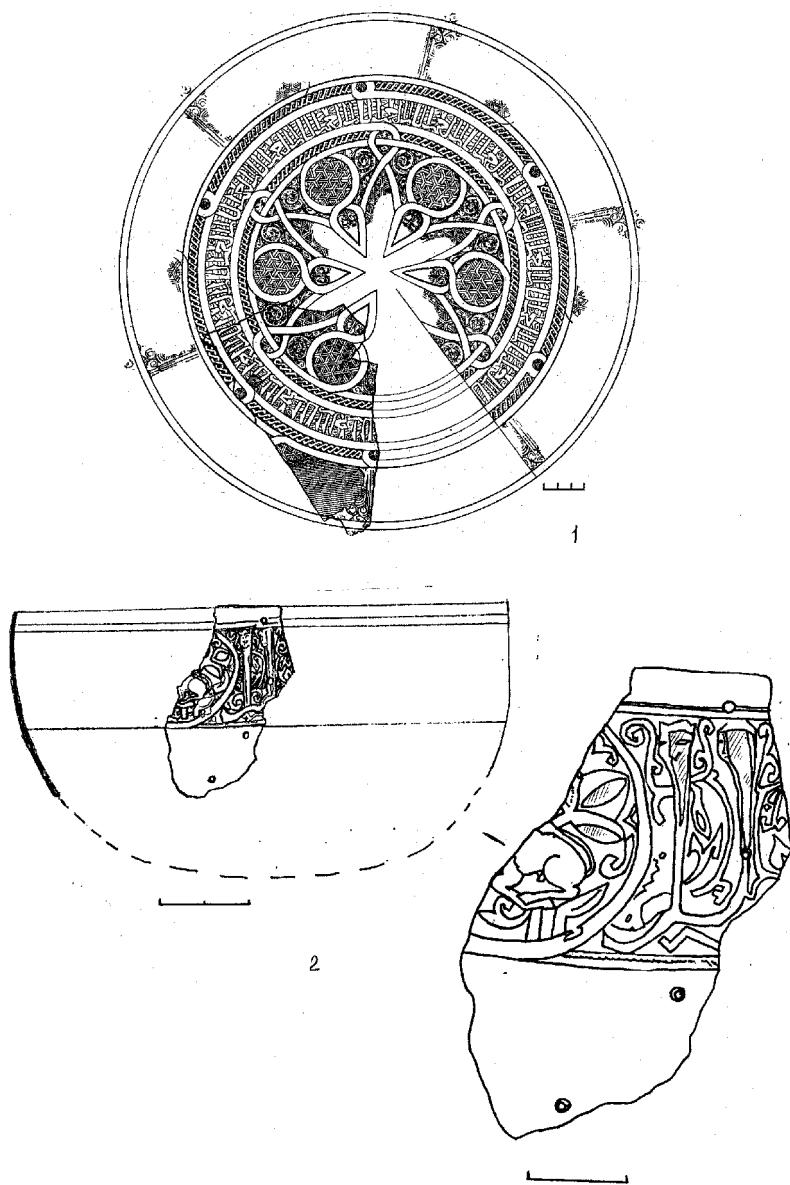


Рис. 8. Медное блюдо (1) из Русско-Шуганского поселения (по Е.П.Ка-
закову) и бронзовая чаша (2) из собрания Археологического музея КГУ:
АКУ-2-14.

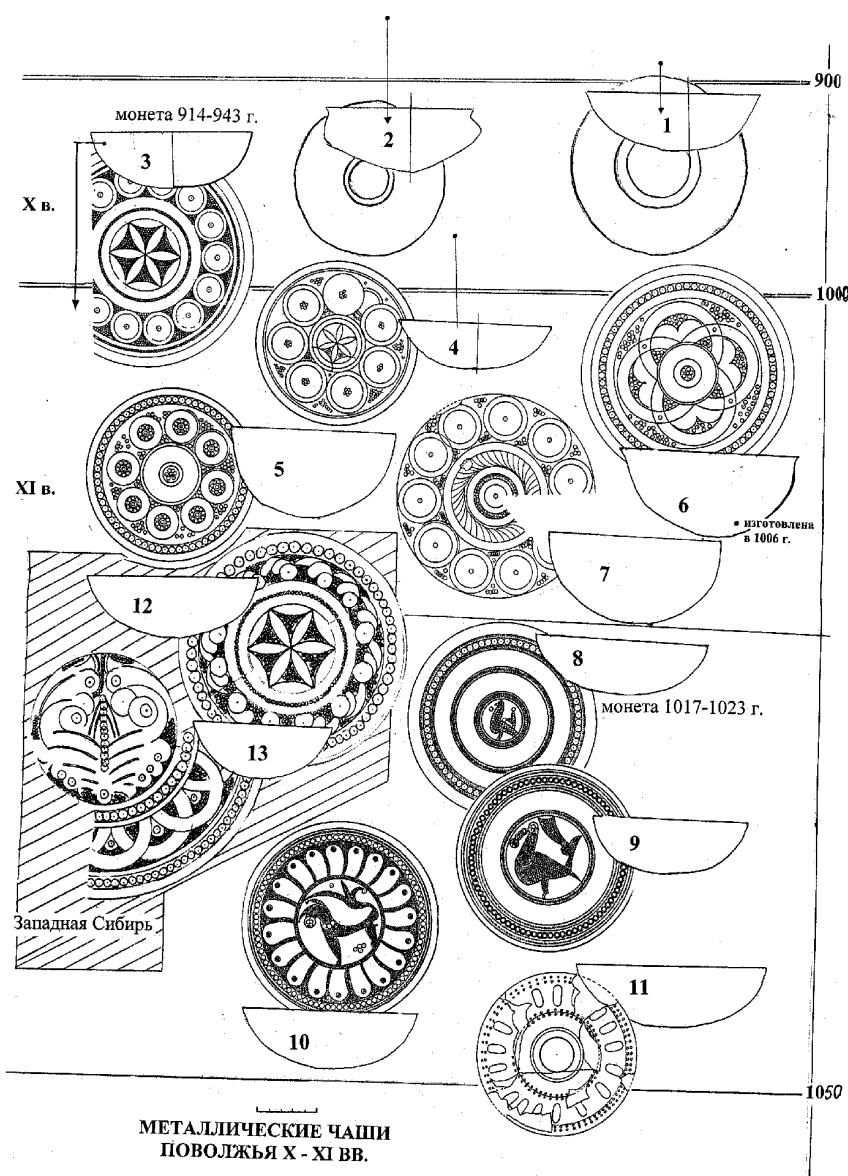


Рис. 9. Бронзовые чаши Поволжья X - XI вв.



Рис. 10. Бронзовый подсвечник. Западный Иран. Вторая половина XIII в.
(по Ward R.).



Рис. 11. Бронзовая чаша на поддоне. Иран XIV в. (по Ward R.)



Рис. 12. Бронзовая чаша на поддоне. Хорасан. Начало XIII в. (по Ward R.).



Рис. 13. Бронзовый таз. Герат. Начало XIII в. (по Ward R.)



Рис. 14. Бронзовый кувшин. Герат 1180-1200 гг. (по Ward R.)

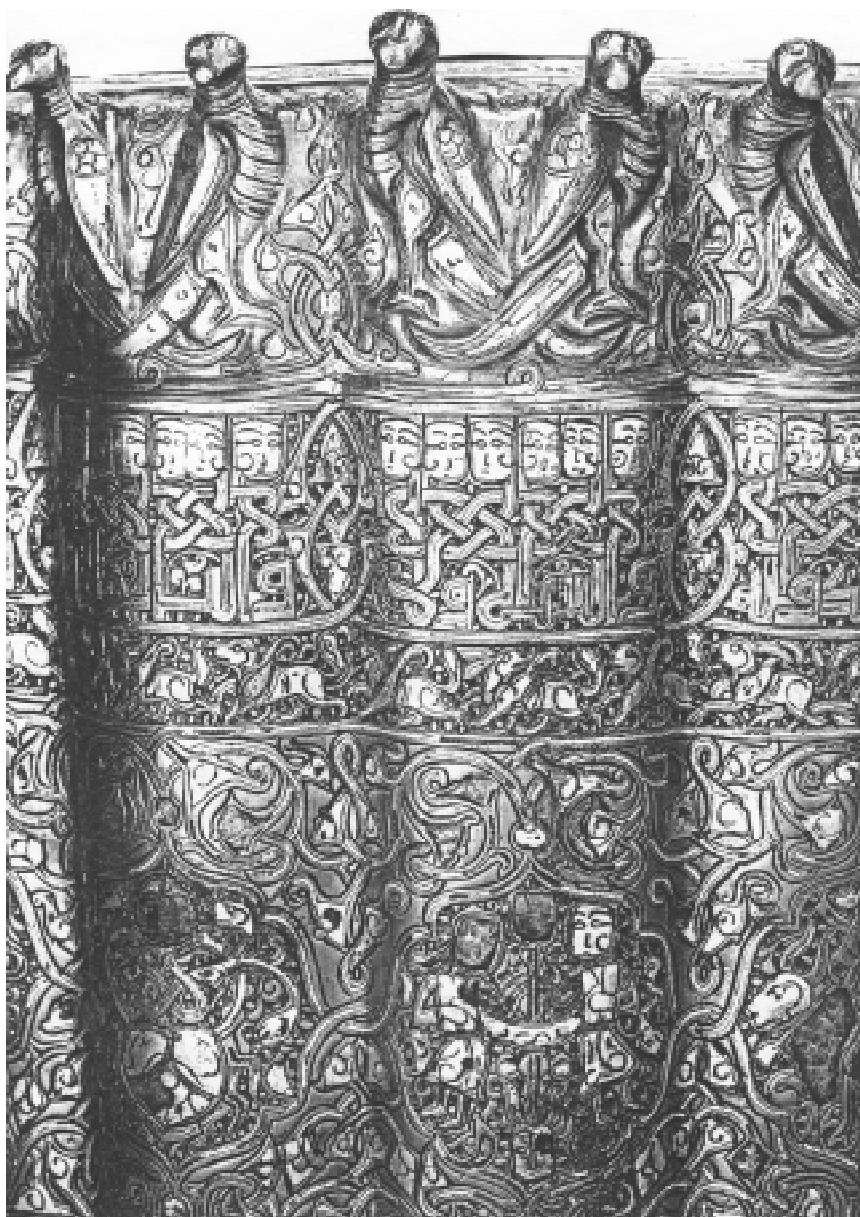


Рис. 15 Бронзовый кувшин. Деталь. Герат 1180-1200 гг. (по Ward R.)

Гульшат Асылгараева

Морфологические исследования остеологических материалов селищ северо-западной округи Билярского городища

В данной работе представлены результаты исследования остеологических материалов селищ северо-западной округи Билярского городища, раскопки которых проводились археологической экспедицией КГУ в 1995-2001 гг.

Раскопки *Балынгузского IV селища*, расположенного на правом берегу реки Малый Черемшан, в 3,5 км к северо-западу от Билярского городища, проводились в 1995 году экспедицией Казанского государственного университета под руководством Беговатова Е.А. и Кочкиной А.Ф.

Селище относится к XIV в. Остеологический материал селища представлен 141 костным фрагментом от четырех видов домашних животных: крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота, лошади и свиньи. Хорошую сохранность имеют только кости нижнего отдела скелета конечностей – пятонная, таранная, метаподии и фаланги пальцев (табл. 1).

По процентному составу на селище преобладает мелкий рогатый скот, что составляет 50% от общего количества животных, лошади и крупный рогатый скот – 25 и 20% соответственно. По удельному потреблению мяса с туши основным мясным продуктом питания населения селища были конина и говядина, несмотря на значительное поголовье овец в составе стада.

Говоря об удельном потреблении мяса, мы имеем в виду, что полезный выход мяса от одной туши крупного рогатого скота или лошади приблизительно равен выходу мяса от 20 туш овец.

Возрастной состав стада IV Балынгузского селища определялся по сохранившимся остаткам зубной системы и концевым фрагментам трубчатых костей. Так, из 4 диагностированных особей крупного рогатого скота половина – 50% – была убита в 1,5-годовалом возрасте, остальные 50% – около 5 лет. Большая часть овец из 10 определенных особей использовалась в питании, начиная с 2-хлетнего возраста (60%), 30% животных забиты на мясо в возрасте около 1 года и только 10% – очень старые особи. Лошади – 5 особей – большей частью были убиты после 6 лет (60%), 40% – до 3-х лет (табл. 2).

Анализ полученных возрастных данных позволяет говорить о том, что население селища могло позволить себе держать крупный рогатый скот в течение нескольких лет, используя его не только как источник мяса, но и для получения молока и молочных продуктов. То же самое можно отнести и к содержанию мелкого рогатого скота: то, что 70% животных забивалось после двух лет, указывает на шерстное направление овцеводства данной местности. Лошади также имели немаловажное значение в жизни населения селища.

Использование мяса лошадей в питании после 6 лет – признак выбраковки животных.

Домашняя свинья составляет 5% от общего количества животных.

Кости птиц диагностированы в количестве 18 фрагментов и представляют собой остатки от кур, уток, гусей. Рыбы представлены маргинальными лучами осетров и позвонками сомовых в количестве 13 фрагментов. Дикие виды животных не определены.

Раскопки *Билярского III селища*, расположенного на северо-западной окраине современного села Билярск и в 1,5 км севернее укреплений Билярского городища между правым берегом р. Билярка и левым берегом р. Малый Черемшан, проводились в 1995-1996 гг. Остеологический материал для исследований предоставлен археологами Валиулиной С.И. и Беговатовым Е.А. с V и VI раскопов III Билярского селища, определяемого золотоордынским периодом.

По V раскопу диагностировано 144 кости крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота, лошади, свиньи и собаки. Процентное соотношение животных равное, т.е. коровы, овцы и лошади составляют по 27,3% от общего количества особей, а возрастной состав стада почти идентичен раскопу IV Балынгузского селища.

Здесь также диагностированы кости домашней свиньи. Ее содержание составило 9% от общего количества животных. Наличие костных фрагментов домашней свиньи указывает на проживание здесь населения, чья религия не запрещала употребление в пищу свинины.

На раскопе определены неразрушенные кости щенка собаки 4-4,5 месячного возраста.

На VI раскопе диагностировано 564 костных фрагмента от 47 особей. Остеологический материал представлен костными фрагментами крупного и мелкого рогатого скота, лошади. Дикие охотничьепромысловые виды животных диагностированы костными фрагментами лисицы и зайца.

Мелкий рогатый скот здесь составляет 85,1% от общего количества животных,

Из проведенного анализа остеологического материала можно заключить, что на данном раскопе по процентному содержанию значительно преобладает мелкий рогатый скот (85,1%), крупный рогатый скот – 6%, лошадь – 4%. Отсутствие среди костных остатков домашней свиньи, явное преобладание крупного и мелкого рогатого скота и малый процент употребления в пищу мяса лошадей делает VI раскоп III Билярского селища похожим на классические золотоордынские памятники, такие как г.Болгар. Впечатление усиливается и при анализе возрастного состава стада: большая часть диагностированных особей убита в возрасте до 3-х лет (кроме лошадей).

Раскопки *Балынгузского (Торецкого) III селища*, расположенного в 3,5 км к северо-западу от села Билярска на правой стороне оврага Торецкий, проводились экспедицией КГУ в 1998, 1999 и 2001 гг. под руководством Валиулиной С.И. Селище относится к золотоордынскому периоду: вторая половина XIV – первая половина XV вв.

За 3 года раскопок получено для определения 3063 костных фрагмента домашних видов животных. Анализ полученного материала позволяет утверждать о преобладании в питании населения селища говядины (27-28%) и конины (18-22%). Мелкий рогатый скот составляет 28-43%. Кроме основных видов, в 1998 г. диагностированы 3 кости верблюда (фаланги пальцев). Сохранность остеологического материала в селище такова, что произвести морфометрические измерения с целью установления породной и половой принадлежности скота практически невозможно, и это ощутимо сужает круг выводов о состоянии животноводства селища. Однако имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет диагностировать возрастные рамки убитого на мясо скота.

Крупный рогатый скот забивался на мясо после 3-4 лет в половине случаев, остальные животные – до 3-х лет, 10% были убиты в полугодовалом возрасте, скорее всего для получения шкуры и изготовления из телячьей кожи различных изделий.

Мелкий рогатый скот в 50% случаев убивали в возрасте 1-1,5 лет, остальная часть животных была забита после 2-х лет – здесь выражено мясо-шерстное направление.

Лошади интенсивно использовались в качестве мяса, причем среди диагностированных особей преобладают животные старше 5 лет, т.е. здесь шла интенсивная выбраковка по возрасту. Большой процент содержания лошадей в золотоордынском селище является особенностю данного памятника.

Костные фрагменты свиньи встречены в раскопах 1998 и 1999 гг., составив незначительный процент от общего количества животных – 6-11%. Ежегодные находки костей диких охотничьи-промышленных видов животных, таких как бобр, заяц и лось (в раскопе 2001 г.), позволяют предположить, что местное население либо активно занималось охотой и добывало пушнины для продажи или обмена на другие товары, либо получало путем товарообмена из более северных регионов для своих нужд.

II Билярское селище расположено в 1 км от села Билярск Алексеевского района Республики Татарстан на левом берегу реки Малый Черемшан. Раскопки проводились археологической экспедицией КГУ в 1999, 2000 и 2001 годах под руководством Беговатова Е.А. и Валиулиной С.И. По данным археологов, II Билярское селище относится к XI-XIII вв. периода существования Волжской Булгарии.

За три года раскопок нами было диагностировано 11849 костных фрагментов от всех основных видов домашних животных, за исключением свиньи. По процентному содержанию на II Билярском селище преобладает крупный-(24%) и мелкий рогатый скот (57%), меньший процент содержания лошадей (17%).

При исследовании возрастных показателей оказалось, что на мясо использовалось 60% крупного рогатого скота старше 3 лет, остальная часть животных – до 3 лет – можно говорить о молочно-мясном направлении скотоводства.

Мелкий рогатый скот также большей частью использовался после 2-хлетнего возраста, т.е. наряду с получением мяса в питании люди получали шерсть и шкуры.

Большинство костей представляет собой «кухонные» остатки и поэтому отличаются плохой сохранностью. Как следствие – трудности в определении и ограниченность числа возможных промеров. Не разрушены лишь те части туши, которые либо совсем не употреблялись в пищу (фаланги пальцев), либо использовались относительно редко (метаподии, пятонные и таранные кости).

Однако, по сравнению с вышеописанными селищами, остеологический материал II Билярского селища имеет несколько лучшую сохранность, т.к. здесь нам удалось провести морфометрические измерения нескольких оставшихся неразрушенными костей, в основном, метаподий.

Так, измерения, проведенные на сохранившихся костях метаподий крупного рогатого скота, дали нам двух особей коров с высотой в холке 112 и 114 см¹. Животные такого роста обнаруживают известное сходство с билярским, болгарским и золотоордынским скотом, т.е. скотом южных степных пород, доставлявшимся сюда кочевниками.

Благодаря своим сравнительно небольшим размерам, кости мелкого рогатого скота имеют несколько лучшую сохранность, что позволяет более полно диагностировать возрастные данные, а также по сохранившимся целым костям определить высоту в холке и, соответственно, возможную породную принадлежность данного вида животного.

При подсчете высоты в холке использовались промеры пятонных костей и метаподий (пясть и плюсна). В 2000 г при пересчете высоты в холке пятонных костей по методу М.Тайхерта получены две особи высотой 72 и 74 см². Высота в холке овец по пяти пястным костям (метод В.И. Цалкина) варьировала от 62 до 66 см и в среднем составила 64 см, три плюсневые кости дали овец высотой от 64 до 78 см, в среднем – 71,5 см³. Эти данные высоты в холке характерны для крупных овец. По данным А.Г.Петренко, на Билярском городище преобладали овцы с высотой в холке от 61 до 77,7 см⁴. Сравнивая полученные данные, можно сказать, что мелкий рогатый скот был однопородным как в Билярском городище, так и во II Билярском селище. В своей работе «Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья» А.Г.Петренко указывает, что овцы с высотой в холке ниже 66,4 см были редкостью, однако по данным промеров пястей и плюсны мы получили 5 овец с высотой в холке от 62 до 66 см (55,5%)⁵. Эти данные говорят о том, что на территории селища либо разводилась местная, более мелкая порода овец, или, что тоже вероятно, животные не достигли своего окончательного роста на момент убоя.

В 2001 г. данные промеров метаподий и пятонных костей мелкого рогатого скота позволили вычислить высоту в холке, которая варьирует от 63,5 до 78,6 см и, в среднем, составляет 70,6 см, что

подтверждает данные промеров 2000 г. и характеризует мелкий рогатый скот как крупнопородный, близкий к крупным вариантам хорезмских пород.

Кости лошади немногочисленны и уступают по количеству крупному и мелкому рогатому скоту. По уровню сохранности кости этого вида животных не отличаются от других, т.к. мясо лошадей также использовалось в пищу.

При диагностике остеологического материала мы старались достоверно определять возраст животных, но плохая сохранность зубной системы, а особенно резцовой ее части, по которой наиболее точно можно определить возраст лошади, позволила провести данное определение лишь приблизительно. Очень редко, когда при раскопках селищ нам встречаются целые, неразрушенные кости лошадей, в отличие от городских памятников. В данном случае, на раскопе 2001 г., по нескольким сохранившимся костям мы смогли определить высоту в холке, которая составила от 135,4 до 140,3 см. Средний рост лошадей на данном памятнике – 137,8 см и по классификации В.О.Витта они являются средними по росту⁶. По высоте в холке данные лошади близки к лошадям алтайских скифов и степных кочевников.

Кости редкого для данной местности вида – верблюда представлены 12 костными фрагментами от 2 особей, одна из которых является молодым животным до 3 лет, а вторая – половозрелая особь старше 4-5 лет. Подобно костям других видов животных, они также сильно разрушены, что связано с использованием мяса верблюдов в пищу (возможно, это было жертвоприношением во время праздника).

Собака и кошка. Диагностированные кости этих животных неразрушены и можно говорить, что в «кухонные» остатки они попадали случайно.

Костные остатки птиц представлены костями кур, уток, гусей; рыбы – остатками маргинальных лучей и жаберными крышками осетровых, позвонками сомов и фрагментами челюстей хищных рыб (судак).

В видовом составе стада селищ преобладает крупный и мелкий рогатый скот, мясо лошадей использовалось в питании гораздо реже, за исключением Балынгузского (Торецкого) III селища, где использование конины доходило до 20% от общего количества.

Отсутствие костей домашней свиньи на раскопах II Билярского и III Билярского селищ свидетельствует о преобладании на данной территории населения, религия и хозяйственный уклад которого запрещали использовать свинину в питании. Однако, в остеологических материалах Балынгузского IV и Балынгузского (Торецкого) III селищ кости домашней свиньи определяются, хотя и в небольших количествах, указывая на проживание в данной местности людей, религия и жизненный уклад которых позволяли использовать в своем мясном рационе свинину.

Более богатые в количественном отношении остеологические материалы II Билярского селища дают нам возможность предположить

о большей заселенности данного памятника и более выгодном (богатом) социальном положении его жителей (этот факт косвенно подтверждается наличием целых, неразрушенных костей, пригодных для морфометрических исследований).

Суммируя полученные данные по селищам, можно сказать, что по сравнению с городскими памятниками (Биляр, Болгар, Казанский кремль) сохранность остеологического материала на территории селищ гораздо хуже за счет более сильного дробления костей в момент приготовления пищи. Видовой состав стада практически тот же, за исключением того, что на городище отсутствуют кости свиней, а на Балынгузском (Торецком) III селище они определяются. Как и на городище, основным продуктом питания населения селищ были говядина и баранина, лошади составляли незначительную часть в пищевом рационе, за исключением Балынгузского (Торецкого) III селища, где, в отличие от других селищ и Билярского городища, доля конины составляла 20% от общего количества животных.

Проживающее на территории селищ население почти не занималось охотой – среди диагностированного остеологического материала, из диких охотничье-промышленных животных, встречены лишь костные фрагменты бобра, лося и зайца и только на территории одного селища.

Кости домашнего верблюда – вида, нехарактерного для данной местности, были определены среди остеологического материала II Билярского и Балынгузского (Торецкого) III селищ, что свидетельствует о социальной значимости этих селищ, связях с восточными регионами.

Таким образом, раскопки селищ и анализ остатков материальной культуры и жизнедеятельности людей, проживавших на их территории, может дать нам новую информацию и пищу для размышлений и дальнейших выводов о значимости селищ вообще и в жизни городского населения, в частности.

Примечания:

- ¹ Беговатов Е.А., Петренко А.Г. Задача определения пола и высоты в холке крупного рогатого скота в археологии // Учебное пособие к курсу «Естественнонаучные методы в археологии для студентов исторического факультета». Казань: Изд-во КГУ, 1994 г.
- ² Teichert M. Osteometrische Untersuchungen zur Berechnung der Wiederristhöhe bei vor - und frühgeschichtlichen Schweinen. – Kuhn-Archiv. Berlin, 1969, 83, 3.
- ³ Цалкин В.И. Изменчивость метаподий у овец // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологии, 1961. -Т.66, вып.5.
- ⁴ Петренко А.Г. Изучение костных остатков животных из раскопок Билярского городища в 1967-1971 гг. // Исследования Великого города. - М.: Наука, 1976.
- ⁵ Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. - М.: Наука, 1984.
- ⁶ Витт В.О. Лошади Пазырыкских курганов // СА, 1952, № XVI.

Видовой состав животных из раскопок селищ северо-западной окраини Билярского городища 1995-2001 гг.

Таблица 1.

селища	IV Балынгузское	III Билярское		Балынгузское (Торецкое) III			II Билярское			
				1998	1999	2001				
годы	1995	1995	1996	1998	1999	2001	1999	2000	2001	
крупный рогатый скот	17/ 15,5*	33/ 25,8	134/ 23,8	338/ 41,7	582/ 48,0	490/ 48,1	130/ 17,3	80/ 17,5	1487/ 22,8	1182/ 29,8
мелкий рогатый скот	49/ 44,5	53/ 41,4	386/ 68,4	288/ 35,5	324/ 26,7	250/ 24,5	528/ 70,2	353/ 77,0	4388/ 67,1	2258/ 56,9
лошадь	43/ 39,1	29/ 22,6	40/ 7,1	157/ 19,4	274/ 22,6	264/ 25,9	94/ 12,5	25/ 5,5	620/ 9,5	512/ 12,9
свинья	1/ 0,9	1/ 0,8		21/ 2,6	11/ 1,0					
собака		12/ 9,4			16/ 1,3				24/ 0,37	
кошка									14/ 0,2	2/ 0,1
верблюд				3/ 0,3					2/ 0,03	10/ 0,3
лось						1/ 1,0				
лисица			1/ 0,2							
бобр				4/ 0,5	5/ 0,4	12/ 1,2				
заяц			3/ 0,5			2/ 0,2				
итого	110	128	564	811	1212	1019	752	458	6535	3964
птица	18		57	2	3	5	10		34	10
рыба	13		31	1	5	5	5		76	5

* В числителе — количество костей, в знаменателе — процентное содержание костей.

Таблица 2.

селища	IV Балынгузское	III Билярское		Балынгузское (Торецкое) III			II Билярское			
		1995	1996	1998	1999	2001	1999	2000	2001	
крупный рогатый скот	4/ 20,0*	3/ 27,3	3/ 6,4	5/ 27,8	15/ 28,3	9/ 27,3	17/ 25,7	8/ 22,2	22/ 23,4	27/ 24,6
мелкий рогатый скот	10/ 50,0	3/ 27,3	40/ 85,1	5/ 27,8	23/ 43,3	10/ 30,3	37/ 56,1	23/ 63,9	52/ 55,3	57/ 51,8
лошадь	5/ 25,0	3/ 27,3	2/ 4,3	4/ 22,2	8/ 15,1	6/ 18,2	12/ 18,2	5/ 13,9	15/ 15,9	23/ 20,9
свинья	1/ 5,0	1/ 9,1		2/ 11,0	3/ 5,7					
собака		1/ 9,1			2/ 3,8				3/ 3,2	
кошка									1/ 1,1	1/ 0,9
верблюд				1/ 5,6					1/ 1,1	2/ 1,8
лось						1/ 3,0				
лисица			1/ 2,1							
бобр				1/ 5,6	2/ 3,8	5/ 15,2				
заяц			1/ 2,1			2/ 6,0				
итого	20	11	47	18	53	33	66	36	94	110

* В числителе – количество особей, в знаменателе – процентное содержание особей.

Михаил Ельников

Памятники периода Золотой Орды Нижнего Поднепровья: история изучения, итоги и перспективы

Нижнее Поднепровье на протяжении своего историко-культурного развития являлось контактной зоной кочевого и оседлого миров. В силу своего выгодного географического положения, этот регион входил в сферу интересов различных государственных образований. Будучи своеобразной ландшафтной зоной, по своим природным показателям приближенной к Лесостепи, вклинивающейся в степной регион, эта территория была своего рода «котлом», где переплетались и смешивались культуры оседлых и кочевых народов.

Нижнеднепровский регион, входящий в современные границы Днепropетровской, Запорожской и Херсонской областей, включает в себя прибрежные полосы р.Днепр (и Каховского водохранилища) от района Днепровских порогов до Днепровского лимана (рис. 1). Одной из физико-географических особенностей этого края было наличие плавней – низин, покрытых труднопроходимой растительностью, с большой системой речек, проток и озер. Из всех плавней наибольшей был Великий Луг – уроцище в долинах рр. Днепр и Конка. Великий Луг начинался около левого берега Днепра, напротив о.Хортица (Запорожская обл.) и заканчивался около о.Скалозубова (Херсонская обл.). Его длина (по руслу Днепра) составляла 110 км, ширина от 3 до 20 км, площадь – более 1000 м² (рис. 2). С ранней весны до наступления лета значительная часть Великого Луга покрывалась водой, за исключением отдельных участков. Великий Луг, как и другие днепровские плавни, был затоплен водами Каховского водохранилища в 1955-1957 гг. Лишь незначительная часть этого ландшафта сохранилась по сегодняшний день.

Другая особенность региона - значительное количество удобных переправ, существовавших здесь еще с эпохи поздней бронзы¹, а также песчаных участков - кучугур. В границах Запорожской и Херсонской областей известно четыре таких участка: Большие Кучугуры, Водянские, Каменские и Нижнеднепровские (Алешковские) Кучугуры. В этих районах существовали наиболее удобные переправы через Днепр. Всего же на Нижнем Днепре насчитывалось до 8 переправ.

В 1243 г. Нижнее Поднепровье вошло в состав Золотой Орды и дальнейшая судьба региона во многом определялась политическими и социально-экономическими изменениями в этом государстве. Считалось, что жизнь на поселениях в этот период прекращается, население истребляется или мигрирует в более безопасные районы. В литературе этот край получает название «Дикое Поле». Длительное время замалчивался сам факт наличия памятников периода Золотой Орды на Нижнем Днепре. Так, известно, что при написании тома по истории Запорожской области (из многотомного издания «История городов и сел Украинской ССР») слова «татарские»

(золотоординские) пришлось заменить на расплывчатые термины «средневековые». Довольно часто золотоординские древности приписывались периоду существования Крымского ханства (1443-1783 гг.). Это негативно повлияло не только на определение роли региона в событиях второй половины XIII-XIV вв., но также и на перспективность дальнейшего изучения этого периода. Сборы подъемного археологического материала, этнографические заметки и личные наблюдения многих археологов, краеведов и «любителей древности» практически не отражены в научной литературе. Назрела необходимость переосмыслиния всего накопленного наследия по истории изучения золотоординского периода в нижнеднепровском регионе, что и предпринимается в данной статье.

История изучения. Одним из наиболее ранних письменных свидетельств о существовании в Нижнем Поднепровье памятников золотоординского времени являются сведения австрийского дипломата и путешественника Эриха Ляссоты конца XVI в. В 1594 г., совершая путешествие с дипломатической миссией императора Рудольфа II вниз по Днепру, к запорожским казакам, Э.Ляссота указывает на остатки древних городищ Курцемал на р.Конке, около горы Мамай-Сурки и Белозерского лимана: «...прошли перед Конкой, которая здесь впервые соединяется с Днепром и вместе с ним образует остров, на котором находится древнее городище «Kurgzemal». ...В тот же день (2 июля) мы проехали мимо Мамай-Сурки, древнего городища (т.е. валов, окружающих древнее укрепление), лежащее на татарской стороне; затем мимо речки Белозерки, текущей из Татарской степи и образующей озеро при впадении своем в Днепр, при которой также находится городище и земляная насыпь, окружавшая в древности большой город...»².

В письменных источниках XVII-XVIII вв. содержатся свидетельства об остатках татарских (золотоординских) строений в районе Великого Луга, в особенности левобережья Днепра. Этому способствовало включение Нижнего Поднепровья в сферу интересов Российского государства. В «Описаниях Украины» французского военного инженера Гийома Левассера де Боплана содержатся сведения первой половины XVII в. о каких-то «руинах» на о.Чертомлык (иначе – Базавлуг или Базавлук), ниже р.Чертомлык (рис. 2, 1), правого притока Днепра³. В «Книге Большому Чертежу» XVII в. имеются невыразительные сведения о 7 кишенях татарских мечетей на р.Конке, о «городке Мамаев Сарай» на Днепре: «А ниже Московки реки пала в Днепр река Чакра; да ниже Московки 30 верст, с Крымской стороны 30 верст, на Днепре городок Мамаев Сарай»⁴. В 1680 г. послы российского царя, отправленные к крымскому хану, В.Тяпкин и М.Зотов видели на Овечьих Водах (приток р.Конки) много капищ и каменных строений: «капищные и домовые старинные жилища крымских татар, которые от древних лет рушились до основания; токмо знатна одна каменная башня». По сведениям «крымских гонцов», в этих местах были юрты крымского хана Мамая⁵.

В конце XVII в. обожженный кирпич и обтесанный камень из золотоордынских поселений Великого Луга широко использовались российскими солдатами при строительстве укреплений Днепровской линии. А.А.Скальковский приводил сообщения губернатора В.А.Черткова о находках в этом районе значительных каменных строений, жженого кирпича и извести в земле, в том числе в урочище Большие Кучугуры (рис. 2, 2)⁶. В конце XVIII в. немецкий исследователь Тунманн, описывая географию Восточного Ногая (Нижнее Поднепровье входило в эту область), упоминает о находках в курганах на этой территории золотых и медных монет с арабскими надписями⁷.

Можно утверждать, что значительная часть строений золотоордынского времени была уничтожена в течение XVIII-XIX вв. Так, на месте крепости «Каменный Затон» (рис. 2, 3), которая была построена российскими солдатами в 1696 г. и срыта уже в 1701 г., в 1736 г. в кратчайшие сроки вновь был построен редут (из кирпича периода Золотой Орды). Включение Крымского ханства в состав Российской империи (1783 г.) и освоение этой территории переселенцами создало спрос на строительный материал, который (при отсутствии леса) брался из развалин древних «городищ».

В XIX - начале XX в. возрастает интерес к остаткам каменных строений в Нижнем Поднепровье. Записки историков, этнографов, путешественников, писателей и просто «любителей древностей» содержат важные сведения об истории края. Так, А.А.Скальковский, С.И.Мышецкий, А.С.Афанасьев-Чужбинский, Н.Вертильяк и др. передавали различные варианты местного предания о христианке Сурке-Белозерке и хане Мамае⁸. В конце XIX в. эту легенду сообщает Д.И.Яворницкий, указывая, что на притоке Днепра - Белозерке (рис. 2, 5) «был некогда старинный и знаменитый город Белозерка, построенный генуэзцами, жившими с XIII по XV века в Крыму и через Днепр перевозившие из Азии в Европу свои товары»⁹.

С.И.Мышецкий сообщал об остатках города Самыс на р.Конке, городка с «множеством мечетей» на р.Янчокрак (рис. 1.1), о «городке ногайцев» на р.Маячке (рис. 2, 6)¹⁰. А.Ф.Кащенко приводил свидетельства А.С.Афанасьева-Чужбинского 1858 г. о том, что в районе «Каменного Затона» встречалось множество фрагментов с орнаментом от домов «бывшего когда-то городища». На месте городища часто находили медные и золотые монеты и обломки золотых предметов. Он сообщал, что во время раскопок около Великой Знаменки (Каменско-Днепровский район Запорожской обл.) находят вещи скифской и татарской эпох. А.Ф.Кащенко также упоминает о руинах древнего городища на о.Сулима (рис. 2, 4), напротив протоки р.Павлюк (около соврем. г.Никополя Днепропетровской обл.)¹¹.

В записках Таврической епархии 1887 г. содержатся сведения о том, что у В. Знаменки находится «небольшая гора Мамай-Сурка или Мамаева, где, по преданию, был городок, построенный Мамаем, тут видели много валов и окопов, где находили татарские кувшины,

монеты, стрелы, человеческие кости»¹². О развалинах строений золотоордынского времени у В.Знаменки указывал в начале ХХ в. В.Ляскоронский: «Что Мамаева орда некогда кочевала близ порогов, видно из того, что здесь напротив, есть река Мамай-Сурка и уроцище Мамай, а неподалеку еще недавно сохранялись развалины татарских мечетей»¹³.

К середине XIX в. относятся первые публикации находок и кладов периода Золотой Орды и целенаправленные раскопки в Нижнем Поднепровье. Обзор материалов региона позволил П.С.Савельеву в 1852 г. констатировать факт, что в Екатеринославской губернии многочисленные древности и монеты более всего представлены «эпохой владычества Монголов и ханов Золотой Орды». Автор сообщал о случайных находках 1845 г. «близ места Сечи Запорожской» серебряной пайцзы с повелением хана Абдулы (?) и 1851 г. на территории Александровского уезда клада ордынских монет в кувшине¹⁴. «Екатеринославский клад» серебряных монет 1317-1393 гг. весом 1 пуд 15 фунтов состоял из 14350 единиц. Уникальность этого клада заключалась в том, что значительная его доля представлена иранскими и закавказскими монетами. О судьбе Екатеринославского клада известно, что вначале он поступил в министерство уездов, а затем в Эрмитаж¹⁵. Позже монеты были разделены по разным музеям¹⁶. Г.А.Федоров-Давыдов писал, что этот клад указывает на торговые контакты региона в XIV в. с Монгольским Ираном, несмотря на военные столкновения¹⁷. Кроме Екатеринославского (с.Воскресенка), в пределах Днепропетровской и Запорожской областей в XIX - начале XX в. было обнаружено еще 7 кладов¹⁸.

В.Берштамом в 1879 г. у с.Старая Мышастовка Екатеринодарского уезда (Днепропетровская обл.) было обнаружено погребение с джучидскими монетами¹⁹. В 1884 г. археологические исследования в низовьях Днепра продолжил Д.Я.Самоквасов. Исследователь определял все погребения с золотоордынскими монетами татарскими и датировал XIV в.²⁰ Он считал, что все «могильники-ямы, закрытые сверху дерном, камышом, глиной и камнем, а на дне имеющие подбои с костяками, закрытые каменными плитами, деревянными брусьями или досками» относятся к «половецко-татарской эпохе»²¹. В статье А.А.Спицына 1906 г. содержатся важные сведения о находках предметов золотоордынского времени из Екатеринославской и Таврической губерний²². Часть этих коллекций была из частных собраний, часть найдена Д.Я.Самоквасовым во время раскопок курганов - «Яцевых могил» у устья р.Вороной (Днепропетровская обл.).

Я.П.Новицкий, который в 1875-1905 гг. собирал легенды и рассказы о крае, приводил данные о возможности существования в плавнях Великого Луга двух городищ XIII-XIV вв. - Большого и Малого (рис. 2, 7), а также моста около городища Большие Кучугуры и остатках водопровода в этой местности. В 1901 г. исследователь осуществил археологические разведки на Большом городище, которое находилось напротив правобережного с.Беленькое, в 5 км от него,

через р.Днепр. В 9 км от Большого находилось Малое городище. Они возвышались на продолговатых насыпях из лёса, привезенного с правого берега Днепра. Я.П.Новицкий отметил, что южная часть Большого городища разрушена кладоискателями, среди находок встречены человеческие кости и фрагменты «грубой керамики». Размеры городища 150x50 м, высота 6 м. Во время добычи глины местные жители находили здесь древние вещи и захоронения²³.

На месте Каменской пристани (г.Каменка-Днепровская) в XIX-начале XX в. неоднократно выявляли татарские, польские и генуэзские монеты. А.В.Терещенко, находивший здесь в середине XIX в. золотоордынские монеты, считал Каменское городище татарским²⁴. Директор Мелитопольского музея Д.Я.Сердюков по поручению Археологической комиссии с 1899-1901 гг. производил раскопки на дюнной части Каменского акрополя. На месте хутора Ляшенко он обнаружил строения из квадратного кирпича и обгорелого дерева. Вблизи этого места (соврем. пристань г.Каменка-Днепровская) Д.Я.-Сердюков также выявил остатки жилищ из обожженной глины, камня и дерева²⁵.

В 1885-1897 гг. Д.И.Яворницким у деревни Вороной (Днепропетровская обл.) была раскопана курганская группа «Рясные могилы». 10 курганов было датировано им XIV в.²⁶. Д.И.Яворницкий при описании края сообщал, что на левом притоке р.Конка - р.Янчокрак (рис.1.1), в 10 верстах от него «вниз по течению Днепра, было неизвестного названия городище с оставшимися мечетями»²⁷. Исследователь указывал, что у о.Британ (рис. 2, 8), находящемся посреди Днепра, напротив с.Большая (Великая) Знаменка сохранились «следы каких-то старинных укреплений», а ниже р.Чертомлык, посреди Днепра, находится большой остров «с древними развалинами»²⁸. В 1903 г. Д.И.Яворницким в погребении кургана № 7 у с.Афанасьевка Новомосковского уезда (Днепропетровская обл.) были найдены 2 монеты Джанибека²⁹. В 1909-1911 гг. сотрудником Херсонского музея В.И.Гошкевичем были раскопаны погребения XIII-XIV вв. у с.Николаевка Бериславского района Херсонской обл. (рис.1, 2). У г.Голая Пристань (рис. 1, 3) сотрудником музея были обнаружены золотоордынские монеты. У с.Приморское Скадовского района (рис. 1, 4) В.И.Гошкевичем выявлена свинцовая чаша XIV-XV вв.³⁰. В 1912 г. исследователь обнаружил средневековое городище у г.Скадовска (рис. 1, 5)³¹. В 1913 г. он произвел раскопки грунтового могильника золотоордынского времени на краю мыса «Стрелка» у с.Республиканец Бериславского района (рис. 1, 6). В 7 погребениях зафиксированы следы деревянных гробовищ из дуба и вербы со скобами. Среди датирующего материала наконечник копья, нож, бронзовое зеркало³². В 1914 г. В.И.Гошкевич производил исследования Таванского городища (рис. 1, 7), расположенного на правом берегу Днепра (около г.Берислава Херсонской обл.). Древнейшие слои поселения относились к XIV в., более поздние к началу XV в., что позволило исследователю отождествить городище с Таванским перевозом³³. В.Л.Егоров,

на основе данных Д.И.Яворницкого, указывает на левобережный населенный пункт, основанный монголами для организации переправ через Днепр и что «Таванская переправа в золотоордынское время обеспечивалась двумя находившимися друг против друга населенными пунктами»³⁴.

После 1917 г. интерес к памятникам золотоордынского времени на территории региона заметно снизился. В 1927-32 гг., в связи со строительством ДнепроГЭСа, в районе днепровских порогов проводились археологические исследования. В 1927-28 гг. сотрудником днепроГЭСовской экспедиции А.В.Добровольским были исследованы землянки золотоордынского времени на селище I правого и селища II левого берега Днепра в районе Кичкаса (рис. 1, 8). Исследователь пришел к выводу, что существование на порогах Днепра Кичкасского, Сурского и Игрыньского перевозов может указывать на то, что славянское население в Надпорожье могло проживать здесь и в золотоордынское время. Поселения перевозчиков через Днепр были подобны тем, которых Рубрук упоминает на Дону³⁵.

Сотрудником Никопольского музея Ф.Н.Кирановым в 1929 г. у Каменской пристани были произведены небольшие раскопки (начатые Д.Я.Сердюковым), в результате которых им были обнаружены остатки сырцового кирпича татарского типа и несколько монет золотоордынского времени³⁷. В 1939 г. М.Л.Макаревичем у с.Капуловка Никопольского района Днепропетровской обл. (рис. 2,9) были обнаружены остатки «православного кладбища», застроенного селом³⁸. Раскопки памятника не производились. Позже во время разведок запорожского краеведа А.В.Бодянского здесь была найдена медная золотоордынская монета и фрагменты бронзового зеркала (коллекция никопольского краеведа Г.Ищука) - тип В-IIIб-5 по Г.Ф.Поляковой³⁹, по Л.Ф.Недашковскому и Л.И.Ракушину - отдел Б, тип 3⁴⁰.

В послевоенный период, в связи с возросшими масштабами полевых исследований, памятники золотоордынского времени в Нижнем Поднепровье встречались чаще, однако, они не вызывали значительного интереса у исследователей. Так, в конце 40 - начале 50х гг. в ходе работ Скифской степной экспедиции под руководством Б.Н.Гракова на Нижнем Днепре, памятники золотоордынского периода попадались неоднократно. Б.Н.Граков зафиксировал на территории Знаменского городища (местное название Мамай-Сурка) «четырехобразные» насыпи (рис. 3), которые, по преданию, местные жители разрывали для добывания обожженного кирпича и тесанного камня⁴¹. В трех исследованных насыпях были выявлены развалины кирпичных построек золотоордынского времени. В 1952 г. на Каменском акрополе (Знаменское городище) в самой крупной насыпи № 1 были обнаружены остатки кирпичного здания. Основание здания покоилось непосредственно на скифском культурном слое. Здание не было полностью исследовано, так как, по словам Н.Н.Погребовой, «задерживало исследование непосредственно интересовавших нас слоев скифского времени». Здание датировано 60 гг. XIV в. по бронзовой монете хана

Абдуллаха, которая была выявлена на уровне кладки фундамента. Кроме монеты, здесь было найдено несколько фрагментов красноглиняной гончарной керамики, две свинцовые печатки и, «может быть», железные гвозди. По предварительному мнению исследовательницы, это здание имело нежилое, а военное назначение. Рядом около здания обнаружена синхронная хозяйственная яма с обломками лепной и гончарной керамики. Развал и отдельные куски кладки из такого же золотоордынского кирпича, как и в насыпи № 1, были обнаружены и в насыпях №№ 2 и 4 (насыпь № 3 не исследовалась). Между насыпями культурного слоя не было обнаружено, что дало основание считать, что в золотоордынское время здесь стояли отдельные здания, а в целом городище не было заселено⁴². Б.Н.Граков относил эти насыпи к остаткам сторожевого пункта, устроенного для охраны переправы, «однако города тысячи мечетей здесь никогда не существовало»⁴³. На территории Знаменского городища были исследованы также погребения поздних кочевников. В одном из захоронений половца было обнаружено бронзовое зеркало с крестовидным орнаментом и ушком в центре - отдел Г, тип 8⁴⁴.

В том же 1952 г. сотруднику Государственного артиллерийского музея Э.А.Сымоновичу было поручено произвести раскопки некрополя «неясного содержания». Некрополь находился «там, где вал в Каменке выходит на обрыв над р.Конкой, у внешней стороны конца вала» (рис. 1, 9). Обнаруженный в 1949 г., к 1952 г. он уже начал разрушаться. Захоронения располагались неправильными рядами, расстояние между могилами составляло 1,0-2,5 м на разных участках. Над отдельными могилами прослежены каменные перекрытия длиной до 1,0 м, нарушения одного захоронения другим редки. Глубина обнаружения могил 1,2-1,6 м. Было исследовано 83 погребения; кости лежали головой на запад (с сезонными отклонениями), положение рук нестойкое - от скрещенных на груди до вытянутых вдоль туловища. Около 60% погребений - безынвентарные, среди находок - личные украшения, предметы хозяйственно-бытового назначения, предметы вооружения. В одном захоронении обнаружен крестик. В костях двух погребенных зафиксированы наконечники стрел, которые могли послужить причиной смерти.

Датировка и этническая принадлежность погребенных Каменского могильника до сих пор вызывает споры и рассматривается исследователями по-разному. Предварительно Б.Н.Граковым некрополь (к моменту разрушения) был датирован XII-XIV вв.⁴⁵. Исследовавший могильник Э.А.Сымонович датировал некрополь X-XI вв., считая население, оставившее памятник, потомками степного населения, ассилированного кочевниками⁴⁶. Краиологические серии Каменского могильника, по заключению Т.С.Кондукторовой, находят аналогии среди черепов Зливкинского могильника и Большого кургана вблизи станицы Цимлянской. Отмечается близость и к некоторым краиологическим сериям из золотоордынских городов, а также из курганов Букеевской степи. Монголоидность выражена на ряде женских чере-

пов. В славянских могильниках антропологические параллели с Каменкой отсутствуют. Возможно соотнесение населения, оставившего могильник Каменка с аварами или болгарами⁴⁷. С.А.Плетнева высказала предположение, что данный некрополь оставлен ясами, потомками салтовского населения Хазарского каганата, которые к XI в. приняли христианство⁴⁸.

Г.А.Федоров-Давыдов считал, что под влиянием монголов кипчаки частично переходят к оседлости, что отразилось на появлении у кочевников грунтовых могильников. К одному из таких памятников исследователь относил некрополь у с.Каменки⁴⁹. Л.М.Рутковская, не давая этнического определения, датировала памятник по находкам второй половины XI - первой половиной XIII в.⁵⁰ А.А.Козловский выделил 8 погребений с датирующим инвентарем, среди которого: овальные кресала (XII-XIII вв.), вопросовидные серьги (XIII-XIV вв.), зеркало (XIII-XIV вв.), наконечник стрелы для арбалета (XIII-XIV вв.). Исследователь датировал могильник XII-XIV вв.⁵¹ О том, что население, оставившее Каменский могильник, могло принадлежать аланам (ясам), указывает О.Б.Бубенок⁵².

У с.Кайры Бериславского района Херсонской обл. (рис. 1, 10) в 1953 г. Д.Я.Телегиным был выявлен грунтовый могильник, который был исследован Е.В.Махно в 1954 г.⁵³ Исследовано 79 погребений. Захоронения располагались неровными рядами, расстояние между могилами составляло от 0,3 до 5,0 м. Большинство могильных ям (68) были перекрыты закладками из рваного камня, изредка - небольшими плитами. Около некоторых могил прослежены остатки дерева. Погребенные лежали головой на запад с сезонными отклонениями (за исключением двух - на север и на юг), положение рук различно. 89% погребений безынвентарные, лишь в 9 обнаружен инвентарь, который представлен в основном личными украшениями.

Г.П.Зиневич, исследовавшая крациологическую серию могильника, пришла к выводу, что женские черепа имеют сходство с сериями из Каменки и в какой-то степени с черепами Зливкинского могильника. Антропологический анализ указывает на неславянское происхождение населения, оставившего некрополь. Наиболее близкие параллели могильника с черепами Большого кургана из Саркела, что особенно заметно по женской серии, в которой прослеживается незначительная примесь монголоидности. Антрополог воздержалась от этнического определения населения, оставившего могильник, считая, что данные выводы могут быть сделаны лишь при исследовании больших серий⁵⁴. По мнению Е.В.Махно, Каирский могильник мог принадлежать славянам⁵⁵. Версия о неславянском происхождении населения Каирского могильника была поддержана А.А.Козловским, который датирует памятник в пределах XII-XIV вв.⁵⁶ О.Б.Бубенок предполагает, что могильник оставлен ясами, переселившимися с Северного Кавказа, начал функционировать до начала 70-х гг. XIII в. и прекратил свое существование через несколько десятилетий после нашествия Ногая. Аналогичные по обряду захоронения (головой на

запад, прямоугольные ямы, обложенные камнем) некрополи расположены в Надпорожье на о.Кизлевом Солонянского района Днепропетровской обл. и у с.Ясиноватое Вольнянского района Запорожской обл.⁵⁷ Здесь следует также указать, что в конце XIX в. Д.И.Яворницкий сообщал о наличии городища с мечетью на притоке Днепра - р.Мечетный Каир, «ниже поселка Каиры»⁵⁸.

В 1950-51 гг. разведки на памятнике в урочище Большие Кучугуры (в 9 км к северо-западу от г.Васильевка), перед затоплением Великого Луга, проводили запорожские краеведы А.В.Бодянский и В.Ф.Пешанов. В 1950 г. А.В.Бодянский в восточной части Больших Кучугур исследовал холмы, именуемые местными жителями «Могилами». Они представляли собой остатки каменных строений. Вокруг остатков фундаментов были расположены жилые дома. В культурном слое чаще всего встречались обломки квадратного кирпича, фрагменты красноглиняной и поливной керамики. Исследователь считал, что татарский город на Больших Кучугурах существовал с XIII до начала XV в. Погиб город внезапно, возможно, был разрушен войском Великого Литовского княжества⁵⁹. В 1953 г. на городище проводила раскопки Горностаевская экспедиция ИА АН УССР под руководством В.Й.Довженка. Площадь городища занимала около 10 га; оно было расположено в труднопроходимых местах Днепровских плавней и не имело фортификационных сооружений. На городище было насчитано 17 пунктов с выходами фундаментов (рис. 4, 1). Среди остатков сооружений интерес представляют остатки мечети и бани. Мечеть занимала площадь 364 м² (раскоп I). В западной части в стене, в 6 м от северного ее края была выявлена башня (минарет?) – (рис. 4, 2). На раскопе I было найдено 69 монет и вопросовидная золотая серьга. В 100 м от мечети находилась баня с крестовидным залом (раскоп V), под полом выявлена обогревательная система (рис. 5, 1). По В.Й.Довженку, такие бани были подобны тем, которые выявлены на территории древнего Болгара на Волге. На раскопе VI были исследованы остатки крупного здания (рис. 5, 2), площадью около 700 м². По керамическому материалу, исследователь отнес существование города к XIV-XVI вв., его возникновение, как считал исследователь, связано с золотоордынским ханом Мамаем или ногайским князем Мамай-Шигом⁶⁰. В процессе работ удалось решить многие вопросы истории городка, однако эти небольшие раскопки в скором времени были прекращены.

После затопления Великого Луга водами Каховского водохранилища культурный слой памятника начал интенсивно разрушаться. Множество изделий, украшений и монет попало в руки любителей-коллекционеров. Лишь небольшое их количество поступило в фонды Запорожского областного краеведческого музея. Одним из наиболее плодотворных экспонентов являлся В.М.Шовкун, собравший на памятнике в течении 1963-1965 гг. 3860 джучидских монет от времен правления Узбек-хана до Мохаммед-Булак-хана (1313-1384), а также несколько монет Красной Руси середины XIV в. (времен Казимира

III). Краевед считал, что город носил имя «Махан»⁶¹. По свидетельству В.М.Шовкуна, ему было известно о находках на городище 4-х кладов золотоордынских монет, 2 из которых позже поступили в Запорожский краеведческий музей. Два клада утеряно (местонахождение неизвестно), со слов нумизматов один из них находился в «нефритовом (селадоновом?- М.Е.) горшке» и состоял из 127 монет; из них 8 серебряных заготовок, остальные медные.

В 1977 г. на городище проводились раскопки и гидроархеологические работы под руководством Г.И.Шаповалова. Вблизи сохранившегося после создания Каховского водохранилища о.Рыбачий, на глубине 0,5 м были обнаружены остатки кирпичного фундамента, собран подъемный материал, среди которого три медных золотоордынских монеты, бронзовый пластинчатый браслет с куфической надписью, фрагменты бронзовых зеркал, черепицы, керамических водопроводных труб, посуды⁶². В 1979-83 гг. плановые исследования уцелевших участков памятника были предприняты сотрудниками ЗОКМ З.Х.Попандопуло и И.Р.Тихомоловой. Открыты многокамерная постройка с глинобитным полом, обнаружены остатки отопительной системы и хозяйственной ямы⁶³.

Раскопки 50-начала 80х гг. показали существование в Нижнем Поднепровье крупного административного и торгового центра Золотой Орды. Город Большие Кучугуры, выступавший в различной литературе под именами Мамаев Сарай, Курцемал, Самыс, Шехр ал-Джедид, достиг своего расцвета в первой четверти - конце XIV в. и не имел укреплений. Как считают некоторые исследователи, после поражения ордынцев в битве при Синих Водах в 1362 г., в Нижнее Поднепровье перемещается административный центр Мамая⁶⁴. Планировка города включала главную площадь, резиденцию правителя и баню⁶⁵. Из производственных комплексов обнаружена косторезная мастерская. Найдки целой серии изделий из железа - наковален, зубил, стамесок и др. характеризуют основные занятия населения. Обилие импортных вещей подчеркивает важную роль торговли в жизни Кучугурского городища. Китайский фарфор и зеркала являются украшением всей коллекции. Особенно интересны два селадоновых блюда - изделия мастерских Лунцюаня с рельефным растительным орнаментом⁶⁶, металлические зеркала с изображениями драконов. Из центральных и периферийных регионов Золотой Орды – Нижнего Поволжья, Булгарского улуса, Крыма поступала поливная керамика и украшения⁶⁷. Несколько тысяч монет чеканки Нового Сарада, Нового Булгара, Гюлистана и других золотоордынских центров, серебряные «сумы» свидетельствуют о процветании города.

В 1951 г. у подножия Мамай-Горы (с.В. Знаменка Каменского Днепровского района Запорожской обл.) А.В.Бодянским было обнаружено поселение XII-XIV вв. (рис. 1, 11). Среди находок исследователем было отмечено значительное количество фрагментов гончарной керамики, «типичных для Киевской Руси и керамика восточного типа в виде кувшинов и плоскодонных сосудов из желто-красной глины,

иногда покрытых зеленой поливой. Линейный и волнистый орнамент на них подобен славянскому». А.В.Бодянский также указывал на то, что вблизи поселения с 1956 г. Каховским водохранилищем разрушается кладбище XII-XV вв. Погребенные «чаще всего лежали в примитивных гробах, головой на запад»⁶⁸. А.Т.Смиленко, по данным А.В.Бодянского на 1972 г., писала о местонахождении у с.В. Знаменка могильника и поселения славян XII-XIV вв.⁶⁹ В 1977 г. А.В.Бодянский, уточняя, указывал о разрушении у подножия Мамай-Горы поселения и могильника смешанного населения Киевской Руси и кочевников XIII-XIV вв.⁷⁰

А.В.Бодянский сообщал также о разрушении с 1956 г. поселения и погребений X-XIV вв. у с.Благовещенка Каменско-Днепровского района Запорожской обл. (рис. 1, 12). Здесь же исследователем была найдена «восточная монета XIII-XIV вв.»⁷¹. В 1957 г. экспедицией ИА АН Украины у с. Благовещенка были проведены небольшие исследования поселения, датированного XII-XIV вв.⁷² В 1979 г. Славянской Днепровской экспедицией ИА АН Украины под руководством А.Т.Смиленко у с.Благовещенка был исследован грунтовый могильник, где на площади 200 м² было открыто 41 захоронение. Могильные ямы располагались правильными рядами, расстояние между погребениями от 0,5 до 2,0 м. Глубина захоронений от дневной поверхности составляла 0,5-1,0 м. Прослежены остатки перекрытий и деревянных гробовищ с железными скобами и гвоздями. 50% погребений содержало инвентарь, который представлен в основном украшениями. Рядом с могильником располагалось синхронное ему поселение⁷³. Памятник был датирован XII-XIV вв. Антропологический анализ некрополя, произведенный С.И.Круц, показал, что черепа этого памятника имеют сходство с краинологическими сериями Каменского и Каирского могильников. Среди женщин более выражены черты монголоидности⁷⁴. В 1990-1991 гг. у с.Благовещенка археологической экспедицией Запорожского краеведческого музея проводились исследования грунтового могильника XIII-XIV вв.⁷⁵ и поселения XII-XIV вв.⁷⁶ Сравнительный анализ этих памятников не проводился, по всей вероятности речь идет лишь об одном поселении и одном могильнике. В разные годы в районе с.Благовещенка находили также золотоордынские монеты (3 пункта), поступившие в фонды Запорожского краеведческого музея.

С 1962 г. у восточной окраины с.Ивановка Каменско-Днепровского района Запорожской области (рис. 1,13), по сообщениям А.В.Бодянского, начал разрушаться славянский могильник XI-XIV вв.⁷⁷ Раскопки памятника не проводились. В 90х гг. местным краеведом В.А.Буселом на этом участке был собран материал периода Золотой Орды.

В 50-60х гг. находки золотоордынского времени неоднократно встречались и в границах Херсонской области. В 1957 г. А.В.Бодянским у с.Михайловка Верхнерогачинского района (рис. 1, 14) были обнаружены предметы золотоордынского времени - пряслице, бусина, монета XIV в.⁷⁸ К 1960 г. относится сообщение Э.А.Сымоновича о

находках полуzemлянок кочевников XIII-XIV вв. у с.Гавриловка (рис. 1,15) Нововоронцовского района⁷⁹. В 1968-1970 гг. Краснознаменской экспедицией исследовались курганы у с.Широкое Скадовского района (рис. 1,16), где было выявлено 7 захоронений, которые были датированы очень широко - XIV-XVII вв. Погребенные находились в прямоугольных ямах, головой на юго-запад, запад-юго-запад. По мнению исследователей, такие погребения находят аналогии среди захоронений Северного Крыма⁸⁰. Этнокультурная принадлежность погребенных затруднительна.

В 1972 г. А.В.Бодянским было открыто многослойное поселение в южной части о.Хортица у оз.Осокорове, получившее в литературе название «Протолчий брод» или «Протолча» (рис. 1,17). Работами Хортицкой археологической экспедиции в 1976-1980 гг. здесь были открыты объекты X-XIV вв., найдены монеты Джанибека (1344-1349), Кильтибека (1361-1362) и значительное количество обломков чугунных казанов⁸¹.

При раскопках у с.Балки Васильевского района Запорожской обл. (рис. 1,18) в 1973 г. было выявлено 23 подкурганных погребения XIV-XV вв. В ряде погребений - остатки решетчатых гробовищ-перекрытий, вертикально стоящие деревянные колышки, известняковый камень. Этнокультурная интерпретация погребений затруднена, по мнению исследователей, они могли принадлежать татарам; оседлому населению, не связанному с христианством; ногайцам⁸². В районе с.Балки (урочище «Узвоз») в начале 70х гг. краеведом И.П.Савовским был собран подъемный материал XIII-XIV вв.⁸³

АЭ Запорожского краеведческого музея при исследовании курганного могильника на берегу р.Конка у с.Приморское Васильевского района (рис. 1,19) в 1977 г. обнаружены 2 погребения позднего средневековья, одно из которых было датировано XIII-XIV вв.⁸⁴ Отметим, что в 40х гг. старожилы с.Приморское рассказывали А.В.Бодянскому о «турецком городе» в балке Барнишовой, от которой шла мощенная из плит известняка дорога (рис. 2,10). В 80-90х гг. на приусадебных участках жителями села неоднократно встречались фрагменты керамических водопроводных труб, близкие по форме находкам на городище Большие Кучугуры.

У с.Верхняя Криница Васильевского района Запорожской обл. (рис. 1, 20) сотрудниками ЗКМ (1979 г.) был обнаружен грунтовый могильник второй половины XIV в. Зафиксировано не менее 10 разрушенных погребений, два погребения были исследованы. Захоронения находились в склепах из обожженного кирпича со ступенчатым сводом. Погребенные лежали головой на запад, лицевой частью повернуты на юг. Наиболее близкое сходство с могильником имеют захоронения на территории мечети Водянского городища (склеп п.35 мавзолея 2), датируемые второй половиной-концом XIV в. Кроме этого, отмечено 4 скопления обожженного кирпича. По мнению И.Р.Тихомоловой, керамика и кирпич имеют аналогии среди находок Кучугурского городища. В ходе разведок 1994 г. у балки Криничной (южная

окраина с.В.Криница) было обнаружено поселение, синхронное могильнику⁸⁵. В 2001 г. местным краеведом В.А.Буселом у жителя с.В. Криница был приобретен клад золотоордынских монет (около 100 единиц), найденный случайно под каменной плитой на приусадебном участке.

Экспедицией ИА АН Украины под руководством В.В.Отрощенко и Ю.Я.Рассамакина в 1981 г. было исследовано богатое половецкое захоронение у с.Заможное Токмакского района Запорожской обл. (рис. 1, 21)⁸⁶. Дальнейшие исследования показали, что погребение относится к раннезолотоордынскому периоду, тем самым открыв одну из малоизвестных страниц поздней истории половцев в Степном Поднепровье⁸⁷.

В 1982-83 гг. Херсонской экспедицией под рук. А.И.Кубышева были исследованы половецкие захоронения с джучидскими монетами у с.Каирка Каланчакского района Херсонской обл. (рис. 1, 22) и с.Радивоновка Акимовского района Запорожской обл. (рис. 1, 23), которые по погребальному обряду близки Чингульскому и Таганчанскому курганам⁸⁸.

АЭ ЗКМ у с.Каменское Васильевского района Запорожской области (рис. 1, 24) в 1984 г. было исследовано половецкое захоронение XIII-XIV вв.⁸⁹ По устному свидетельству А.В.Бодянского, в этом селе им были выявлены остатки кирпичного производства. Здесь встречались кирпичи, размером 24x24x5 см. Жители села рассказывали краеведу, что первые поселенцы брали кирпич для строительства из «татарских кирпичных мастерских». В этом же селе жители неоднократно находили захоронения, а место, где они встречались, называли «татарским кладбищем».

Во время работ Периферийного отряда Ольвийской экспедиции ИА АН Украины на многослойных поселениях Аджигол-1 и Днепровское-2 (рис. 1, 25,26) была выявлена керамика XIII-XIV вв⁹⁰.

На 1984 г. И.Д.Ратнер сообщает о 4 пунктах находок золотоордынских монет в Херсонской обл.: Великая Кардашника (рис. 1, 36), Голая Пристань (рис. 1, 37), Малые Копани (рис. 1, 38) и Новая Збруевка⁹¹.

АЭ ДГУ в 1986 г. выявлены и исследованы погребения у с.Широкое Солонянского района (рис. 1, 27), датируемые концом XIII-XIV вв. и с.Каменка Апостоловского района (рис. 1, 28) - XIII - середина XIV в. Днепропетровской области⁹². В 1989 г. при исследовании Днепропетровским историко-краеведческим заповедником Каменской Сечи (с.Республиканец Херсонской обл.) были открыты полуразрушенные объекты XIII-XIV вв.⁹³. На Великом Потемкинском о-ве (рис. 1, 29) были выявлены поселение IX-XIV вв. и могильник второй половины XIII-XIV вв. Погребенные лежали в беспорядке, на части черепов прослежены следы от ударов⁹⁴.

Сотрудниками Хортицкого музея у поселка Виноградный (южная часть о.Хортица - рис. 1, 30) в 1988-1989 гг. было обнаружено и исследовано городище XIV в. Городище было укреплено(?), как считают В.Е.Ильинский и А.А.Козловский, могло быть разрушено в

1363 г. войсками литовского князя Ольгерда, в 1363-1380 гг. оно возродилось и прекратило свое существование после нашествия войск Тимура в 1395-1396 гг. Поливная керамика близка золотоордынским слоям Тмуракани, Азова и Крыма, неполивная - слоям Москвы, Новгорода, Смоленска и Новгород-Северского⁹⁵. К 1990 г. поселок Виноградный был снесен и городище перестало существовать. Вблизи о.Хортица, на о.Байда (Малая Хортица - рис. 1, 31) во время разведок были выявлены предметы позднего средневековья - наконечники стрел XIII-XIV вв.⁹⁶ В 1997-1998 гг. при исследовании на о.Малая Хортица вновь были обнаружены материалы «татарского» происхождения, в основном керамика⁹⁷.

В 90х гг. в ходе работ на поселениях у сс. Каменское (в устье р.Янчокрак) и Приморское Васильевского района Запорожской области (рис. 1, 19,24) была обнаружена керамика, имеющая близкие аналогии среди находок Кучугурского городища и поселения у с.Верхние Криницы. Во время разведок на левом берегу Каховского водохранилища выявлено до десяти пунктов с аналогичной керамикой - у г.Васильевки, сс.Маячки, Скельки, Златополь⁹⁸. В Ореховском районе Запорожской обл. в ходе разведок у сс.Юрковка (рис. 1, 32) и Кирово (рис. 1, 33) выявлены остатки фундамента здания с майоликовым архитектурным декором (XIV-XV? вв.), известняковых плит с растительным орнаментом, обожженного кирпича и поливных (бирюзового цвета) изразцов⁹⁹. Известно, что с.Юрковка до 1865 г. называлось Аулом и было основано на месте каких-то «турецких» сооружений. У с.Кирово еще в XIX в. находились остатки «магометанской» церкви (по находкам квадратного кирпича-плиты зеленовато-бирюзового цвета). Правый приток р.Конка - р.Жеребец, протекающая через с.Кирово, еще в XVIII в. называлась Мечетной. Вблизи села находилась «Мечеть-могила», где еще в начале XX в. встречались остатки какого-то каменного фундамента¹⁰⁰. На основании анализа карт XVII-XVIII вв. краеведом В.Г.Фоменко было высказано предположение о нахождении в с.Кирово мусульманского могильника с мавзолеями, связанного с крупным поселением¹⁰¹.

В урочище Портмашево у с.Беленькое Запорожского района (рис. 1, 34) ЗКМ в 1992 г. были проведены небольшие раскопки древнерусского поселения XII-XIV вв.¹⁰² Дальнейшие исследования не проводились, этническая принадлежность погребенных требует уточнения.

Экспедицией археологической лаборатории Запорожского государственного университета у с.Великая Знаменка Каменско-Днепровского района Запорожской обл. в 1989 г. было исследовано 3 разрушающихся грунтовых захоронения. Работы последующих лет показали, что здесь, на левом берегу Каховского водохранилища, расположен один из крупнейших грунтовых могильников золотоордынского периода в Нижнем Поднепровье. К моменту выхода статьи на могильнике Мамай-Сурка (назван по одноименной реке вблизи памятника) исследовано 1129 захоронений, вскрытая площадь составила 5800 м². Анализ научной документации показал, что памятник впервые был

открыт А.В.Бодянским (у подножия Мамай-Горы - рис. 1, 11); он сообщал о разрушении памятника водами Каховского водохранилища с 1956 г. По подсчетам, к моменту начала планомерных спасательных работ, территории могильника сократилась на 100-150 м со стороны береговой линии, в результате чего было разрушено, по-видимому, более тысячи захоронений.

Уникальность могильника состоит прежде всего в той информативности, которую он содержит. Планировка могильника рядовая, на отдельных его участках могильные сооружения расположены правильными рядами, вытянутыми по оси север-юг. Отмечаются участки погребений, группирующиеся по половому признаку. Перекрывание одного захоронения другим встречается крайне редко, расстояние между могилами — 0,2-0,8 м. Отмечены участки с очень высокой плотностью погребенных, что связано, видимо, с более интенсивным «использованием» отдельных участков, причина которого до конца не выяснена. Глубина обнаружения погребений (от современной поверхности) составляет 0,3-1,8 м, основная часть захоронений совершена на границе суглинка и материковой глины (дно могилы в материке). Захоронения представлены грунтовыми ямами прямоугольной, трапециевидной и овальной форм, большинство из которых ориентированы по линии З-В или ЮЗ-СВ. Погребальные сооружения можно разделить на четыре группы: простые грунтовые ямы, ямы с уступами-заплечиками, ямы с небольшими подбоями в районе головы и ног погребенного, ямы с остатками деревянных конструкций. Положение погребенных вытянуто на спине, головой на З, ЮЗ-ЗЮЗ, З с отклонениями. Ноги вытянуты, в редких случаях слегка согнуты в коленях и уложены влево или вправо. Положение рук погребенных неустойчивое: от нахождения кистей на ключицах до положения рук вдоль костяка. Отмечены случаи отхода от типичного обряда захоронения: в сидячем положении; вытянуто на «животе», лицом вниз; «пакетом».

В 67% погребений на могильнике встречен инвентарь. Он представлен личными украшениями, предметами хозяйственно-бытового назначения, культовыми вещами, предметами вооружения, фрагментами керамики. Личные украшения представлены нашивными бляшками, серьгами и височными кольцами, бусами, перстнями и браслетами. Основная масса нашивных бляшек входила в состав женских очелий и имела средние размеры. Более крупные (в единственном экземпляре) могли являться как украшением головного убора и одежды, так и входить в состав поясных наборов (рис. 6, 1). Аналогии известны среди украшений Зареченского могильника в Крыму¹⁰³, аналогичны бляшкам из захоронения половчанки на могильнике XIV в. вблизи Царевского городища¹⁰⁴.

Значительный интерес представляют серьги округлой формы, один из концов - в виде головы дракона-змея, кусающего себя за хвост (рис. 6, 2). Датируются второй четвертью XIV - началом XV в., аналогии известны в незначительном количестве на памятниках от

Молдовы¹⁰⁵ до Волгоградской области России¹⁰⁶. Вопросовидные серьги представлены различными вариантами (тип II, варианты А, Г, Д). Височные кольца представлены типами IV, XIV – (по Г.А.Федорову-Давыдову). Бусы из сердолика и янтаря имеют аналогии в слоях домонгольского и золотоордынского времени Болгарского городища¹⁰⁷. Бусы из кварца, четырехвосьмигранные, изредка встречаются в слоях Саркела-Белой Вежи¹⁰⁸. Бусы в виде уточек-птичек обнаружены на могильнике у церкви Иоанна Предтечи в Крыму¹⁰⁹.

Перстни бронзовые и серебряные, цельносоставные, со щитком (без гнезда и с гнездом со вставками из бирюзы, стеклопасты, стекла) известны в новгородских слоях XIII-XIV вв.¹¹⁰, на Болгарском городище¹¹¹, в погребениях XIV в. на территории Болгарии¹¹². Перстни с ажурным щитком (рис. 6, 3) имеют близкие аналогии в слоях Болгары¹¹³.

Узкие пластинчатые браслеты, украшенные на концах стилизованными львиными личинами, в научной литературе именуются как «булгарские» по причине их обнаружения впервые на булгарской земле Среднего Поволжья. На могильнике Мамай-Сурка они обнаружены в количестве 5 экз. Декор ряда браслетов (центральный орнамент в виде четырехлепестковой розетки (рис. 6, 4); из прямоугольников, завитков и фестонов с трилистниками) имеет аналогии среди браслетов Болгарского городища¹¹⁴ и городища Большие Кучугуры (не издан, хранится в ЗКМ). Один из браслетов имел в центральной части «плетенку» (рис. 6, 5). Близкая по форме «плетенка» имелась на браслете с Водянского городища, в котором Г.А.Федоров-Давыдов видит упрощенный монгольский «узел счастья»¹¹⁵. Один из фрагментов браслета из района могильника Мамай-Сурка имел в декоре личины выделенную морду-маску хищника (рис. 6, 5). Аналогичный рассматриваемому декор личины имелся на браслете с Водянского городища¹¹⁶. Некоторые из браслетов разъемные, с петлями на концах и с замком в виде стержня (рис. 6, 6), по узору (упрощенному) близки находкам в Болгаре¹¹⁷.

Среди категорий вещей хозяйственно-бытового назначения на могильнике следует назвать пуговицы, остатки ткани и кожи, монеты, игольницы, наперстки, ножницы, кресала, ножи, туалетные принадлежности, пряжки, керамика, остатки жерновов, гвозди и скобы, рыболовный крючок. Пуговицы имеют наибольшую встречаемость на могильнике, представлены во всех половозрастных категориях. Среди типов чаще всего встречаются шаровидные пустотельные пуговицы, с «ушком» для нашивания на одежду, из бронзы и серебра (серебра, плакированые золотом). Четкой датировки не имеют, широко распространены среди инвентаря средневековых памятников - от салтово-маяцкой культуры до позднего средневековья. Ребристые и ажурные серебряные с позолотой и золотые пуговицы имеют аналогии среди предметов Симферопольского клада 1967 г.¹¹⁸ Керамические плоские пуговицы с голубой поливой встречаются в золотоордынских слоях Нового Сарая (ВII - по Г.А.Федорову-Давыдову). На могильнике

Мамай-Сурка также известны костяные пуговицы, характерные для кочевнических захоронений XIII-XIV вв.

Остатки тканей представлены головными повязками, на которые нашивались бляшки (очелья). Остатки шелковой тесьмы прослежены на шейных позвонках погребенных, в сопровождении мелких серебряных пуговиц, под основу ткани иногда подкладывалась береста для придания большей твердости. Отпечатки ткани прослежены на погребенных чуть ниже колен, на руках до середины предплечья. Льняные ткани представлены косичками от одежды, застежками (рис. 7, 1). Аналогичные ткани (фрагменты головного убора со свастикой) встречены также в могильнике у с. Золотое в Крыму¹¹⁹. Близкие по технике исполнения льняные ткани представлены в погребениях около церкви Иоанна Предтечи в Керчи¹²⁰.

На памятнике обнаружено 6 монет - 4 из погребений, 1 из слоя и одна обнаружена в районе могильника. Представлены следующие типы: дирхем Узбек-хана, Сарай ал-Махрус, 722 г.х. Имел надчеканку «законный» времен Абдуллаха; пул Узбек-хана, Крым (без года), с тамгой, под которой - звезда; дирхем Джанибек-хана, Сарай ал-Джедид, 747 г.х.; 2 дирхема Бирдигек-хана, Гюлистан, 759 и 760 г.х. Одна из монет имела надчеканку «законный»; дирхем Абдуллах-хана, Шехр ал-Джедид, 767 г.х. Нумизматический материал датирует погребения 40-60 гг. XIV в.¹²¹

О степени распространения и характере шитья у населения, оставившего могильник Мамай-Сурка, свидетельствуют находки игольниц, игл и наперстков. Игольницы с циркульным орнаментом (рис. 7, 2) имели широкое распространение в среде салтово-маяцкого населения VIII-IX вв.¹²² В более позднее время встречаются в слоях XIV в. золотоордынского Азака¹²³. Бронзовые наперстки современного типа (рис. 7, 3) являются частыми находками в культурных слоях золотоордынских городов: Азаке¹²⁴, Новом Сарае¹²⁵.

Кресала представлены овальными (II отдел, овальные, 1-2 варианты - по А.В. Евглевскому и Т.М. Потемкиной¹²⁶; отдел А, тип II - по Г.А. Федорову-Давыдову) и калачековидными формами (отдел Б, тип II- по Федорову-Давыдову; по А.В. Евглевскому и Т.М. Потемкиной - I отдел, калачевидные, 3 вариант).

Керамический комплекс представлен незначительным числом материала. К ним относятся фрагменты трапезундских амфор (рис. 7, 4) с высоко поднятыми ручками¹²⁷. Неполивная посуда близка находкам на Царевском городище¹²⁸. Орнамент на сосудах характерен для булгарской гончарной керамики домонгольского и золотоордынского периодов¹²⁹. Кувшины с одной-двумя ручками у горловины (рис. 7, 5) близки неполивным городским (Старый Орхей, Костешты) гончарным изделиям Пруто-Днестровского междуоречья середины XIV в.¹³⁰ Кашинская керамика типа «кобальт» известна на Царевском городище¹³¹.

Находки зеркал на могильнике являются редкостью, встречены лишь в двух погребениях. Интерес представляет зеркало, на внутренней стороне которого две окружности в центре, поле занимает

плетенка с изображением голов животных и головы человека в короне (рис. 8, 1), датируемые второй половиной XIII - началом второй половины XIV в. - отдел А, тип 5¹³². Следует отметить, что находки зеркал этого типа в нижнеднепровском регионе не единичны: известны на городище Большие Кучугуры и как находка 1999 г. в полуразрушенном Каховским водохранилищем погребении у с.Балки Васильевского района Запорожской обл. Туалетный набор из копоушек и ногтевистилок (рис. 8, 2) подобен туалетным наборам из погребений Северного Кавказа X-XIII вв.¹³³

Значительный интерес представляют предметы культового назначения - крест-жезл, энколпионы, нательные крестики, киотец, фрагменты керамики с процаррапанными на них крестами. Близкими по форме кресту-жезлу являются железные кресты из В.Джулаты (Северная Осетия), обнаруженные на территории христианской церкви X-XIII вв. Церковь принадлежала аланскоому населению, а кресты датируются началом XIII в.¹³⁴ На могильнике Мамай-Сурка обнаружены также и два энколпиона¹³⁵. По Г.Ф.Корзухиной, такие кресты-складни были распространены в Среднем Поднепровье в середине-второй половине XII в.¹³⁶ А.А.Медынцева датирует такие кресты началом XIII в.¹³⁷ Золотой киотец (часть диадемы?) имеет близкие аналогии среди находок Киевского клада XI-XII вв.¹³⁸ Нательные крестики были широко распространены на значительной территории (в том числе в Болгарах - жилище № 4¹³⁹) и датируются XII-XIV вв.

В более чем 30% захоронений в районе подбородка погребенных были обнаружены фрагменты гончарной (чаще всего амфорной) керамики с процаррапанным крестом на внутренней или внешней стороне (рис. 8, 3). Фрагменты чаще всего имеют треугольную, прямоугольную или пятиугольную формы. Являлась ли керамика элементом погребального обряда, могла ли она указывать на определенную этническую принадлежность или же на ту часть населения, которая пережила эпидемию чумы середины XIV в., еще предстоит выяснить.

Найдки предметов вооружения на грунтовом могильнике Мамай-Сурка представляют большую редкость. Костяное кольцо для стрельбы из лука «монгольским» способом (рис. 8, 4) имеет аналогии среди вещей золотоордынского Азака¹⁴⁰ и Селитренного городища¹⁴¹. Железный черешковый удлиненно-ромбический формы наконечник стрелы (рис. 8, 5), обнаруженный в культурном слое могильника, южно-русского типа XIII-XIV вв.¹⁴²

Исследования памятника продолжаются. Предварительно могильник датирован концом XIII - началом XV в.¹⁴³

Краниологический анализ мужской и женской серий, произведененный Л.В.Литвиновой, показал неоднородный антропологический состав населения, в котором прослеживаются два морфологических типа. Население, оставившее могильник Мамай-Сурка, имеет близкие аналогии со средневековым оседлым населением Нижнего Поднепровья (Каиры и Каменка), близко населению салтово-маяцкой культуры,

аланским сериям Северного Кавказа. Некоторая связь прослеживается с сериями полян, северян, тиверцев могильника из Бранешт¹⁴⁴.

Вблизи грунтового могильника Мамай-Сурка расположен разновременной археологический комплекс Мамай-Гора (рис. 1, 35), исследуемый с 1988 г. археологической экспедицией Запорожского госуниверситета. В разные годы на Мамай-Горе были выявлены погребения поздних кочевников (более 30), часть которых по сопровождающему материалу (вопросовидные серьги, зеркало с концентрическими кругами, ножницы) могут быть отнесены к золотоордынскому периоду. В 2000 г. на территории комплекса был исследован грунтовый могильник XIV в.¹⁴⁵ Интерес представляет погребение № 4, где лобная часть женщины была перекрыта широким фрагментом бересты, выше находилась крупная ажурная позолоченная брошь (бляшка?) с пучком золотых нитей, по технике изготовления близкая бляшкам из Серого Гирса Херсонской обл. и шапки Мономаха¹⁴⁶. У правой руки погребенной обнаружены еще одна брошь (рис. 9, 1), бляшки в виде павлина (рис. 9, 2), трубочка (рис. 9, 3) и зеркало (рис. 9, 4 - Б3 - по Л.Недашковскому и А.Ракушину¹⁴⁷). Этническая принадлежность погребенных грунтового могильника затруднена (монголы, половцы?).

Вопрос о степени заселенности нижнеднепровского региона в разный период решался по разному. Ряд авторов считает, что во второй половине XIII-XIV вв. Нижнее Поднепровье приходит в запустение (как последствия монгольского завоевания). Так, Г.А.Федоров-Давыдов отмечал, что «в XIII-XIV вв. заселение самарского течения Днепра, возможно, шло с юга, из районов р.Молочной, обезлюдевших в XIII-XIV вв., и из степей никопольского течения Днепра. ...в целом в этот период вряд ли были крупные переселения кочевых племен в этот район Нижнего течения Днепра»¹⁴⁸.

Как считает В.А.Чукаева, в результате монголо-татарских нашествий территория Приднепровья к середине XIII в. постепенно запустевает. Половецкое население под давлением монголов частично уходит на Среднюю Волгу к волжским булгарам, и на территорию Галицко-Волынской Руси, а приднепровские земли попадают в состав Джучиева улуса, вследствие чего юго-восточная граница русских княжеств становится посредственной границей Руси и монголо-татарских завоеваний¹⁴⁹. Н.П.Оленковский отмечает, что все известные поселения и городище Олешье прекратили существование во второй половине XIII в. Заселение левобережья Нижнего Днепра не происходило, кочевники использовали преимущественно степные просторы¹⁵⁰.

По мнению В.В.Отрощенко и Ю.Я.Рассамакина, археологические материалы богатого половецкого погребения у с.Замокное свидетельствуют о возвращении части половецких племен, в частности орды Тигака (сына или свояка Котяна), в степь, в так называемую «буферную зону» между южнорусскими и золотоордынскими владениями уже во второй половине XIII в.¹⁵¹ На основе археологических данных некоторые исследователи выделяют «обратную кипчакскую» колонизацию во второй половине XIII-XIV вв. из Крыма представи-

телями орды Бурджоглы на территорию Южного Поднепровья. В.Е.Ильинский указывает, что первый этап колонизации связан с введением мусульманства в Крыму и в основном завершился к периоду хана Узбека. Улусные кочевья располагались в междуречье рек Янчокрак - Карабокрак, долине р.Белозерки, Рогачика, пойме р.Конки. Вторая волна колонизации, связанная с перемещением в нижнеднепровский регион центра мамаевой орды во второй половине XIV в., повлекла за собой включение этого региона в сферу экономических интересов Крыма и создание городков по крымскому образцу и крупных факторий генуэзских колонистов (Тавань, Белозерка). Среди основных археологических памятников этого этапа автор называет Курцемаль, Мамай-Сурку, Каир, Тавань, Тягинку. Этнический состав региона В.Е.Ильинский распределяет следующим образом: носители крымских традиций - 60%, северных территорий - 20%, кочевнический приазовский элемент - 20%. Этот период заканчивается к началу XV в. нашествием Токты и определением границ Великого княжества Литовского по линии Днепра. В последующий, третий период колонизации, в низовьях Днепра культурные влияния крымских колонистов стали преобладающими¹⁵². В другой из своих работ автор констатирует, что основная масса половцев откочевывает в родные края (южный и восточный края Великого Днепровского Луга) после 1312 г. Полное уничтожение орды Бурджоглы завершает хан Мамай в третьей четверти XIV в., заложив свою столицу на их родовых территориях¹⁵³.

Говоря о судьбе оседлого населения в золотоордынский период, А.А.Козловский и В.Е.Ильинский указывают, что в это время наиболее крупные поселения исчезают, однако значительное число небольших поселений не пострадало и продолжало существовать во второй половине XIII - начале XV в.¹⁵⁴

О.Б.Бубенок, разрабатывая вопросы этногенеза тюркоязычных народов в VI-XIII вв. юга Восточной Европы, отмечает, что «оседлое население степей, генетически связанное с потомками алано-болгар бассейна Северского Донца, располагалось и в Нижнем Поднепровье». К числу таких памятников автор относит Каменский и Благовещенский могильники, с которыми следует связывать алан-ясов. О.Б.Бубенок высказал предположение, что степи Днепро-Донецкого междуречья могли являться тем местом, где появился славянский по форме термин - бродник, которым древнерусские летописцы во второй половине XII-начале XIII вв. могли обозначать отличное от кочевников оседлое христианское население степей, представленное с одной стороны потомками алано-болгар, с другой - переселенцами из Южной Руси. Стационарные поселения аборигенов степей здесь продолжали сохраняться вплоть до конца XIV в.¹⁵⁵ Население не только пережило монгольское нашествие, но за период Золотой Орды произошла новая миграция христианского населения в Нижнее Поднепровье из других регионов Улуса Джучи, в том числе из северокавказской Алании. По мнению исследователя, это в значительной степени опровергает тезис о «монголо-татарском иге»¹⁵⁶.

Э.Е.Кравченко на основе анализа керамического комплекса памятников оседлого населения XI-XIV вв. в среднем течении Северского Донца пришел к выводу о вероятности существования в золотоординское время в этом регионе поселений двух культурных типов. Один из них продолжал традицию предшествующего времени (XI-XIII вв.) и представлен материальной культурой оседлого населения степи, в которых большинство исследователей видит потомков алано-болгар, другой же - памятники с собственно золотоординским материалом. По мнению исследователя, сходная ситуация наблюдается в Нижнем Поднепровье и на Нижнем Дону. Часть горшков среднедонецких памятников имеет генетическую связь с керамикой салтово-маяцкой культуры, а также с материалами донских поселений. В целом же, керамический комплекс среднедонецких поселений близок синхронным материалам с памятников Нижнего Поднепровья и Нижнего Дона. Материалы свидетельствуют о многообразии культурных влияний и, вероятно, неоднородном этническом составе населения рассматриваемых памятников¹⁵⁷.

Об отличиях этнокультурного развития левого и правого берегов Днепра констатирует А.П.Безверхий. Исследователь указывает, что наличие крепид в позднекочевнических курганах является одним из характерных их отличий от аналогичных насыпей левого берега Днепра. Правобережные погребения в большинстве являются основными в курганах, что подтверждает предполагаемую датировку не ранее XIII в. Отсутствие коня в большинстве захоронений, по мнению автора, свидетельствует в пользу половецко-золотоординского периода и позволяет датировать их XIII-XIV вв. А.П.Безверхий отмечает более позднее освоение половцами Правобережья и меньшую плотность ее заселения по сравнению с Левобережьем¹⁵⁸.

Вопрос о времени появления золотоординских городов в Нижнем Поднепровье, их местоположение и количество, роль в политической жизни Золотой Орды, решается неоднозначно. На сегодняшний день ряд исследователей выделяет два города в регионе - Большие Кучугуры и Конские воды¹⁵⁹. А.О.Добролюбский и В.Л.Егоров указывают на большое значение Кучугурского городища. Появление города на Кучугурах А.О.Добролюбский объяснял отступлением золотоординцев на восток после поражения от Литвы при Синих Водах в 1362г. Сюда перемещается и ставка Мамая, на что указывают монеты хана Абдуллаха (1362-1369). Мамай находился здесь до гибели в 1367г. «незаконного» хана Булат-Темира. По его мнению, Кучугуры - это Шехр ал-Джедид, а не Старый Орхей в Прутско-Днестровском междуречье¹⁶⁰. В.Л.Егоров относил время существования города к XIV в. Кучугурское городище, возможно, являлось административным центром большой области. Автор также делает предположение, что «Шехр ал-Джедид располагался в районе Нижнего Днепра, и не исключено, что Кучугурское городище можно идентифицировать именно с ним» и что здесь какое-то время находилась ставка Мамая¹⁶¹.

Итоги и перспективы. Подводя итоги краткого обзора, следует констатировать во многих случаях отсутствие надежных археологических данных, которые в значительной степени тормозят изучение золотоордынского периода в Нижнем Поднепровье в полном объеме. Этнополитические события, отраженные в трудах различных авторов, противоречивы. Это касается, прежде всего, вопросов последствий монгольского завоевания для оседлого и кочевого населения края, миграций и наличия на данной территории различных этнических групп и народов (монголов, половцев, аланов, болгар, бродников, славян), взаимоотношения местного населения с завоевателями, этно-культурные отличия правобережных и левобережных памятников Нижнего Поднепровья, наличие и количество золотоордынских городов (время возникновения, название, вопросы чеканки монет) и т.д.

На протяжении последних столетий физическая география Нижнего Поднепровья неоднократно менялась. Особенно это относится к середине 50-х гг. XX в., когда значительная территория Днепровских плавней была затоплена водами Каховского водохранилища. Многие памятники истории и археологии покоятся на дне рукотворного водоема, оставшиеся – разрушаются под действием ударной волны Каховского «моря» и ветровой эрозии. Несмотря на столь плачевное состояние многих археологических объектов, памятники второй половины XIII-XIV вв. опровергают мнение о нижнеднепровском регионе как о «Диком Поле» в этот период. В ряде случаев археологические спасательные работы подтверждают наблюдения этнографов и краеведов о наличии в регионе городищ периода Золотой Орды и открывают широкие перспективы для реконструкции исторических процессов во второй половине XIII-XIV вв. Несмотря на довольно медленное введение в научный оборот материалов, локализация памятников на основе имеющихся археологических и письменных данных уже сегодня позволяет говорить об относительно плотной заселенности Нижнего Поднепровья в золотоордынский период. Особенно это относится ко второй половине XIV в., когда в период «великой замятни» эта территория была подвластна темнику Мамаю.

Хронологическая «пестрота» памятников отображает политические и социально-экономические изменения в Золотой Орде. Так, в раннезолотоордынский период отмечается уменьшение количества памятников оседлого населения и миграция кочевников на территорию Киевской Руси, Венгрии, в Крым. В тоже время, уже в 40-60-х гг. XIII в. наблюдается инфильтрация части половецкого населения, в том числе и кочевой верхушки, обратно в родные степи (захоронение «Чингульского хана»). В этот же период, вероятно, наблюдается возвращение оседлого населения, этнически неоднородного. Это логическое заключение вытекает из факта малочисленности монголов, которым необходимо было не только восстановить прежний уклад жизни оседлого и кочевого населения, но и увеличить его потенциал политико-экономическими мерами для получения большей дани. О значении региона говорит тот факт, что один из сухопутных путей,

возможно, проходил в XIV в. из Азака через Каменный Затон в Западную Европу¹⁶². Другими важными сухопутными путями оставались «Соляной» и «Залозный». Упоминаемый впервые в Ипатьевской летописи под 1170 г. Соляной путь продолжал функционировать и в золотоордынский период. Начинаясь у Крымских соляных озер, он шел к Днепру (на Каюковку). Затем путь продолжался вдоль левого берега Днепра до переправы у Никитина Рога (напротив Каменного Затона), а затем по правому берегу, сливаясь с общим направлением днепровских путей на север¹⁶³. О функционировании и значении Соляного пути в середине XIII в. упоминает Г.Рубрук: «... с этих солончаков Бату и Сартах получают большие доходы, так как со всей Руссии ездят туда за солью...»¹⁶⁴. По мнению К.В.Кудряшова, путь через Никитин Рог был кратчайшим для Среднего Поднепровья. Этот путь проходил через нынешние селения Большую (Великую) Знаменку и Верхний Рогачик, а далее, в южном направлении через Кызыкерменскую переправу у Каюковки¹⁶⁵. Подтверждением существования этой переправы в период Золотой Орды являются находки кирпичных зданий на территории Знаменского городища с культурным слоем XIV в., исследование остатков здания золотоордынского периода и находки джучидских, генуэзских и польских монет в районе Каменного Затона. Соляной путь не утратил своего значения и в XVII-XIX вв., где он выступает под названием Микитинского (Никитинского) шляха.

Залозный путь, по мнению К.В.Кудряшова, уходя от Киева на юго-восток, отдался от Днепра в районе Канева, направляясь за «Лозы», расположенные на восток от Днепровской Луки, выходя затем к устью Кальмиуса или Дона и выводил к Азовскому морю и далее в Тмураакань¹⁶⁶. Локализация отдельных степных кладов золотоордынского периода (Екатеринославский) и остатков «руин» на р. Конке может косвенно указывать на функционирование Залозного пути в середине XIII-XIV вв. В более поздний период, на участке «за Лозами», с Залозным частично совпадал Муравский шлях¹⁶⁷.

К концу XIII в. наблюдается некоторая деструктивная ситуация, связанная с усилением Ногая и возникновением двоевластия в Золотой Орде. Лишь к началу XIV в., с приходом к власти Узбека, политическая обстановка в нижнеднепровском регионе стабилизируется. Введение ислама Узбек-ханом и бурный рост градостроительства при нем и при его приемнике Джанибеке, коснулись и Нижнего Поднепровья. Этому способствовало расширение границ Золотой Орды на западе, в Прuto-Днестровском междуречье. Немаловажную роль сыграла и веротерпимость монголов к другим религиозным конфессиям. По-видимому, уже в первой половине XIV в. на Нижнем Днепре начинается возведение городов «восточного типа», а также усиление экономических контактов с Крымом и районами золотоордынского Поволжья. Происходит увеличение числа оседлого населения, которое постепенно приспосабливается к завоевателям. Вероятно, именно в этот период происходят крупные миграции на Нижний

Днепр алан Северного Кавказа и части городского населения Поволжья. Размеры отдельных некрополей (в частности грунтового монгольника Мамай-Сурка) позволяют говорить о динамике демографических процессов в Нижнем Поднепровье в этот период. Монгольское нашествие нарушило и изменило традиционное направление связей региона, включив его в состав Золотой Орды. Однако, в XIV в. происходит восстановление и даже рост площадей поселений, рост их экономического уровня. Отсутствие воинской атрибутики на поселениях, их неукрепленный характер свидетельствуют о мирных отношениях населения региона с золотоордынскими властями или о подчинении последним. Так или иначе, здесь следует говорить, скорее всего, о взаимных интересах обоих сторон.

О включении Нижнего Поднепровья в сферу товарно-денежных отношений Золотой Орды свидетельствуют находки джучидских монет на памятниках региона. Локализация и датировка кладов позволяет не только объективнее понять многие бурные события XIV в. (большинство кладов датируется именно этим временем), но и указать на существование торговых путей. Однако при рассмотрении местоположения находок отдельных кладов приходится признать некоторые ошибки. Так, локализовать Екатеринославский клад следует не у Днепра, а на р.Гайчур, так как местные жители нашли монетный клад на курганах, носивших название «Гайчурские». Все это вносит определенные поправки и требует отдельного исследования.

Расцвет городской культуры сменился во второй половине XIV в. упадком Золотой Орды. Этот процесс выразился, прежде всего, в том, что золотоордынское государство начинает терять окраинные улусы. Внутриполитическими распрями в Орде воспользовалось Великое княжество Литовское, еще в 20-х гг. XIV в. приступившее к «собиранию русских земель». Потеря земель в Прuto-Днестровском междуречье, поражение в 1362 г. в битве при Синих Водах, привели к тому, что Днепр становится западной границей ордынских владений. Происходило ли в это строительство новых «городков» неизвестно. А.О.Добролюбский и В.Л.Егоров указывают, что городище Большие Кучугуры некоторое время было резиденцией Мамая. Возможно, в это время наблюдается «вторая жизнь» городища, что связано с миграцией части населения Крымского улуса Мамая в нижнеднепровский регион. К сожалению, отсутствие полной публикации материалов городища не может пока указать на наличие здесь одного или более строительных горизонтов.

Концентрация вокруг городища Большие Кучугуры ряда синхронных памятников (сс.В.Криница, Каменское, Приморское, Орехово и Кирово), которые носят прищий характер и имеют яркую «крымскую и поволжскую окраску», указывают на определенный центр золотоордынских владений. Об этом свидетельствует своеобразный керамический комплекс и обряд захоронения с каменными закладами. Маркируют ли они территорию центра владений Мамая в 60-80х гг. XIV в., утвердительно сказать пока нельзя. Поэтому, одной из

главных задач должна стать публикация всех исследований на городище Большие Кучугуры. В этом направлении в последние годы ведется интенсивная работа. В ближайшее время должны выйти статьи по зеркалам (З.Х.Попандопуло) и керамическому комплексу (И.Р.Тихомолова) Кучугурского городища. Проводится обработка нумизматической коллекции, которая была собрана в разные годы в границах Запорожской обл., в том числе и на городище Большие Кучугуры.

Вторым перспективным районом является территория, прилегающая к населенным пунктам Капуловка - В.Знаменка – Каменка-Днепровская. Здесь концентрируется значительное число памятников золотоордынского периода. Важную роль играет дальнейшее исследование могильника Мамай-Сурка, вещественный комплекс которого указывает, скорее всего, на городское население (или округу города) и резко отличается от находок синхронных могильников (Кири, Каменка, Благовещенка). Так, в 2001 г. от жителя с.В.Знаменка поступило сообщение о находке плитки с куфической надписью. Он же рассказал об остатках какого-то фундамента на территории поселка. Являются ли эти и другие свидетельства (легенда о городе Белозерка) подтверждением того, что здесь находилось значительное скопление каменных строений, покажут дальнейшие исследования.

На сегодня издана часть материалов грунтового могильника Мамай-Сурка¹⁶⁸. Исследования этого памятника продолжаются, но планируется введение в научный оборот всего материала некрополя. Наряду с ним будут опубликованы и результаты работ на грунтовом могильнике XIV в. из археологического комплекса Мамай-Гора. По предварительному заключению, эти погребения могут принадлежать монголам или половцам, что требует дальнейших разработок. Концентрация джучидских монет на участке Таванская переправа – Великий Потемкинский остров может свидетельствовать о немаловажном значении этого участка золотоордынских владений в торговых связях этого периода.

Наличие подобных памятников является подтверждением активных контактов обитателей региона с золотоордынским Поволжьем и Русью, завязывая целый пласт разрозненных «экзотических» для края материалов в единую систему, позволяя понимать причины их распространения в широком историко-культурном контексте золотоордынской эпохи. Уже на сегодня можно с уверенностью сказать, что Нижнее Поднепровье входило в западный локальный вариант степной золотоордынской культуры.

Примечания:

¹ *Болтрик Ю.В.* Сухопутные коммуникации Скифии (по материалам новостроек исследований от Приазовья до Днепра) // СА. — 1990. — № 4. — С.30-44.

² *Ляссома Э.* Мемуары, относящиеся к истории Южной России. — Киев, 1890. — Вып. 1. — С.184.

³ *Боплан Г.Л. де.* Опис України. — Київ-Кембрідж, 1990. — С.44.

- ⁴ Книга Большому Чертежу. — М.; Л., 1960. — С.61, 110-111.
- ⁵ Мурзакевич Н. Список со статейного списка Василия Михайловича сына Тяпкина // ЗООИД. — Одесса, 1850. — Т. 2. — С.572.
- ⁶ Бойко А.В. Археологічні старожитності Великого Лугу в джерелах XVIII століття // Археологічний вестник. — Запорожье, 1992. — № 3. — С.42-44.
- ⁷ Тунманн. Крымское ханство. — Симферополь, 1990. — С.44.
- ⁸ Скальковский А.А. Поездка по запорожским уроцищам // ЖМВД. — СПб, 1846. — Ч. 13. — С.68; Мишецкий С.И. История о казаках запорожских... — Одесса, 1852. — С.61-62; Афанасьев-Чужбинский А.С. Поездка в Южную Россию. — СПб, 1863. — Вып. 1. — С.358-359; Вертильяк Н. Описание Белозерского городка. — ЗООИД. — Одесса, 1858. — Т. IV. — С.143.
- ⁹ Эварницкий Д.И. Вольности запорожских казаков. — СПб, 1898. — С.168; Он же. Запорожье в остатках старины и преданиях народа. — К., 1995. — Ч. I-II — С.331-332.
- ¹⁰ Мишецкий С.И. — Указ.соч. — С.163.
- ¹¹ Кащенко А. Оповідання про славне військо Запорозьке низове. — Дніпропетровськ: Січ, 1991. — С.405; Он же. Великий Луг Запорожський. — Катеринослав, 1917. — С.416.
- ¹² Таврическая епархия. — Псков, 1887. — С.461.
- ¹³ Ляскоронский В. Русские походы в степи в удельно-вечевое время и поход Витовта на татар 1399 г. — СПб, 1907. — С.87.
- ¹⁴ Савельев П.С. Монеты Джучидов, Джагатаидов, Джелаиридов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша. — СПб, 1857. — Вып. II, ч. III — С.203-376.
- ¹⁵ Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР. — М., 1962. — САИ Е 4-4. — С.31.
- ¹⁶ Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // НЭ. — 1960. — Т. I. — С.165.
- ¹⁷ Он же. Золотая Орда и Монгольский Иран // Вестник Московского университета. — 1978. — № 6. — С.31.
- ¹⁸ Он же. Клады джучидских монет... — С.130, рис. 5.
- ¹⁹ Кушева-Гродзевская А. Золотоордынские древности Государственного Исторического музея. — Саратов, 1928. — С.19.
- ²⁰ Самоквасов Д.Я. Могилы русской земли. — М., 1908. — С.41.
- ²¹ Он же. Могильные древности Александровского уезда Екатеринославской губернии // Труды VI АС. — Одесса, 1886. — Т. I. — С.206.
- ²² Спицын А. К вопросу о Мономаховой Шапке // Записки отделения русской и славянской археологии императорского русского археологического общества. — СПб, 1906. — Т. VIII. — Вып.1. — С.167-169, 172, 174, рис.15, 35-37, 61, 64-66, 68.
- ²³ Новицкий Я.П. Народная память о Запорожье: Предания и рассказы, собранные в Екатеринославщине. 1875-1905 гг. — Рига: Спридитис, 1990. — С.58-59, 66-67.
- ²⁴ Терещенко А. Очерки Новороссийского края. — СПб, 1854.
- ²⁵ Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре. — МИА. — 1954. — № 36. — С.42.
- ²⁶ Эварницкий Д.И. Раскопки курганов у деревни Вороной // Киевская старина. — 1885. — Вып. VIII. — С.732.
- ²⁷ Он же. Вольности запорожских казаков. — СПб, 1898 — С.158, 167.
- ²⁸ Там же. — С.168; Он же. Запорожье в остатках старины... — С.298, 332.

- ²⁹ *Он же.* Раскопки курганов в пределах Екатеринославской губернии // Труды XIII АС. — М., 1907. — Т. 1. — С.117.
- ³⁰ Гошкевич В.И. Летопись музея за 1909, 1910 и 1911 гг. — Херсон, 1912. — Вып. 2. — С.27-28, 36, 39-40.
- ³¹ *Он же.* Летопись музея за 1912 год. — Херсон, 1914. — Вып. 4. — С.15-16.
- ³² *Он же.* Летопись музея за 1913 год. — Херсон, 1915. — Вып.5. — С.7-8.
- ³³ *Он же.* Херсонский городской музей: Летопись музея за 1914 г. — Херсон, 1916. — С.2-11.
- ³⁴ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. — М., 1985. — С.85-86.
- ³⁵ Добровольський А. Сліди перебування слав'ян XII-XIIIст. ст. у Надпорожжі // АП УРСР. — 1949. — Т. I. -С.94.
- ³⁶ Граков Б.Н. Указ. соч. — С.42.
- ³⁷ Там же. — С.154.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. — Казань, 1996. — С.234-235, рис. 75, 7.
- ⁴⁰ Недашковский Л., Ракушин А. Бронзовые зеркала второй половины XIV вв. из музеев Саратовской области // ТА. — Казань, 1998. — № 2 (3). — С.89, 107, рис. 3, 11.
- ⁴¹ Граков Б.Н. Указ. соч. — С.39, рис. 6; 42.
- ⁴² Погребова Н.Н. Средневековые памятники на скифских городищах Нижнего Днепра // КСИА. — 1962. — Вып. 89. — С.15-21.
- ⁴³ Там же. — С.15-21.
- ⁴⁴ Недашковский Л., Ракушин А. Указ. соч. — С.90, рис. 1, 4.
- ⁴⁵ Граков Б.Н. Указ. соч. — С.56, сноска 1, 2.
- ⁴⁶ Сымонович Э.А. Погребения X-XI вв. Каменского могильника // КСИИМК. - 1956. - Вып. 65. — С.99-106; *Он же.* Памятники позднекочевнического времени в Поднепровье // КСИА. — 1960. — Вып. 81. — С.108-111.
- ⁴⁷ Кондукторова Т.С. Палеоантропологические материалы из средневекового Каменского могильника // Советская антропология. - 1957. - № 1. — С.56-57.
- ⁴⁸ Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. - 1958. - № 62. — С.185.
- ⁴⁹ Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. — М., 1966. — С.201.
- ⁵⁰ Рутківська Л.М. Пам'ятки кочових племен Степового Подніпров'я // Археологія Української РСР. — Київ, 1975. — С.440.
- ⁵¹ Козловський А.О. Історико-культурний розвиток Південного Подніпров'я в IX-XIV ст. - Київ, 1992. — С.120.
- ⁵² Бубенок О.Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI-начало XIIIв.). — Киев, 1997. — С.102.
- ⁵³ Махно Е.В. Розкопки могильника і поселення поблизу с.Каїри // АП УРСР. - 1961. - Т. X. - С.131-155.
- ⁵⁴ Зіневич Г.П. Матеріали до вивчення антропологічних особливостей черепів з Каїрського могильника XI-XIII ст. // Матеріали з антропології України. — 1960. — Вип. 1. — С.98-102; *Он же.* Очерки палеоантропологии Украины. — Киев, 1976. — С.153-158.
- ⁵⁵ Махно Е.В. Указ. соч. — С.146.

- ⁵⁶ Козловський А.О. Указ. соч. — С.121, 159-162.
- ⁵⁷ Бубенок О.Б. О происхождении могильника XIII в. у с.Каиры Херсонской области // МАИЭТ. — 1998. — Т. VI. — С.659.
- ⁵⁸ Эварницкий Д.И. Вольности казаков запорожских... — С.169.
- ⁵⁹ Шевчук С.П. До історії дослідження золотоординських поселень на Запоріжжі // Запорозьке козацтво в пам'ятках історії та культури. Матеріали конференції. — Запоріжжя, 1997. — С.82.
- ⁶⁰ Довженок В.І. Татарське місто на Ніжньому Дніпрі часів пізнього середньовіччя // АП УРСР. — 1961. — Т. X. — С.175-193.
- ⁶¹ Шовкун В.М. Монеты открывают название // Археологические поиски (маш. текст). — Запорожье, 1972. - Бюллетень I. — С.31-34.
- ⁶² Шаповалов Г.И., Борисов В.Е. Работы на средневековом городище Большие Кучугуры // АО 1977. — М., 1978. — С.398-399.
- ⁶³ Попандопуло З.Х., Тихомолова И.Р. Исследования Запорожского краеведческого музея // АО 1981. — М., 1983. — С.308-309.
- ⁶⁴ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды... — С.84-85; Добровольский А.О. О наименовании Кучугурского городища в 60х гг. XIV в. // Международные связи в средневековой Европе. — Запорожье, 1988. — С.51.
- ⁶⁵ Зиливинская Э.Д. Золотоординская баня на Кучугурском городище // Международные связи в средневековой Европе. — Запорожье, 1988. — С.53-54.
- ⁶⁶ Тихомолова И.Р. Китайские селадоны городища Большие Кучугуры // Международные связи в Средневековой Европе. — Запорожье, 1991. — С.18-19.
- ⁶⁷ Попандопуло З.Х., Тихомолова И.Р. Альбарелло из раскопок городища Большие Кучугуры // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Тезисы докладов конференции. - Симферополь, 1998. - С.185.
- ⁶⁸ Бодянский А.В. О славянах эпохи Киевской Руси в Надпорожье и Нижнем Днепре (Краткая заметка) // Археологические поиски (маш. текст). — Запорожье, 1972. — Бюллетень I. — С.26.
- ⁶⁹ Сміленко А.Т. Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї /І-ХІІІ ст./ — Київ, 1975. — С.161.
- ⁷⁰ Бодянський О.В. Археологічні пам'ятки Запорізької та Дніпропетровської областей, які зруйновані або руйнуються водами озера ім. В.І.Леніна та Каховського водосховища // НА ІА НАН України. 1977/89. — Пункт 8.
- ⁷¹ Он же. О славянах эпохи Киевской Руси.... — С.27.
- ⁷² Шапошникова О.Г., Бодянський О.В., Щепинський А.О. Звіт за 1957 р. // НА ІА НАН України. — 1957/106. — С.47.
- ⁷³ Сміленко А.Т. Раскопки на Нижнем Днепре // АО 1979г. — М., 1980. — С.339.
- ⁷⁴ Козловський А.О. Указ. соч. — С.160.
- ⁷⁵ Благовещенский Ю.И., Плешивенко А.Г., Попандопуло З.Х., Тихомолова И.Р. Работы областного краеведческого музея в 1990 г. // Вестник краеведа. — Запорожье, 1991. — № 2. — С.8.
- ⁷⁶ Попандопуло З.Х., Тихомолова И.Р., Олейник А.Л. Исследования Запорожского краеведческого музея // Вестник краеведа. — Запорожье, 1992. — № 3. — С.39-40.
- ⁷⁷ Бодянский А.В. О славянах эпохи Киевской Руси... — С.26.
- ⁷⁸ Археологические материалы, собранные А.В.Бодянским во время разведок на берегах Каховского водохранилища в 1957 г. и в Надпорожье в

- 1958 г. — Архив ЗКМ. — папка 11. — С.1-18.
- ⁷⁹ Сымонович Э.А. Раскопки могильника у овчарни совхоза Приднепровского на Нижнем Днепре // Черняховская культура. — М., 1960. — С.192-238.
- ⁸⁰ Ольговский С.Я., Полин С.В. Курганская группа «Острия Могила» // Курганы южной Херсонщины. — Киев: Наукова думка, 1977. — С.42-44.
- ⁸¹ Шевченко Т.К. Звіт про роботу Хортицької археологічної експедиції 1976 р. // НА ІА НАН України. — 1976/137, ф.е. 8268-8270; Казачек Н.Л. Некоторые аспекты формирования комплексов археологических памятников на о.Хортица // Вестник краеведа. — Запорожье, 1990. — № 1. — С.16.
- ⁸² Ляшко С.Н., Отрощенко В.В. Балковский курган // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. — К., 1988. — С.42-63.
- ⁸³ Савовский И.П. Материалы в районе с.Балки Запорожской области (Златополь-Благовещенка). // НА ІА НАН України. — 1973/7г., ф/з 6362. — п.11.
- ⁸⁴ Попандопуло З.Х. Первомайский курганный могильник у с.Приморское // ДСПК. — Запорожье, 1992. — Т. III. — С.83, 97.
- ⁸⁵ Тихомолова И.Р. Поселение и могильник XIV в. у с.Верхняя Криница // ДСПК. — Запорожье, 1997. — Т. VI. — С.5-9.
- ⁸⁶ Отрощенко В.В. Раскопки курганов в Запорожской области // АО 1981 г. — М., 1983. — С.301-302.
- ⁸⁷ Отрощенко В.В., Рассамакін Ю.Я. Половецький комплекс Чингульского кургану // Археологія. — Вип.53. — с.14-36; Отрощенко В.В., Вовк Т.А. Золотоординський період в історії половців // Етноси України. — Київ, 2000. — С.86.
- ⁸⁸ Кубышев А.И. Новые погребения средневековых кочевников XI-XIII вв. в Степном Присивашье // Международные связи в средневековой Европе. — Запорожье, 1988. — С.44-46; Куприй Н.М. Погребение знатного половецкого воина на берегу Утлюкского лимана // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. — Луганск, 1990. — С.142-144; Толочко П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. — К., 1999. — С. 118-120, 187-192.
- ⁸⁹ Тихомолова И.Р. Курганный могильник у с.Каменское // ДСПК. — Запорожье, 1992. — Вып. III. — С.80.
- ⁹⁰ Буйських С.Б., Ієвлев М.М. Про осіле населення понизь Дніпра та Південного Бугу у X-XIII ст. // Археологія. — 1991. — № 4. — С.99.
- ⁹¹ Ратнер І.Д. Довідник з археології України: Херсонська область. — Київ, 1984. — С.95.
- ⁹² Безверхий А.П. Средневековые кочевые памятники Правобережья Днепра (по материалам экспедиции ДГУ) // ПАП. — Днепропетровск, 1991. — С.122-124.
- ⁹³ Козловский А.О., Йлінський В.С. Звіт про дослідження на Кам'янській Січі у 1989 р. // НА ДІКЗ, №39. — С.12-14.
- ⁹⁴ Козловский А.О. Историко-культурный развиток... — С.122.
- ⁹⁵ Ильинский В.Е. Городище на о.Хортица // Вестник краеведа. — Запорожье, 1991. — № 2. — С.16-17; Ильинский В.Е., Козловский А.А. Золотоординское поселение на о.Хортица // ДСПК. — Запорожье, 1993. — Вып. IV. — С.250-263.
- ⁹⁶ Ильинский В.Е., Бодянский А.В. Археологические разведки на о.Байда (Канцеровский) // Вестник краеведа. — Запорожье, 1991. — № 2. — С.18; Ильинский В.Е., Пустовалов С.Ж. Работы на о.Байда // Археологический вестник. — Запорожье, 1992. — № 3. — С.20.
- ⁹⁷ Пустовалов С.Ж. Острів Мала Хортіця (Байды) - місце розташування першої Запо-

- розв'ої Січі // Етноси України. — Київ, 2000. — С.92-93.
- ⁹⁸ Тихомолова И.Р. Отчет об охранных исследованиях в Каменско-Днепровском и Васильевском районах Запорожской области в 1990 г. // Архив ЗКМ - Д.2457. — С.24-29; Попандопуло З.Х. Отчет об охранных исследованиях в Васильевском и Ореховском районах Запорожской области в 1990г. // Архив ЗКМ. - Д.2935 (1-2). — С.5-6.
- ⁹⁹ Попандопуло З.Х. Отчет об охранных исследованиях в Васильевском и Ореховском районах... — С.6-8; Попандопуло З.Х., Олейник А.Л. Отчет о разведках в Ореховском районе в 1990 г. // Архив ЗКМ. - Д.2861 (1-2). — С.5-8.
- ¹⁰⁰ Фоменко В. Звідки ця назва? — Дніпропетровськ, 1969. — С.58-59, 101.
- ¹⁰¹ Он же. Кешени, ошибочно названные мечетями // Архив ЗКМ. — Д. 2457. — С.5-8.
- ¹⁰² Благовещенский Ю.И. Отчет об охранных археологических раскопках древнерусского поселения 12-14 вв. и черняховского времени в ур. Портмашево Запорожского района Запорожской области в 1992 г. // НА ИА НАН Украины. — 1992/163, ф.е. 25130. — С.9.
- ¹⁰³ Махнева О.А. О плитовых могильниках средневекового Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. — Киев: Наукова думка, 1968. — С.158-159,163, рис. 9.14.
- ¹⁰⁴ Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки Нового Сарая в 1959-1962гг. // СА. — 1964. — № 1. — С.261-262, рис. 10.2.
- ¹⁰⁵ Абызова Е.Н., Бырня П.П. Археологические работы в Старом Орхее // Археологические исследования в Молдавии (1974-1976 гг.). — Кишинев, 1981. — С.168-169, рис. 2.5; Бырня П.П., Рябой Т.Ф. О некоторых ювелирных изделиях из Старого Орхея // Памятники древнейшего искусства на территории Молдавии. — Кишинев, 1988. — С.98.
- ¹⁰⁶ Мамонтов В.И. Курганный могильник Зубовка // Древности Волго-Донских степей. — Волгоград, 1992. — С.36, рис. 9. 26.
- ¹⁰⁷ Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. — М., 1991. — С.21-62.
- ¹⁰⁸ Артамонова О.А. Могильник Саркела-Белой Вежи // МИА. — М., 1963. — № 109. — С.62.
- ¹⁰⁹ Макарова Т.И. Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи // СА. — 1982. — № 4. — С.104, рис.9; Она же. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. — 1998. — Вып. VI. — С.374, рис. 18.
- ¹¹⁰ Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы... — С.182.
- ¹¹¹ Полякова Г.Ф. Указ. соч. — С.173, рис. 61, 16-33.
- ¹¹² Вълов Въло. Новите разкопки на църквата «Св. четиридесет мъченици» във Велико Търново // Археология. — София, 1974. — Год. XV. — К. 2. — С.51, обр. 18.a.
- ¹¹³ Спицын А.А. Указ. соч. — С.181, рис. 63.
- ¹¹⁴ Полякова Г.Ф. Указ. соч. — С.181-182, рис. 62, 3,8.
- ¹¹⁵ Федоров-Давыдов Г.А. Браслет с надписью с Селитренного городища // СА. - 1978. - №2. - С.287, рис. 3.
- ¹¹⁶ Там же.
- ¹¹⁷ Спицын А.А. Указ. соч. — С.181, рис. 63.
- ¹¹⁸ Мальм В.М. Симферопольский клад. — М. (без года).
- ¹¹⁹ Корпусова В.М. Про колекцію середньовічних тканин з некрополя Золоте // Археология. — Кийв, 1995. — № 1. — С.145; Орлов Р.С. Из истории сельского населения Керченского полуострова в XIII-XIV вв. // Памятники древних культур Северного Причерноморья. — Кийв, 1979. — С.116.

- ¹²⁰ Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи... — С.374.
- ¹²¹ Ельников М.В., Локарев С.К. Золотоордынские монеты из могильника Мамай-Сурка // Нова парадигма. — Запоріжжя, 1995. — Вип. 5. — С.63-70.
- ¹²² Кузьмин В.Н. Погребения салтово-маяцкой культуры из могильника Отрадное // Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. — Азов, 1990. — Вып. 9. — С.94.
- ¹²³ Перевозчиков В.И. Итоги раскопок 1-й Азовской археологической экспедиции // Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. — Азов, 1990. — Вып. 9. — С.25.
- ¹²⁴ Там же. — С.27.
- ¹²⁵ Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки Нового Карайа... — С.268, рис. 15.4.
- ¹²⁶ Евлевский А.В., Потемкина Т.М. Кресала в позднекочевнических погребениях Восточной Европы // Труды по археологии. Степи Европы в эпоху средневековья. — Донецк, 2000. — Т. 1. — С.186-187.
- ¹²⁷ Волков И.В. О происхождении амфор из золотоордынских памятников Северного Причерноморья // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья: Тезисы докладов. Часть II. История. - Белгород-Днестровский, 1990. — С.79-80; Якобсон А.Л. Средневековые амфоры северного Причерноморья (Опыт хронологической классификации) // СА. — 1951. — Т. XV. — С.340-341.
- ¹²⁸ Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки Нового Карайа... — С.263, рис. 11. 1.4.
- ¹²⁹ Фахрутдинов Р.Г. Новые археологические памятники Волжской Булгарии // СА. — 1978. — № 1. — С.223, рис. 4.
- ¹³⁰ Полевой Л.Л. Археологические материалы к истории Молдавии XIV в. // СА. — 1965. — № 3. — С.77, рис. 9.
- ¹³¹ Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки Нового Карайа... — С.265, рис. 13.5.
- ¹³² Недашковский Л., Ракушин А. Указ. соч. — С.87-88.
- ¹³³ Ковалевская В.Б. Северный Кавказ в X-XIII вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. — М., 1981. — С.227.
- ¹³⁴ Кузнецов В.А., Милорадович О.В. Археологические исследования в Северной Осетии // КСИА. — 1961. — Вып. 86. — С.95, 97, рис.39.1.
- ¹³⁵ Ельников М.В. О предметах с христианской символикой в погребениях могильника Мамай-Сурка // АлЛУ. — Полтава, 1999. — Ч. 2. — С.49, рис.1.2.
- ¹³⁶ Корзухина Г.Ф. О памятниках «корсунского дела» на Руси // Византийский временник. — 1958. — Т.XIV. - С.133. — Табл. III, 3.
- ¹³⁷ Медынцева А.А. О датировке некоторых типов энколпионов // Археологический сборник МГУ. — М., 1967. — С.IV, 5.
- ¹³⁸ Ельников М.В. О предметах с христианской символикой... — С.50.
- ¹³⁹ Хлебникова Т.А. Древнерусское поселение в Болгарах // КСИИМК. — 1956. — Вып. 62. — С.146, рис. 52.2.
- ¹⁴⁰ Волков И.В. Атрибуция нескольких вещей из золотоордынского Азака // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. — М., 1991. — С.182, рис. 1.
- ¹⁴¹ Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М. Керамическая мастерская Селищренского грошища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. — М., 1989. — С.217, 219, рис. 30.4.
- ¹⁴² Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село. — М., 1985. — Таблица 140, вид 69, рис. 13.
- ¹⁴³ Ельников М.В. Средневековый могильник Мамай-Сурка в Нижнем Поднепровье // АлЛУ. — Полтава, 2000. — Ч. 1-2. — С.52.
- ¹⁴⁴ Литвинова Л.В. Население Нижнего Поднепровья в XIII-XIV вв. (по

- материалам могильника Мамай-Сурка) // Труды по археологии. Степи Европы в эпоху средневековья. — Донецк, 2000. — Т. 1. — С.377.
- ¹⁴⁵ *Андрух С.И., Ельников М.В., Тощев Г.Н.* Раскопки на могильнике Мамай-Гора // Археологічні відкриття в Україні 1999-2000 рр. — Київ, 2001. — С.68-69.
- ¹⁴⁶ *Спицын А.А..* Указ. соч. — С.176, рис. 37.
- ¹⁴⁷ *Недашковский Л., Ракушин А.* Указ. соч. — С.89.
- ¹⁴⁸ *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы... — С.153.
- ¹⁴⁹ *Чукаева В.А.* Приднепровье во взаимоотношениях Руси и Степи в XII-I пол. XIII вв. (историко-географический обзор) // Вестник краеведа. — Запорожье, 1991. — № 2. — С.34.
- ¹⁵⁰ *Оленковский М.* Про деякі історичні, політичні й економічні передумови виникнення запорозького козацтва // Археологічні дослідження пам'яток українського козацтва. — Київ, 1993. — С.16.
- ¹⁵¹ *Отрощенко В.В., Рассамакин Ю.Я.* Взаимоотношения Руси с половцами в период формирования Золотой Орды (40-60е гг. XIIIв.) // Международные связи в средневековой Европе: Тезисы докладов. — Запорожье, 1988. — С.40.
- ¹⁵² *Ильинский В.Е.* Дикое Поле в XIII-XVI вв. (в связи с северной политикой Крыма) // Проблемы истории Крыма: Тезисы докладов. — Симферополь, 1991. — Вып. 2. — С.27-28.
- ¹⁵³ *Он же.* К вопросу о половецких династиях (История Запорожского края в дооктябрьский период): Тезисы конференции. — Запорожье, 1991. — С.13.
- ¹⁵⁴ *Козловский А.О., Ильинский В.С.* Козацькі старожитності пониззя Дніпра // Археология. — 1991. — № 4. — С.43.
- ¹⁵⁵ *Бубенок О.Б.* Аланы и этногенез тюркоязычных народов Северного Причерноморья (VI-XIII вв.) // Этноси Украины. — Київ, 2000. — С.69-73.
- ¹⁵⁶ *Он же.* Пощирення християнства серед аланів Північного Причорномор'я. — Київ, 2001. — 2000. — № 1 — С.31.
- ¹⁵⁷ *Кравченко Э.Е.* Памятники оседлого населения XI-XIV вв. в среднем течении Северского Донца // Труды по археологии. Степи Евразии в эпоху средневековья. — Донецк, 2000. — Т. 1. — С.96-98.
- ¹⁵⁸ *Безверхий А.П.* Средневековые кочевые памятники Правобережья Днепра (по материалам экспедиций ДГУ) // ПАП. — Днепропетровск, 1991. — С.129.
- ¹⁵⁹ *Егоров В.Л.* География городов Золотой Орды // СА. — 1977. — № 1. — С.121.
- ¹⁶⁰ *Добролюбский А.О.* Указ. соч. — С.51-52.
- ¹⁶¹ *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды... — С.85.
- ¹⁶² *Там же.* — Карта 2.
- ¹⁶³ *Кудряшов К.В.* Половецкая Степь. — М., 1948. — С.145.
- ¹⁶⁴ *Путешествия в восточные страны* Плано Карпини и Рубрука. — М., 1957. — С.90.
- ¹⁶⁵ *Кудряшов К.В.* Указ. соч. — С.106.
- ¹⁶⁶ *Там же.* — С.145.
- ¹⁶⁷ *Там же.* — С.108.
- ¹⁶⁸ *Ельников М.В.* Средневековый могильник Мамай-Сурка. — Запорожье, 2001. — Т. I.

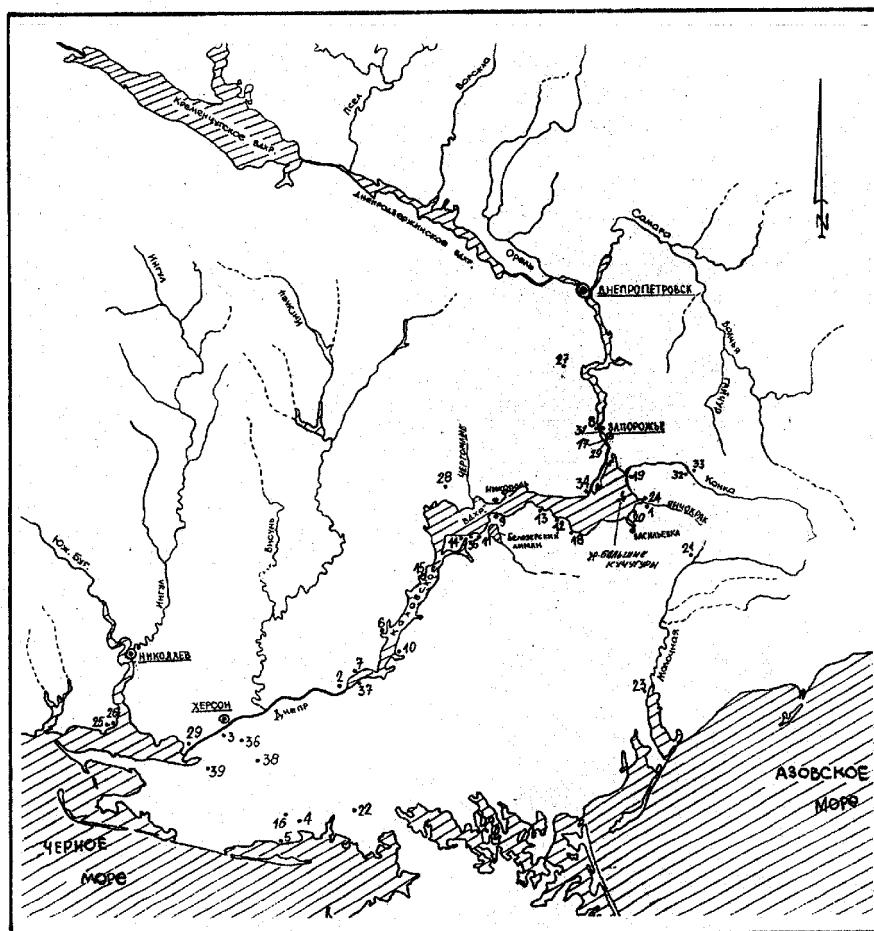


Рис. 1. Памятники периода Золотой Орды Нижнего Поднепровья.

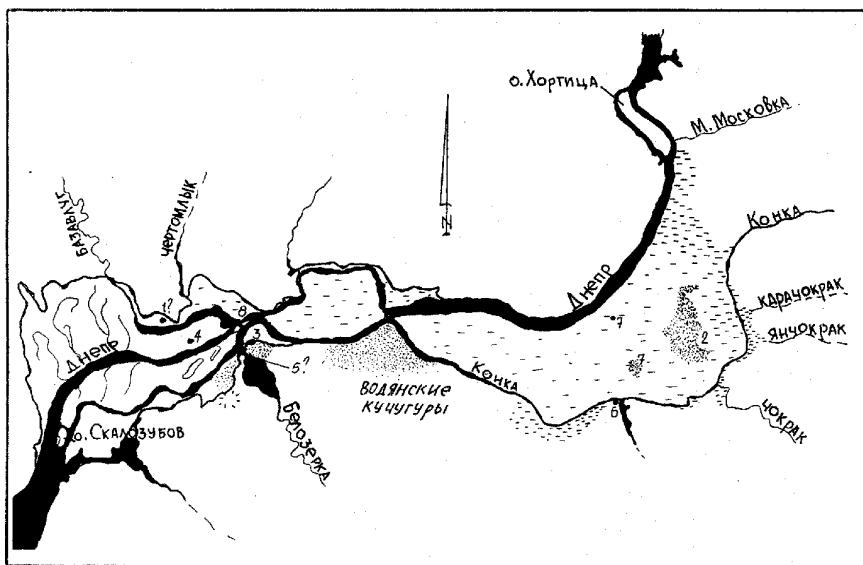


Рис. 2. Карта-схема остатков каменных строений периода Золотой Орды на Великом Лугу.

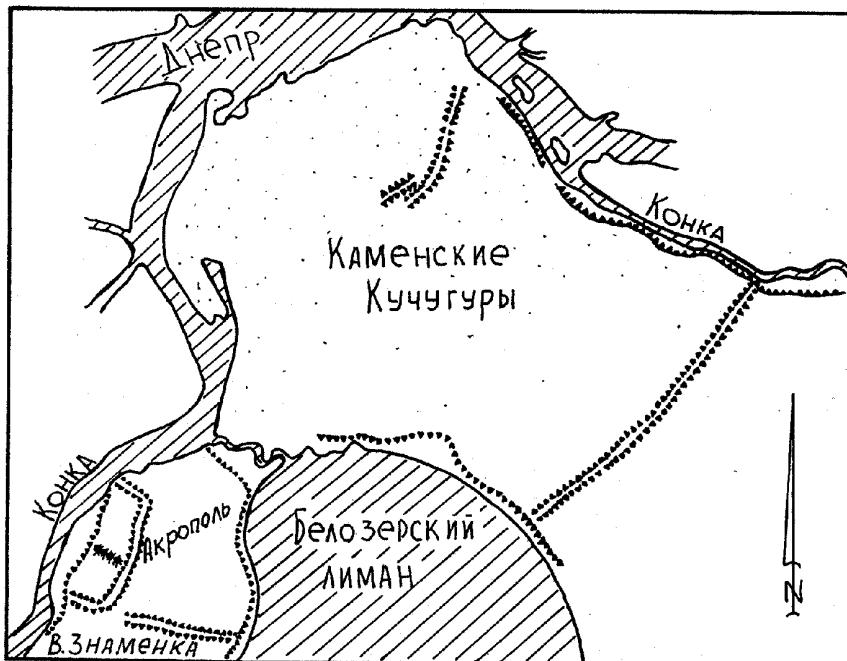


Рис. 3. План Знаменского акрополя с насыпями золотоордынского времени.

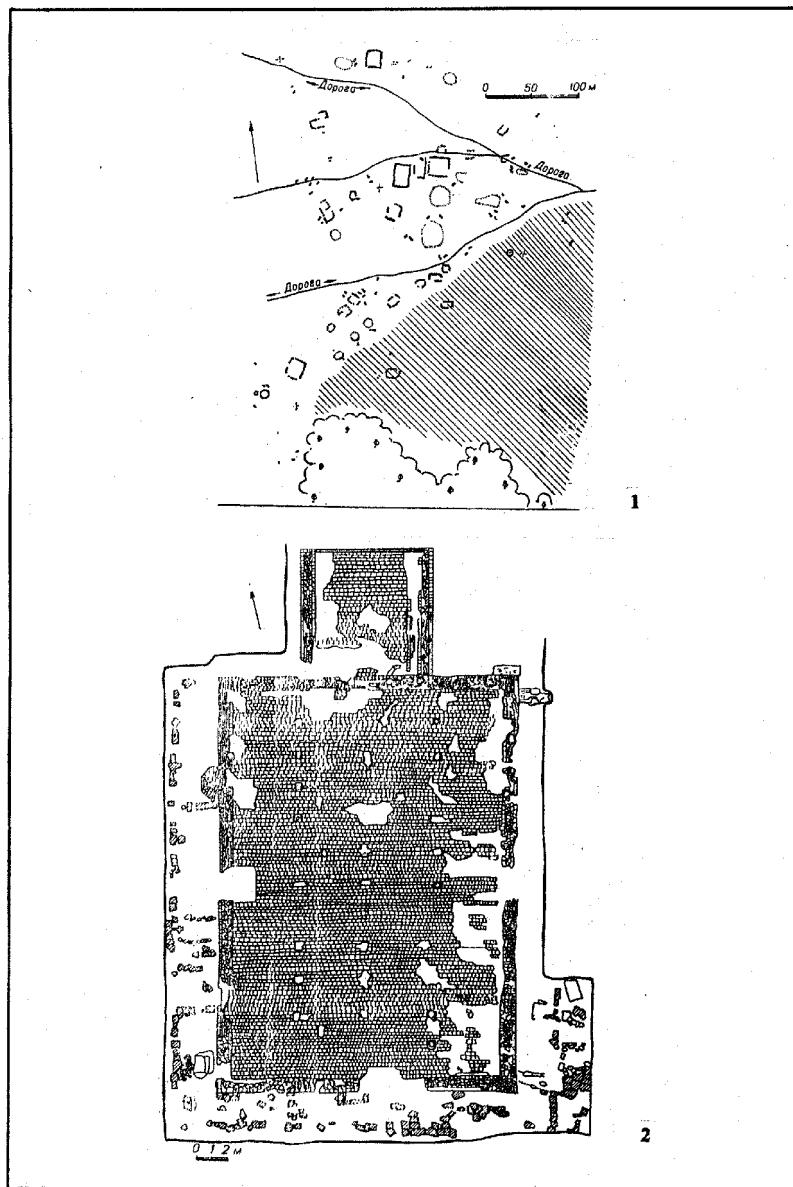


Рис. 4. Планы строительных остатков (1) и мечети (2) городища Большие Кучугуры.

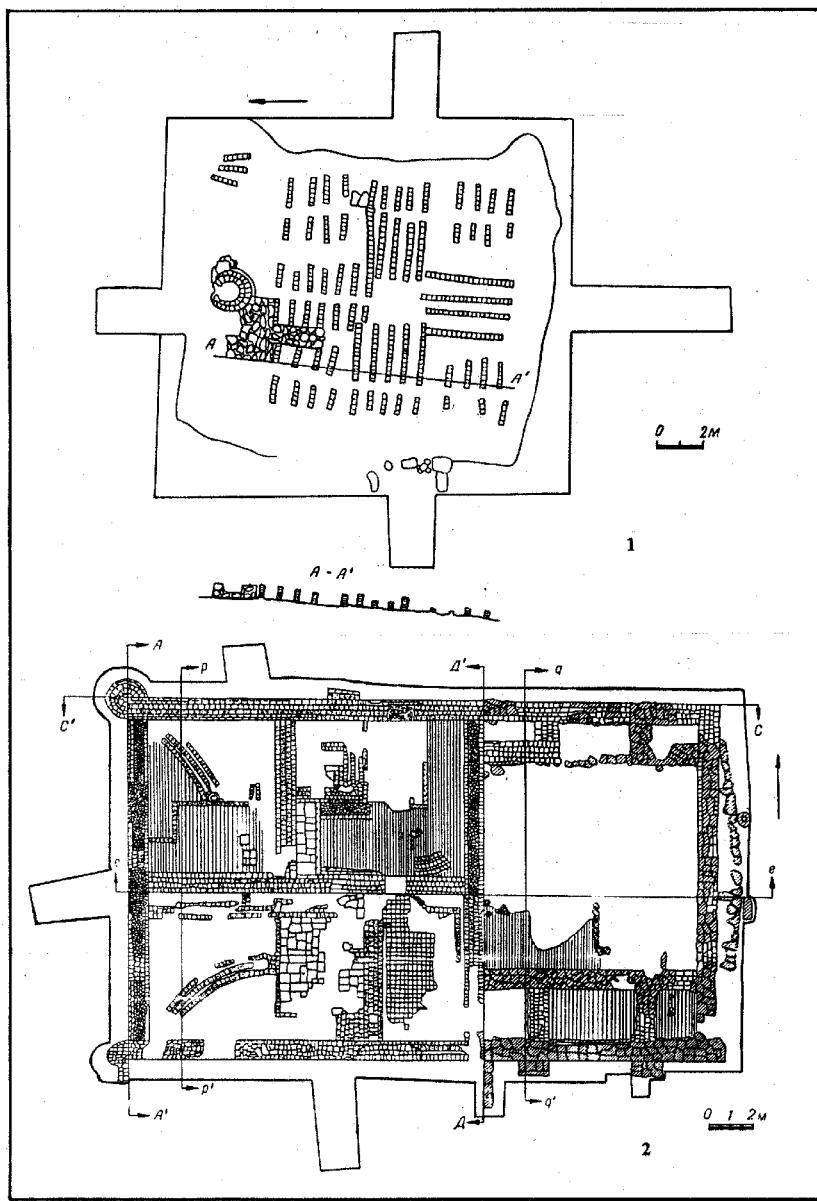


Рис. 5. Планы обогревательной системы бани (1) и «резиденции феодала» (2) городища Большие Кучугуры.

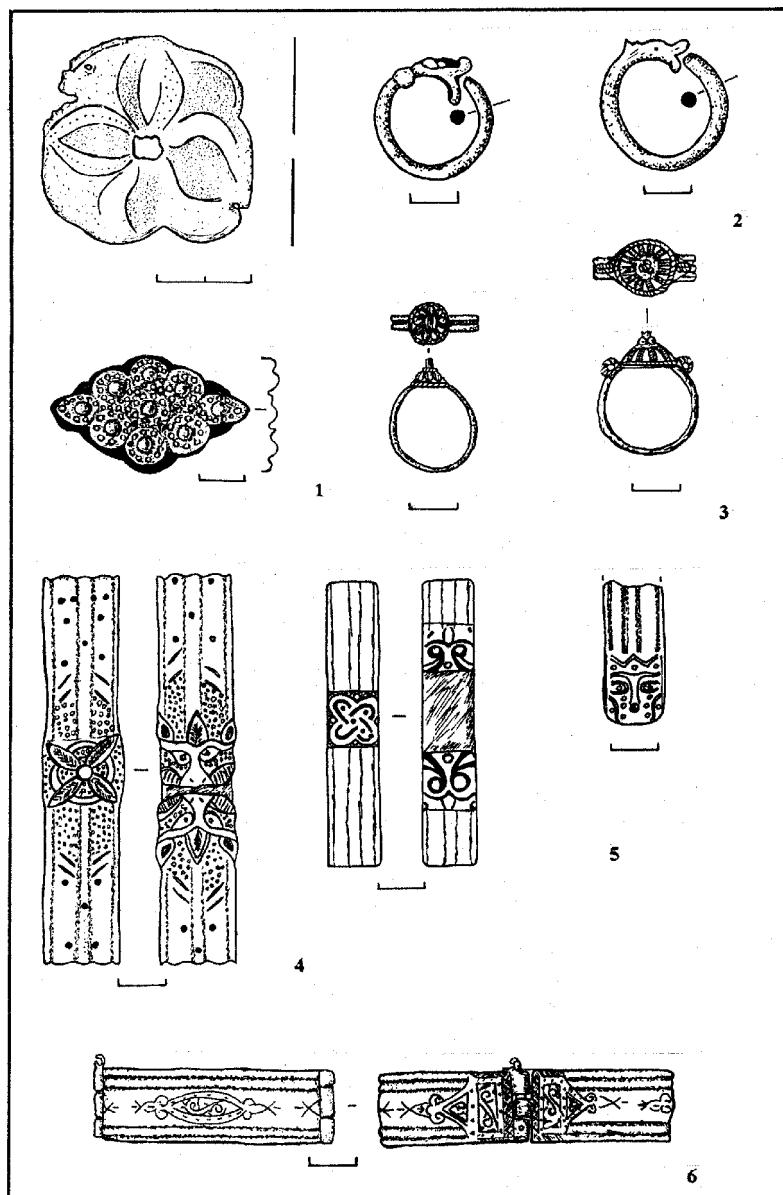


Рис. 6. Украшения из могильника Мамай-Сурка.

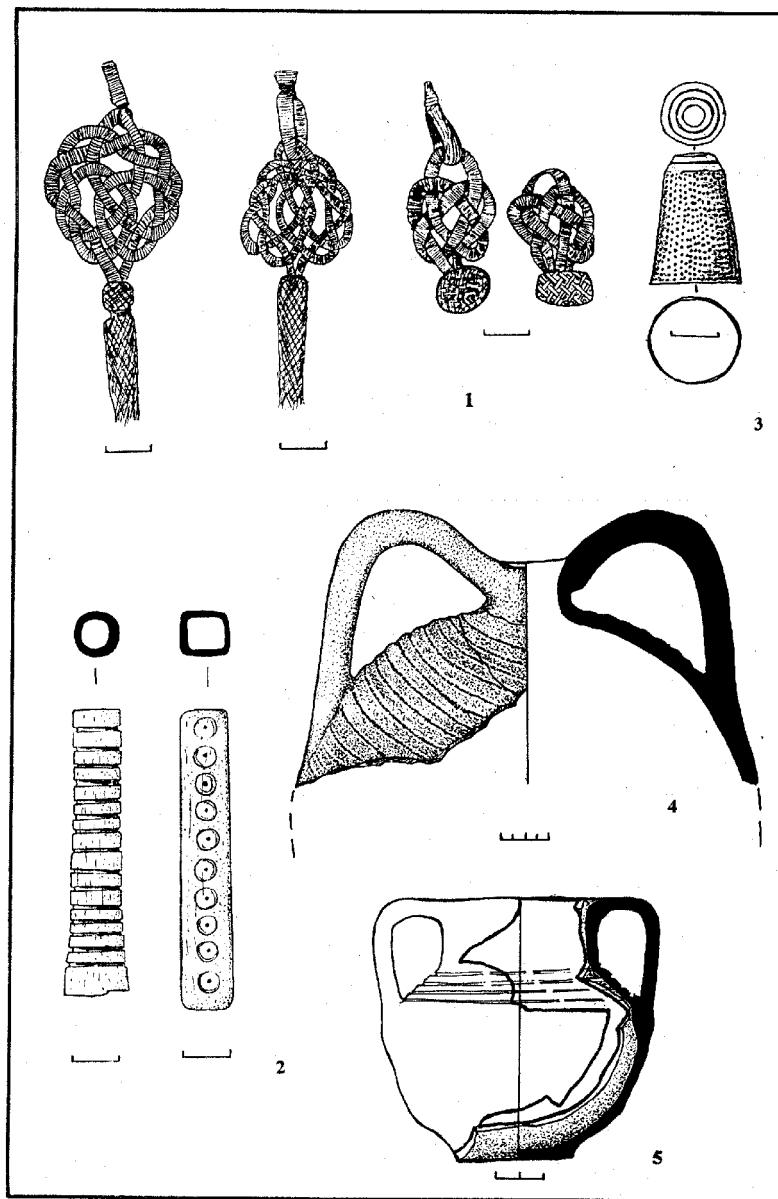


Рис. 7. Материалы могильника Мамай-Сурка.

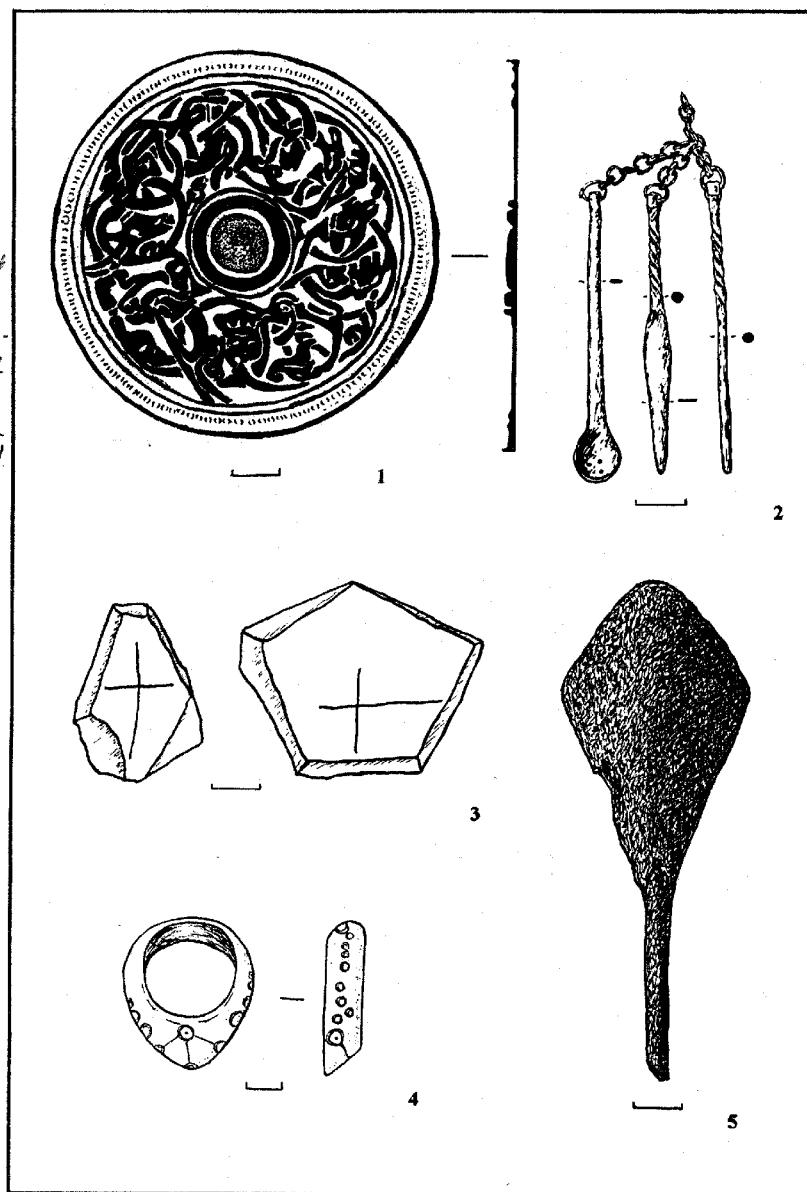


Рис. 8. Предметы туалета (1-2), керамики с крестами (3) и вооружения (4-5) из могильника Мамай-Сурка.

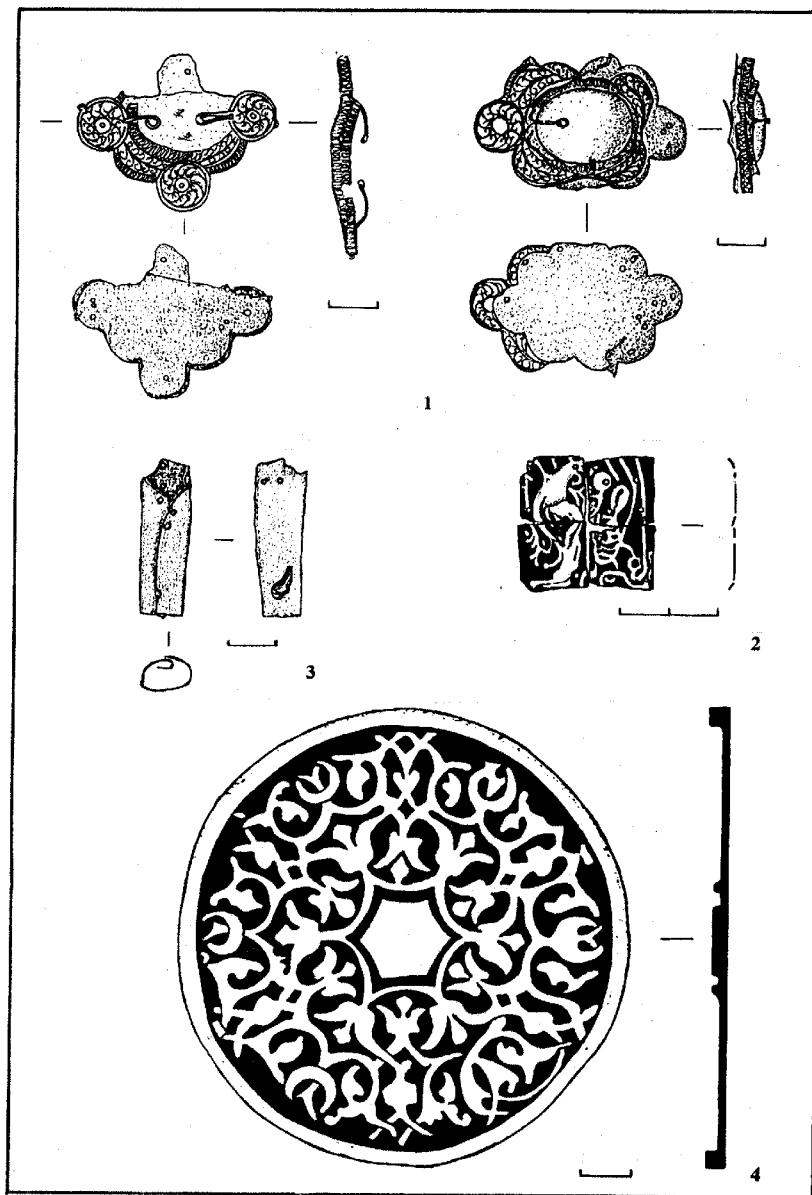


Рис. 9. Материалы грунтового могильника XIV в. из комплекса Мамай-Гора.

Екатерина Армарчук

Мавзолей Тюрабек-ханым в Старом Ургенче: форма, функция и возраст

Мавзолей Тюрабек-ханым (XIV в.), расположенный на городище средневекового Ургенча, столицы Хорезма с XI по XIV вв., по праву признан выдающимся архитектурным памятником и привлекает внимание разных специалистов. В связи с археологическими исследованиями в Старом Ургенче (Куня-Ургенче) в 1988 - 1992 гг. была выдвинута новая точка зрения относительно возраста и назначения этой постройки. Речь идет о предложенной датировке памятника хорезмшахским временем XII - начала XIII вв. и трактовке его как дворцового сооружения, а не мавзолея¹. Представленное в этом случае обоснование не позволяет согласиться с автором гипотезы и вызывает ряд возражений, связанных с анализом формы, определением функции и возраста здания.

Мавзолей Тюрабек-ханым, по классификации памятников мемориального зодчества Средней Азии, относится к типу портално - купольных многокамерных мавзолеев с продольно-осевой планировкой помещений (рис.1)². В основу планировки положен правильный многоугольник, к которому с юга примыкает прямоугольная входная часть, а с севера маленькое, вероятно, подквадратное помещение. Внешняя структура: высокий портал с глубокой входной нишой сильно выдвинут вперед по отношению к главному 12-гранному призматическому объему, занимая ширину трех его граней. Призма основания с нишами и арками в восьми свободных гранях несет цилиндрический барабан, увенчанный куполом. Маленькое северное помещение шириной в одну грань призмы почти не выступает за ее пределы. Первоначальный северный фасад не сохранился из-за поздней пристройки, снесенной в ходе реставрационных работ в конце 1980-х гг. Полагают, что завершал здесь композицию глухой декоративный портал меньшей высоты, чем южный.

Внутренняя структура: за порталной нишой находится небольшой купольный вестибюль, из которого боковые противоположные проходы ведут в две прямоугольные камеры, лежащие по обеим сторонам от него и как бы спрятанные в пилонах портала (правая - с лесенкой для подъема на внутреннюю галерею портала). Далее по оси расположена большой центральный зал в виде правильного 6-гранника с глубокими нишами в четырех гранях, раскрытых большими оконными проемами. Призма основания переходит сначала в 12-, а затем в 24-гранный барабан с 12 оконцами, несущий купол. Завершает анфиладу сильно разрушенное северное купольное помещение (правда, мне неизвестны теперешнее его состояние и результаты реставрации, если она завершена). Таким образом, в основу композиции мавзолея положена трехчастность (рис.2). В плане это наличие трех осевых помещений, во внешней профильной структуре - наличие портала, главного и северного объемов, а в вертикальной структуре как внутри,

так и снаружи - наличие основания, барабана и купола. Характерной особенностью здания является стройность пропорций, что неоднократно отмечалось исследователями (рис.3,4).

Мавзолей имел богатый поливной декор, сильно пострадавший от времени. Внешнее убранство: дверной проем, арки портала и ниш в гранях основания П-образно обрамлялись лентами керамической мозаики. Тимпаны и конхи всех арок и ниш тоже украшали сплошная мозаичная выкладка и мозаичные сталактиты (рис.5). Барабан покрывал узор в виде сетки - «сот» из 6-угольников с выложенными в них мозаичными звездами. Верх барабана опоясывал фриз с надписью из плит, от которого остался только скрепляющий раствор, и карниз из мозаичных сталактитов. Предположительно такой же карниз венчал портал здания. Внешний купол был облицован голубыми изразцами-кирпичиками.

Внутренний декор также состоит из мозаичного убранства, интенсивность которого возрастает снизу вверх. Сначала мозаичные рамки строго очерчивают стены-грани центрального помещения, затем шесть мозаичных панно и сталактиты с растительными орнаментами украшают весь 12-гранный ярус барабана. Двенадцать мозаик следующего уровня чередуются с двенадцатью оконцами, освещающими кульминацию декора - сплошную мозаичную облицовку внутреннего купола с рисунком в виде переплетающихся звезд и правильных многоугольников с цветочными розетками. Кроме того, в отделке мавзолея применялась и майолика. Иногда она имитирует мозаику, находясь в мозаичном панно, в других случаях среди участка с майоликовыми плитами встречаются мозаичные вставки³. В цветовой гамме мозаик и майолик преобладают синий и белый цвета в сочетании с голубым, черным, зеленым, желтым, красным и коричневым разных оттенков, а также с позолотой. Помимо мозаик большую роль в декоре играет облицовочный шлифованный кирпич теплого розово-коричневого цвета, образующий рамки мозаичных лент и основной фон глади стен и великолепно оттеняющий красочность узоров.

Остановлюсь на анализе планировки и облика мавзолея. Впервые подробно описавший его в научной литературе А.Ю.Якубовский обратил внимание на совершенство форм мавзолея⁴. По мнению Б.Н.Засыпкина, постройка является примером гармоничного сочетания традиционного для среднеазиатской архитектуры портала с башнеобразной усыпальницей⁵. Неординарность мавзолея Тюрабек-ханым заключается, на мой взгляд, не столько в пропорциональности форм и сочетании основного призматического объема башенных пропорций с высоким и глубоким порталом, сколько в соединении этого объема со стандартными купольными помещениями подчиненного значения. Кстати, за время, прошедшее после сделанных Якубовским и Засыпкиным наблюдений, выяснилось, что граненые или круглые мавзолеи (условно башенного облика) с глубоким, но в отличие от данного случая приземистым порталом не такая уж случайность в среднеазиатской архитектуре, где они, хотя редко и далеко не повсеместно, встреча-

ются с домонгольского времени⁶. Нужно заметить, что среди исследователей нет единства по поводу того, каким был первоначально внешний купол мавзолея - коническим, сфероконическим или сфероконическим сложным⁷. Большинство склоняется к коническому его варианту. Спорят также и о количестве купольных оболочек (две или три), но это относится уже к вопросам строительной техники и конструктивных особенностей, т.е. к компетенции специалистов.

А.Ю.Якубовский был прав, когда в качестве областей для поиска родственных мавзолею Тюрабек-ханым архитектурных форм говорил о Хорасане и Северной Персии (Иране). Этот памятник, по существу, находится в одном типологическом ряду с многогранными в плане мавзолеями Среднего Востока до- и послемонгольского времени, имевшими в своем развитии различные формы - от центрических до порталально-купольных. Среди них хорошо известны мавзолеи башенного типа с шатровым или коническим верхом, наиболее характерные для Хорасана и Иранского Азербайджана XI-XIV вв⁸. В Средней Азии и Центральном Иране в период с XI по XV вв. возводились такие варианты 8-гранных мавзолеев, как центрические киоски-ротонды и порталально-купольные постройки, дошедшие до нас, за исключением дахистанской группы, в единичных образцах⁹. Кроме того, в Восточном Хорасане (Герат, Балх) в XV в. сложился тип мавзолеев с октагоном главного зала и сильно выдвинутым порталальным входом, существовавший и в последующие века¹⁰. Таким образом, тему мавзолея-многогранника разрабатывали в мемориальном зодчестве Среднего Востока и Средней Азии примерно с XI - XII вв. на протяжении ряда столетий, не ограничиваясь применением ее только в отмеченных А.Ю.Якубовским областях [краткая сводка дана Л.Ю.-Маньковской¹¹].

Несмотря на типологическую общность с мавзолеями-многогранниками, прямые аналогии мавзолею Тюрабек-ханым нигде не обнаруживаются. При этом замечу, что в отличие от памятников упомянутых областей он многокамерный, где собственно многогранник лишьложен в основу постройки и скомбинирован с другими помещениями. Единственным исключением является мавзолей Султана Али в том же Куня-Ургенче, который считается поздним и довольно грубым подражанием мавзолею Тюрабек-ханым. Правда, в ходе исследований выявились памятники, имеющие отдельные черты сходства с мавзолеем Тюрабек-ханым. Так, у 8-гранного порталально-купольного мавзолея Шабурган-ата XI-XII вв. в Бухарском оазисе, напоминающего ротонду, та же разработка стен - граней с обеих сторон встречными стрельчатыми нишами, что и у мавзолея в Куня-Ургенче¹². Аналогичны в этом 8-гранные порталальные мавзолеи Дахистана, Абиверда и Серахса в Северном Хорасане на территории Южной Туркмении¹³. В.А.Нильсен выдвинул предположение, что мавзолей Шабурган-ата и близкие ему деталями сырцовые мавзолеи в Сурхандарьинской области - начальное звено в развитии порталально-купольных мавзолеев этого типа, наиболее законченное и эффектное решение которых воплощено в мавзолее Тюрабек-ханым¹⁴.

До недавнего времени никто из исследователей не подвергал сомнению мемориальный характер памятника. В отличие от общепринятой точки зрения, Х.Юсупов предположил не мемориальное, а дворцовое назначение постройки, видя в северном замыкающем помещении тронный зал, а в подземной камере под ним - сокровищницу. Имеющиеся публикации содержат лишь краткие сведения о работах архитекторов А.Н.Виноградова и И.И.Ноткина в 1959-1960 гг. в мавзолее и вскрытии склепа с несколькими захоронениями в северной его части; по другой информации, кладка стен и сводчатого потолка этой подземной камеры выполнена вперевязку с кладкой самого мавзолея, а в позднее время она подверглась незначительным переделкам и использовалась для сохранившихся до наших дней захоронений (рис.2,6)¹⁵. Согласно новой гипотезе, здание имеет особенности, не свойственные погребальным сооружениям: во-первых, это подземная камера под северным помещением. Во вторых, многочисленные окна и потому большая освещенность главного зала. В-третьих, неоднократно отмеченная исключительность планового и объемного решения и декора мавзолея, свидетельствующая об общественном назначении здания. Впрочем, и ранее существовало предположение об ином назначении постройки, - например, что она служила ханакой¹⁶.

Однако, эти «особенности» вполне присущи погребальным сооружениям Средней Азии и не только ее. Рассмотрим их поближе. Прежде всего, установлено, что в Средней Азии тип продольно-осевых композиций мавзолеев-комплексов был довольно распространен, особенно с послемонгольского времени. По мере развития культа святых в исламе и увеличения сект суфияев и орденов дервишей с XI-XII вв. постепенно усложнялась структура мавзолеев, что проявилось в многокамерности и разграничении функций собственно усыпальницы и обрядовых залов¹⁷. Полагают, что вместе с тем некоторые мавзолеи выполняли функцию «памятных» мечетей, и как раз им свойственна открытость и, следовательно, большая освещенность¹⁸. Здесь уместно привлечь другое мнение, по которому принципиально невозможно буквально одновременное совмещение мечети и мавзолея под одной крышей, т.е. в одном помещении, в отличие от сочетания усыпальницы-гурханы и поминального зала-зиаратханы как разных помещений в одном здании. Иное дело, когда мечеть теряла свою первонаучальную функцию и в ней начинали захоранивать избранных, ибо тогда в таком здании, уже мавзолее, могли сохраняться внешние признаки прежнего (михраб)¹⁹. Однако, вроде бы неизвестны случаи превращения мавзолея в мечеть, и, главное, всё-таки существовали хорошо освещённые мавзолеи.

Наконец, наличие подземных камер в роли усыпальниц или уединенных молитвенных мест-чилляхана зафиксировано у мавзолеев всего Среднего Востока, начиная с XI в. и кончая XVII в.²⁰. Подобные крипты-склепы – характерная черта азербайджанских башенных мавзолеев XII-XIV вв.²¹ Относительно среднеазиатского ре-

гиона до сих пор справедливо замечание, что вопрос генезиса мавзолейных склепов как специальных подпольных погребальных помещений еще не решен²², но уже устарело мнение об их отсутствии в домонгольское время. Сейчас известны примеры строительства тогда мемориалов с подземными склепами: это упомянутый мавзолей Шабурган-ата, мавзолей Ходжа Дурбад на юге Таджикистана, в котором внутреннее 8-гранное пространство вписано во внешний квадратный объём, и «башенные» мавзолеи на кладбище Машад у Дахистана²³. Интересно, что все эти как среднеазиатские, так и хорасанко-азербайджанские домонгольские постройки со склепами роднит общая черта – наличие многогранника в плане (черт, правда, не обязательная, т.к. среди них имелись и круглые мавзолеи). Кажется, это позволяет наметить один из будущих путей выяснения происхождения таких построек. Возможно, подземный склеп имеется и у мавзолея Текеша здесь же, в Куня-Ургенче²⁴.

Г.А.Пугаченкова З-частную анфиладу помещений мавзолея трактует как вестибюль - поминальный зал - усыпальницу²⁵. Такого же объяснения придерживается Н.Халимов, умозрительно увидевший в структуре мавзолея воплощение этапов жизни человека: портал – вступление в жизнь; вестибюль – развитие, рост; зиарат-хана – расцвет, блеск и гурхана – завершение жизненного пути²⁶. Однако, существует мнение, что если в поминальном зале нет михраба, то его нельзя считать зиарат-ханой²⁷. Правда, исламские правила поклонения могилам предписывают стоять лицом именно к ним, а не к кыble, и это, на субъективный взгляд, может объяснять встречающееся отсутствие михраба в «памятных», поминальных мечетях²⁸. Категоричную позицию по этому поводу занимает С.Г.Хмельницкий: любая мечеть, в т.ч. поминальная, должна обязательно иметь молитвенную нишу-михраб, а перед могилой, даже если она внутри здания, не молятся, что запрещено верой, а только поклоняются ей и приветствуют покойного²⁹. В любом случае, пока что михраб остаётся надежным и порой единственным конкретным отличительным признаком мечетей тех типов, которые были присущи и мавзолеям. В мавзолее Тюрабек-ханым михраб отсутствует.

Посмотрим, как выглядели средневековые дворцовые постройки в Средней Азии и соседних областях. Благодаря археологическим раскопкам известно, что это были большие, подчиненные единому замыслу комплексы разнообразных помещений и дворов. Например, дворец термезских правителей XI-XII вв. представлял собой прямоугольный массив с арочным порталом, за которым располагался большой двор с айванами и на оси которого против входа находился тронный зал, разбитый пилонами на три нефа³⁰. В XI-XII вв. большие дворы объединяли симметричные группы помещений и анфилады залов царских дворцов Газневидов в Лашкари-Базаре, Бусте и Газни. Однако, их отличительной чертой была доминирующая во всех постройках 4-айванная дворовая композиция (рис.7)³¹.

Центрально-дворовая композиция (двор и группирующиеся вокруг него помещения) положена в основу планировки больших богатых домов - комплексов дворцового характера XI- начала XIII вв. в Мерве и Хуттале³². Существует предположение, что этот же планировочный принцип имели дворец в Варахше и, вероятно, дворец Саманидов в Самарканде³³. Как известно, и дворцы более позднего времени построены подобным образом, - например, тимуровский Ак-Сарай 1380-1405 гг. По сути, в этой композиции заключена универсальная для мусульманской архитектуры схема, а именно, двор - помещения вокруг него - глухой внешний фасад с одним монументальным проездом. Кроме дворцовых и административных зданий она воплотилась также в караван-салях, мечетях и медресе и своими корнями уходит в древность³⁴. В декоративном оформлении таких комплексов акцент делался на внешнем фасаде с порталом и лишь во вторую очередь на внутренних помещениях. Вероятно, дворцовое строительство не ограничивалось применением только лишь этой схемы, но сохранившиеся памятники говорят об активном ее использовании.

Насколько можно заметить, мавзолей Тюрабек-ханым не имеет ничего общего с этими сооружениями. Его форма присуща мемориальным постройкам и явно не соответствует функции парадного дворцового здания, предназначенного для приемов, торжественных церемоний и процессий. Более того, объемно-пропорциональное и декоративное решение мавзолея сразу было рассчитано на его восприятие и обзор, в первую очередь, с внешней стороны и предполагало его размещение на свободном пространстве, а не в окружении чего-либо. Таким образом, с учетом результатов исследований, посвященных мавзолею Тюрабек-ханым, данная постройка должна трактоваться как культовая, а не светская.

В сущности, нет серьёзных противоречий тому, чтобы вслед за В.Бартольдом и А.Ю.Якубовским, опиравшимися на письменные источники, считать данную постройку ханакой - обителью-общежитием суфииев, которую посетил в 1333 г. в Ургенче Ибн-Батута. Выводы исследователей насчёт построек «ханака» укладываются в следующую картину. Такие здания имели фронтальную, центрическую или продольно-осевую композицию помещений и отличались многофункциональным использованием. Они нередко сооружались возле открытых захоронений на некрополях и входили в пространственно организованные мемориалы, частично выполняя функции поминальных мечетей для совершения обрядов оплакивания и поминовения³⁵. В домонгольское время ханака в планировке тяготели к центричности и компактности, но и тогда, и позже обязательным организующим их ядром, как считает С.Г.Хмельницкий, являлся большой купольный зал для радений дервишей в сочетании с жилыми кельями-худжрами и хозяйственными помещениями³⁶. Такой пример является собой подробно изученная ханака Мухаммад-Султана рубежа XIV-XV вв. в самаркандском комплексе Гур-Эмир, дополненная помещением мечети. Любопытно, что главный зал этого здания имел выступающую наружу

полуоктагональную абсиду, лежащую на центральной его оси³⁷. Только с большой осторожностью можно предположить аналогичную абсиду в мавзолее Тюрабек-ханым, ибо изначальное завершение его планировочной оси и северный фасад не сохранились и поэтому наличие здесь малого портала весьма проблематично. В сравнении с описанными ханака куняургенчская постройка имеет только две небольшие камеры подсобного значения.

По изысканиям В.В.Бартольда, «постройки, воздвигавшиеся с благочестивой целью, служили в то же время местом погребения для их строителей, хотя последние обыкновенно хоронились не в самых зданиях, но рядом с ними, в особых пристройках или мавзолеях»³⁸. Так могло произойти и в данном случае, а планировка и общее решение здания допускают совмещение в нем функций ханаки и мавзолея. Теперь остается выяснить, с чьим захоронением связан мавзолей. К сожалению, не сохранились надписи на портале и внутренние надгробия, если таковые были. По сведениям Н.Халимова, во время реставрационных работ в 1980-х гг. в главном зале мавзолея обнаружены многочисленные захоронения, близкие ко времени его сооружения, т.е. XIV в³⁹. Согласно местному преданию, здание сооружено над могилой Тюрабек-ханым, супруги золотоордынского наместника Кутлуг-Тимура, который правил в Хорезме с 1321 г. по 1336 г. Со слов Ибн-Батуты, Тюрабек-ханым не чуралась участия в монументальном строительстве и на ее средства в столице были построены мечеть и ханака⁴⁰. С учетом вышесказанного вполне правомерно давно предложенное отождествление упомянутой Ибн-Батутой ханаки со зданием, известным под именем мавзолея Тюрабек-ханым, в котором могли похоронить эту персону после ее смерти.

Вместе с тем существует мнение, что данный мавзолей построен в 1370-х годах для Хусейна Суфи, представителя правившей в то время в Хорезме Кунгратской династии, умершего во время осады Ургенча тимуровскими войсками в 1372 г.⁴¹. Оно основано на сходстве отдельных архитектурных приемов и декора мавзолея Тюрабек-ханым с постройками тимуровского времени в Бухаре и Шахрисябзе, куда эти приемы, видимо, проникли с вывезенными из Ургенча мастерами. Принимающая эту гипотезу Г.А.Пугаченкова корректирует время строительства третьей четвертью XIV в., считая, что оно осуществлялось еще при жизни Хусейна, а позже стало родовой усыпальницей династии⁴². Поэтому с некоторых пор памятник изредка фигурирует в литературе под именем «мавзолея династии Суфи». Вполне вероятно, что на определенном этапе он стал династийной усыпальницей.

Атрибуция памятника имеет непосредственное отношение к его датировке. Если считать его ханакой Тюрабек-ханым, то время строительства следует ограничить 1321-33 гг., как и А.Ю.Якубовский⁴³. По второй версии, строительство падает на промежуток между 1360-61 (начало самостоятельного правления Кунгратских Суфи в лице Хусейна) и 1379-80 гг. (дата смерти Юсуфа Суфи). Итоги

раскопок 1952 г. не позволяют подвергать сомнению строительную деятельность в якобы совсем опустошенном монголами Ургенче XIV в.⁴⁴ Известно, что уже во второй половине XIII в. начинается постепенное восстановление экономики, проявившееся в росте городов и торговли в левобережном Северо-Западном Хорезме, который, вошедши в Золотую Орду, в XIV в. стал одной из богатейших ее областей. Наибольшего расцвета достиг Ургенч, и побывавший в нем Ибн-Батута застал город в этот период⁴⁵. Тогда Хорезм обладал большой экономической силой, что в совокупности с другими факторами позволило ему после наместничества Кутлуг-Тимура обособиться и политически, выдвинув самостоятельную династию Кунгратских Суфи⁴⁶. Время правления этой династии отличается сначала соперничеством с Тимуром за владение землями Южного Хорезма, входившими в улус Чагатая, а затем борьбой за сохранение государственной независимости. С 1372 по 1388 г. Тимур совершает пять походов против Кунгратских Суфи, последний из которых оказался губительным для Ургенча. В 1391 году он окончательно овладевает Хорезмом, с тех пор прекратившим самостоятельное существование. Мне думается, вряд ли в этой напряженной обстановке Хусейн или Юсуф Суфи занимались культовым строительством в Ургенче. Логичнее предположить, что они укрепляли оборонительные сооружения города, подвергавшегося осаде.

Х.Юсупов, считая мавзолей Тюрабек-ханым дворцом, относит его ко времени правления Великих хорезмшахов, т.е. к XII - началу XIII вв., и отождествляет с упомянутым Джузджани «старым дворцом» Кешки-Ахчаком, уцелевшим после нашествия монголов. Это отождествление весьма натянуто, так как термином «кешк» в источниках обычно обозначали замок. Одни из его доводов, с которыми нельзя согласиться, были рассмотрены выше (исключительность планировки, особенности здания и отсутствие предпосылок для его строительства в золотоордынское время). К другим относятся нехватка опытных мастеров в тогдашнем Хорезме и наличие рядом с мавзолеем отчасти сходного с ним археологического памятника хорезмшахского времени, названного по устной традиции «мавзолеем Гулгердана». Эти аргументы не выдерживают критики. Во-первых, опытные мастера в Хорезме XIV в. имелись, о чем свидетельствует постройка мавзолея Наджмеддин Кубра первой трети XIV в. в Ургенче и такие произведения прикладного искусства, как майоликовые надгробия в этом мавзолее, Ходжи Аллауддина в Хиве первой половины XIV в. и надгробие в мавзолее Мазлум-хан-Сулу в Миздахкане, относимое также к первой трети XIV в. Следует добавить сюда надгробие 1312 г. Наринджан-баба с резной терракотой. Это объединение не случайно, ибо украшение надгробий развивалось в едином русле с архитектурным декором. Во-вторых, раскопанные Х.Юсуповым остатки монументальной постройки - «мавзолея Гулгердана» рядом с мавзолеем Тюрабек-ханым требуют тщательного анализа и публикации его результатов. Без этого предварительная ее датировка XII -началом

XIII вв. условна и постройка не может привлекаться для уточнения возраста мавзолея Тюрабек-ханым⁴⁷.

Теперь остановлюсь на одной примечательной особенности мавзолея Тюрабек-ханым - поливном декоре. Его совершенно не учел Х.Юсупов, по-новому датируя памятник, однако, это относительно надежный хронологический показатель. Общепризнано, что мавзолей Тюрабек-ханым - первая постройка в Средней Азии, активно украшенная наборной кашинной мозаикой⁴⁸. Полагают, что распространение мозаик шло из Ирана, где центрами развития этого вида декора со второй половины XIII в. были Исфахан, Йезд и Керман⁴⁹. Применение наборных кашинных мозаик зафиксировано на территории Центрального Ирана и Иранского Азербайджана с первой трети XIV в.⁵⁰ К ранним памятникам, украшенным с использованием этой техники, в Южном и Иранском Азербайджане относятся, во-первых, мавзолей Олджеиту 1305-1313 гг. в Султании с мозаиками во внутренних нишах. Во-вторых, круглый мавзолей 1322 г. в Берда с мозаичными фризом, сталактитами карниза и декором обоих порталов. Наконец, мозаикой украшен северный портал мавзолея 1376 г. в Карабагляре. В целом, гамма этих мозаик пока еще ограниченная, трехцветная: белый - голубой - синий. На территории Центрального Ирана это - две мечети и одно медресе в Йезде, сооруженные с 1334 по 1365 гг. Эти три постройки дают схему развития местного мозаичного декора: сначала многоугольные и звездчатые мозаичные вставки включаются в кирпичную решетку геометрического узора, затем мозаики образуют бордюры, а в итоге украшают внешние стены и внутреннюю чашу купола сплошняком⁵¹.

Полагают, что из указанных областей наборные мозаики проникли в Поволжье и Хорезм, а оттуда в Мавераннахр, где лучшими образцами их применения признаны памятники тимуридского времени в Шахрисябзе (Ак-сарай 1380-1405 гг.) и в Самарканде (мавзолеи Ширин-бике-ака 1385 г., Туман-ака 1405-1406 гг. и др.). Произошло это, по всей видимости, не ранее XIV в.⁵² Выдвинута гипотеза, что мозаики пришли в Поволжье и потом в Хорезм через Закавказье и связано это с тем, что данные области оказались подвластны золотоордынским ханам и включены в единую сферу историко-культурного и экономического развития золотоордынского государства⁵³. Однако, я присоединяюсь к словам Б.Н.Засыпкина: пути распространения этой техники на Среднем Востоке еще требуют специального исследования⁵⁴.

Казалось бы, у нас пока нет доказательств применения мозаичной отделочной техники в архитектурном декоре в Средней Азии XII - начала XIII вв. Образуется лакуна и для периода середины - второй половины XIII в., следующего непосредственно за монгольским завоеванием. Вообще известно крайне мало архитектурных памятников этого периода в Средней Азии, а вот начавшийся здесь с XIV в. подъем в зодчестве объясняют тем, что принявшие ислам монголы приобщаются к городской жизни и культуре и поощряют светское и культовое строительство⁵⁵.

В XI-XII вв. монохромный поливной декор сперва в ограниченном, а затем в большем количестве присутствовал в среднеазиатских постройках в виде отдельных керамических деталей с голубой глазурью на фасадах и фризах. Голубыми плитками-кирпичиками сначала вкраплениями, а потом сплошняком покрывали купола зданий. Тогда же применялось и частичное глазирование резных терракотовых плиток⁵⁶. Лишь в XIV в. появляются многоцветные кирпичная мозаика, майолика и наборная мозаика на кашинном черепке, по мнению Б.П.Денике, представляющие собой последовательные этапы развития поливного архитектурного декора⁵⁷. К основным видам поливного декора относится также полихромная резная и штампованная плитками терракота с разноплановыми и соответственно разноцветными глазированными рельефами, широко употреблявшаяся в самаркандском строительстве со второй половины XIV в..

Возможно, техники майолики и мозаики развивались одновременно. Напомню, что в декоре мавзолея Тюрабек-ханым присутствуют как те, так и другие. Установлено, что трудоемкость изготовления мозаичных наборов не уступает производству расписных майоликовых плиток, и потому считать майолику более дешевым облицовочным материалом нельзя. Кроме того, эти виды архитектурного декора существовали, дополняя друг друга, но играя разную роль в функциональном отношении. Мозаики с их контрастностью и четкостью элементов узора большей частью украшали удаленные от зрителя поверхности: порталы, арки, боковые пилоны, стены и внутренние своды куполов. Тонко расписанные майолики использовались в основном для облицовки близко расположенных к зрителю бордюров, карнизов, боковых колонок, михрабных ниш и надгробий⁵⁸.

А.Ю.Якубовский сразу увидел большую общность техники и орнаментальных композиций мозаик мавзолея Тюрабек-ханым и мозаик Ак-сарай и мавзолея Ширин-бике-ака и отметил такую особенность в отделке мавзолея Тюрабек-ханым, как умелое сочетание шлифованного облицовочного кирпича с мозаичными изразцами, причем, в сравнении с другими среднеазиатскими памятниками в его наружном декоре мозаик довольно мало⁵⁹. По-моему, это сочетание говорит в пользу ранней стадии применения мозаичной отделки, когда неполивной кирпич еще не окончательно уступил место наружному поливному декору на глади стен.

С учетом мозаик мавзолей датировали второй четвертью или второй половиной XIV в., но последующий анализ развития архитектурных кащинных облицовок в Средней Азии не позволил относить появление мозаик на их основе к 1320-м годам⁶⁰. Г.А.Пугаченкова нашла наиболее близкие мозаики на здании медресе Шамсаддина 1365 г. в упомянутом комплексе в Йезде, хотя они менее тонкие. Поэтому, исходя из упомянутого выше развития этого декора на родине изобретения и уже последующего переноса его в другие области, она говорит об употреблении мозаик в Хорезме не ранее середины XIV в., а мавзолей Тюрабек-ханым датирует третьей

четвертью XIV в.⁶¹ Однако, на мой взгляд, в средневековом Хорезме могла, независимо от иранских областей, возникнуть и получить дальнейшее развитие (уже не без их влияния) эта техника декора. Памятники Куня-Ургенча тоже дают линию местного развития поливного, и в том числе мозаичного, декора. Некогда на примере кашиных облицовок его проследила Н.С.Гражданкина⁶², но с тех пор прибавился новый материал.

Во-первых, это голубые кашиные изразцы-вставки на барабанах, плитки с рельефными надписями на фризах барабанов, а также голубые кирпичики-изразцы облицовки куполов мавзолеев Иль-Арслана и Текеша XII в. Во-вторых, голубые кирпичные вставки-переборки в виде бантиков в облицовке отдельных поясов минарета «Кутлуг-Тимура» и в облицовке портала «караван-сарайя». В-третьих, мозаичные вставочки синего, бирюзового и белого цвета в кирпичной узорной плетенке на щеках порталальной арки «караван-сарайя» и резные терракотовые плиты облицовки портала с частичным голубым глазированием узора в виде надписи на фоне растительных мотивов. Наконец, в-четвертых, многоцветные майолики и мозаики. Прежде всего, к ним относятся майоликовые облицовки портала и двух надгробий в мавзолее Наджмеддин Кубра, относимом к 1321-1333 гг., а также мозаики и майолики мавзолея Тюрабек-ханым. Затем, мозаичный декор «мавзолея Гулгердана», раскопанного Х.Юсуповым. Помимо этого, при раскопках холмообразного возвышения рядом с мавзолеем Пиръяр Вали (находящегося в едином комплексе с мавзолеями Наджмеддин Кубра и Султана Али) в 1989 г. обнаружили надгробие золотоордынского времени, облицованное по торцам майоликовыми плитками в форме восьмилучевой звезды с изображениями летящей птицы, а по бокам мозаичными плитками с геометрическим рисунком⁶³.

Таким образом, архитектурные памятники и археологические находки Куня-Ургенча наглядно свидетельствуют об эволюции здешнего поливного декора с XII по XIV вв. Первое употребление мозаик зафиксировано пока что в убранстве порталной арки «караван-сарайя». Мозаик здесь еще совсем немного и они сочетаются с другими видами декора. Раньше это здание относили либо к первой, либо ко второй половине XIV в.⁶⁴ При дальнейшем изучении в нем выделили строительные особенности и декоративные приёмы, присущие домонгольскому зодчеству. Это прочная связь наружной облицовки с основной кладкой, парная кирпичная кладка в сочетании с фигурными переборками, сходство орнамента на щеках и софитах арки с фасадными узорами Среднего мавзолея XI в. в Узгене и мечети Магокки-Аттари XII в. в Бухаре⁶⁵. Хронологическим индикатором могут также служить не сохранившиеся *in situ*, но обнаруженные в завалах у подножья здания резные терракотовые плиты с глазурью, ибо декор этого типа появляется как раз в XI-XII вв. В технологическом и орнаментальном различии декоративных приёмов Н.С.Гражданкина видит доказательство того, что порталная арка воздвигнута раньше мавзолея Тюрабек-ханым.

В итоге, суммируя все эти особенности, можно пересмотреть возраст портальной арки и отнести строительство здания (возможно, дворцового), которому она принадлежала, к хорезмшахскому времени⁶⁶. Принимая новую датировку портальной арки, правомерно говорить о том, что в Хорезме мозаики появляются в архитектурном декоре в домонгольское время. В этой связи очень ценно давнее наблюдение Б.П.Денике, почему-то оставшееся без внимания. В нише входного портала мавзолея Текеша в Куня-Ургенче среди терракотовых сталактитов он обнаружил мозаичные вставки очень грубой выделки в сине-лиловой, голубой и желтой (грязно-белой?) гамме и в простейших геометрических узорах - треугольниках. С его точки зрения, это самое раннее применение мозаик в Средней Азии⁶⁷. Правда, мы должны учесть, что Б.П.Денике отнес мавзолей к началу XIV в., но позже памятник большинством исследователей был передатирован XII в⁶⁸. Почему об этих мозаиках никогда больше не упоминалось, вероятно, объясняется тем, что они не сохранились.

Таким образом, у нас нет причин на основании анализа мозаичного декора отодвигать возраст мавзолея Тюрабек-ханым в третью четверть XIV в. В свете всего вышесказанного постройка предстает перед нами как культово-мемориальный памятник хорезмского зодчества второй четверти XIV в. «Музыка в камне», «классическое произведение искусства», «образец совершенной постройки», «шедевр восточной архитектуры», «другого такого купола нет во всем мусульманском мире», - такими эпитетами заслуженно награжден этот мавзолей. Мне не один раз посчастливилось бывать в Куня-Ургенче и любоваться его памятниками. Всякий раз останавливалось и переставало существовать все вокруг, кроме ослепляющего неба, дерзнувших устремиться к нему и слиться с ним лазоревых куполов, свечи минарета и стройных, горделивых розовых стен Тюрабек-ханым, - истинной, воплощенной в цвете и пространстве красавицы. Под сенью ее купола лишь маленькие изящные горлицы неустанно отмеряют своим воркованием течение времени, а ее прелесть непреходяща. В знак благодарности за соприкосновение с красотой я сочла своим долгом внести малую лепту в разгадку тайн Старого Ургенча, готового вступить в очередное тысячелетие.

Примечания:

¹ Юсупов Х. О двух памятниках Куня-Ургенча // Известия АН Турк.ССР, Серия гуманитарных наук, в.1. – Ашхабад, 1991. – С.49; Он же. Сердце древнего Хорезма. – Ашхабад, 1993. – С.32-33.

² Маньковская Л.Ю. Мемориальное зодчество Средней Азии // Художественная культура Средней Азии IX-XIII веков. – Ташкент, 1983. – С.43.

³ Всеобщая история архитектуры. Т.8. – М., 1969. – С.265.

⁴ Якубовский А.Ю. Развалины Ургенча // Известия ГАИМК. Т.VI, в.II. – Л., 1930. – С.58.

⁵ Засыпkin Б.Н. Архитектура Средней Азии. – М., 1948. – С.77.

⁶ Хмельницкий С.Г. Между Саманидами и Монголами. Архитектура Средней Азии XI- начала XIII вв. Часть 1. - Берлин-Рига. 1996. - С.230-234.

- ⁷ Асанов А. Памятники архитектуры средневекового Хорезма. - Ташкент, 1971. - С.59-67.
- ⁸ Пугаченкова Г.А. К проблеме возникновения «шатровых мавзолеев» Хорасана // Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. В.1. - Ашхабад, 1949; Всеобщая история архитектуры. - С.374-388.
- ⁹ Маньковская Л.Ю. Мемориальное зодчество... - С.33-34,39-40; Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т.VI. - М., 1958. - С.345-346.
- ¹⁰ Пугаченкова Г.А. Из художественной сокровищницы Среднего Востока. - Ташкент, 1987. - С.138-139.
- ¹¹ Маньковская Л.Ю. Мавзолей Рабия Султан Бегим в Туркестане // Общественные науки в Узбекистане, 3. - Ташкент, 1969.
- ¹² Нильсен В.А. Монументальная архитектура Бухарского оазиса XI - XII веков. - Ташкент, 1956. - С.57.
- ¹³ Маньковская Л.Ю. Мемориальное зодчество... - С.40.
- ¹⁴ Нильсен В.А. Монументальная архитектура... - С.61.
- ¹⁵ Юсупов Х. О двух памятниках... - С.49,51; Он же. Сердце древнего Хорезма. - С.30-33; Александрова Л. Мавзолей Тюрабек-ханым // Памятники Туркменистана, 4. - Ашхабад, 1967.
- ¹⁶ Пилявский В.И. Куяня-Ургенч. - Л., 1974. - С.44-45.
- ¹⁷ Маньковская Л.Ю. Мемориальное зодчество... - С.40-42.
- ¹⁸ Там же. - С.35-38.
- ¹⁹ Хмельницкий С.Г. Между Саманидами и Монголами... - С.69-70.
- ²⁰ Маньковская Л.Ю. Мемориальное зодчество... - С.41; Пугаченкова Г.А. О мавзолее Ишратхана и дворце Дилькуша // Искусство Центральной Азии: своеобразие исторического развития. - Ташкент, 1997.- С.64.
- ²¹ Всеобщая история архитектуры. - С.380,388.
- ²² Немцева Н.Б. Малоизученный мавзолей из ансамбля Шахи-Зинда // Общественные науки в Узбекистане, 8-9. - Ташкент, 1969. - С.45-48.
- ²³ Хмельницкий С.Г. Между Саманидами и Монголами... - С. 222, 229,231, рис.235, рис.243.
- ²⁴ Халимов Н. Памятники Ургенча (сооружения, надписи и легенды). - Ашхабад, 1991. - С.29.
- ²⁵ Пугаченкова Г.А. Музика в камне // Памятники Туркменистана, 1. - Ашхабад, 1972. - С.16.
- ²⁶ Халимов Н. Памятники Ургенча... - С.48.
- ²⁷ Бородина И.Ф. Особенности формирования мемориальных сооружений Средней Азии X - XV веков // Архитектурное наследие, 22. - М., 1974. - С.122.
- ²⁸ Маньковская Л.Ю. Мемориальное зодчество... - С.45.
- ²⁹ Хмельницкий С.Г. Между Саманидами и Монголами... - С.69-70,152.
- ³⁰ Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века. - М., 1965. - С.190 и далее, рис. 42.
- ³¹ Всеобщая история архитектуры. - С.354-355; The Archaeology of Afghanistan. - London - New-York - San-Francisco, 1978. - P.311,313,327; Schlumberger D. Le palais Ghaznevide de Lashkari Basar // «Syria», t.XXIX (3-4). - Paris,1952.
- ³² Всеобщая история архитектуры. - С. 225; Лунина С.Б. Изучение жилых домов Мерва X- начала XIII веков. // Труды Южно-Туркменистанской

- археологической комплексной экспедиции. Т.XVII. - Ашхабад, 1980. - С.59-73; Гулямова Э.Г. Раскопки городища Сайед // Археологические открытия 1976 года. - М., 1977. - С.560.
- ³³ Лунина С.Б. Изучение жилых домов... - С.79.
- ³⁴ Большаков О.Г. Средневековый арабский город // Очерки истории арабской культуры V - XV веков. - М., 1982. - С.161-162.
- ³⁵ Маньковская Л.Ю. Мемориальное зодчество... - С.45.
- ³⁶ Хмельницкий С.Г. Между Саманидами и Монголами... - С.277-278.
- ³⁷ Иваницкий И.Д. Ханака Мухаммад-Султана в комплексе Гур-Амир в Самарканде // Искусство Центральной Азии: своеобразие исторического развития. II Международная научная конференция. Тезисы докладов. - Ташкент, 1997. - С.40-42.
- ³⁸ Бартольд В.В. О погребении Тимура. Соч., т.II, ч.2. - М., 1964. - С.429.
- ³⁹ Халимов Н. Памятники Ургенча... - С.46.
- ⁴⁰ Снесарев Г.П. Тюрабек-ханым // Этнография и археология Средней Азии. - М., 1979.
- ⁴¹ Массон В.М. О датировке так называемого мавзолея Тюрабек-ханым в Куня-Ургенче // Известия Академии Наук Туркменской ССР, 4. - Ашхабад, 1952. - С.87.
- ⁴² Пугаченкова Г.А. Музыка в камне. - С.16.
- ⁴³ Якубовский А.Ю. Развалины Ургенча. - С. 50.
- ⁴⁴ Юсупов Х. О двух памятниках... - С.52; Он же. Сердце древнего Хорезма. - С.33.
- ⁴⁵ Бартольд В.В. История Туркестана. Соч., т.II,ч.1. - М., 1963. - С.155; Якубовский А.Ю. Развалины Ургенча. - С.13-16.
- ⁴⁶ Вайнберг Б.И. К истории Кунгратских Суфи // Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. В.4. - М., 1960.- С.104-105.
- ⁴⁷ Юсупов Х. Хорезмийский ренессанс // Памятники Туркменистана, 2. - Ашхабад, 1989; Он же. Сердце древнего Хорезма. - С.42-44.
- ⁴⁸ Всеобщая история архитектуры. - С.265; Ремпель Л.И. Архитектурный орнамент Узбекистана. - Ташкент, 1961. - С.292.
- ⁴⁹ Всеобщая история архитектуры. - С.161.
- ⁵⁰ Там же. - С.161,388,391; Пугаченкова Г.А. Музыка в камне. - С.16; Зуммер В. Вехи развития искусства Азербайджана // Художественная культура Советского Востока. - М.-Л., 1931. - С.95.
- ⁵¹ Пугаченкова Г.А. Музыка в камне. - С.16.
- ⁵² Засыпкин Б.Н. Архитектура Средней Азии. - С.85; Ремпель Л.И. Архитектурный орнамент... - С.292; Носкова Л.М. Мозаики и майолики из средневековых городов Поволжья // Средневековые памятники Поволжья. - М., 1976. - С.28.
- ⁵³ Носкова Л.М. Мозаики и майолики... - С.28.
- ⁵⁴ Засыпкин Б.Н. Архитектура Средней Азии. - С.85.
- ⁵⁵ Там же. - С.70.
- ⁵⁶ Там же. - С.56; Немцева Н.Б. Рабат-и-Малик // Художественная культура Средней Азии IX - XIII веков. - Ташкент, 1983. - С.130; Нильсен В.А., Манакова В.Н. Архитектурный декор памятников Узбекистана. - Л. , 1974. - С.19; Гражданкина Н.С. Очерк развития облицовочной керамики в архитектуре Узбекистана (с древнейших времен до начала XX в.) // Архитектурная керамика Узбекистана. - Ташкент, 1968. - С.20.
- ⁵⁷ Денике Б.П. Архитектурный орнамент Средней Азии. - М.-Л., 1939. - С.133.

- ⁵⁸ Носкова Л.М. Мозаики и майолики... - С.28.
- ⁵⁹ Якубовский А.Ю. Развалины Ургенча. - С.58-59.
- ⁶⁰ Архитектурные памятники Туркмении. В.И. - Москва-Ашхабад, 1939. - С.51; Засыпкин Б.Н. Архитектура Средней Азии. - С.76; Гражданкина Н.С. Древние строительные материалы Туркмении // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т.VIII. - Ашхабад, 1958. - С.176.
- ⁶¹ Пугаченкова Г.А. Музыка в камне. - С.16.
- ⁶² Гражданкина Н.С. Древние строительные материалы... - С.203-204.
- ⁶³ Юсупов Х. Сердце древнего Хорезма. - С.28.
- ⁶⁴ Армарчук Е.А. Изучение памятников Куня-Ургенча: старые и новые гипотезы // Приаралье в древности и средневековье. - М., 1998. - С.206-207.
- ⁶⁵ Асанов А. Памятники архитектуры... - С.72; Гражданкина Н.С. Древние строительные материалы... - С.148-153.
- ⁶⁶ Армарчук Е.А. Изучение памятников Куня-Ургенча... - С.207.
- ⁶⁷ Денике Б.П. Архитектурный орнамент Средней Азии... - С.140.
- ⁶⁸ Армарчук Е.А. Изучение памятников Куня-Ургенча... - С.202.

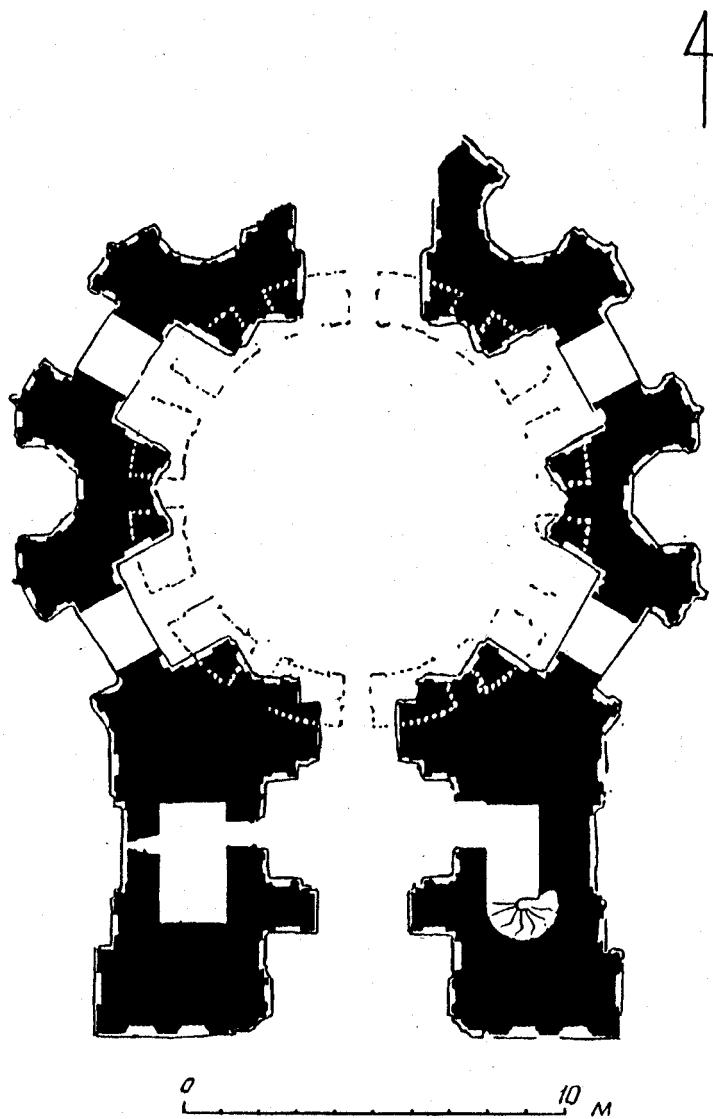


Рис. 1. План мавзолея, по Н.Б.Бакланову (без поздней пристройки, снесённой при реставрации).

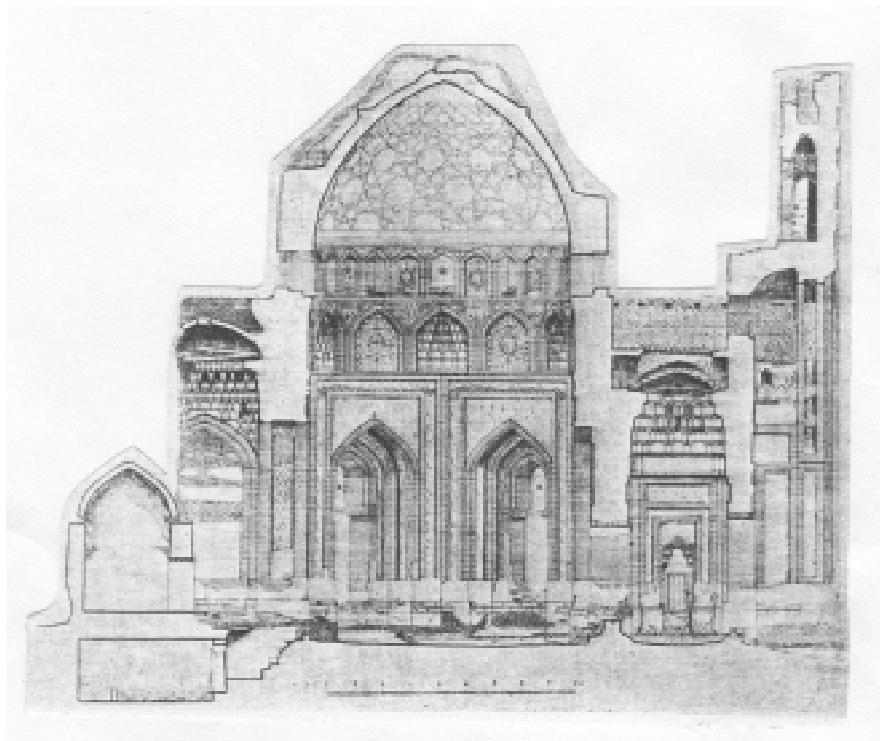


Рис. 2. Разрез мавзолея, по Б.И.Ноткину.



Рис. 3. Вид мавзолея с востока в 1990 г. в процессе реставрации.



Рис. 4. Главный портал памятника.



Рис. 5. Остатки декора на портале мавзолея.

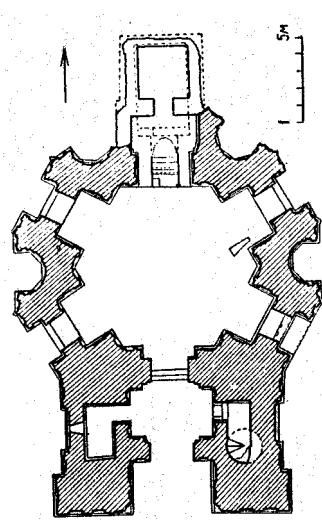


Рис. 6. План мавзолея, по Б.И.Ноткину.
Мелким пунктиром показан склеп.

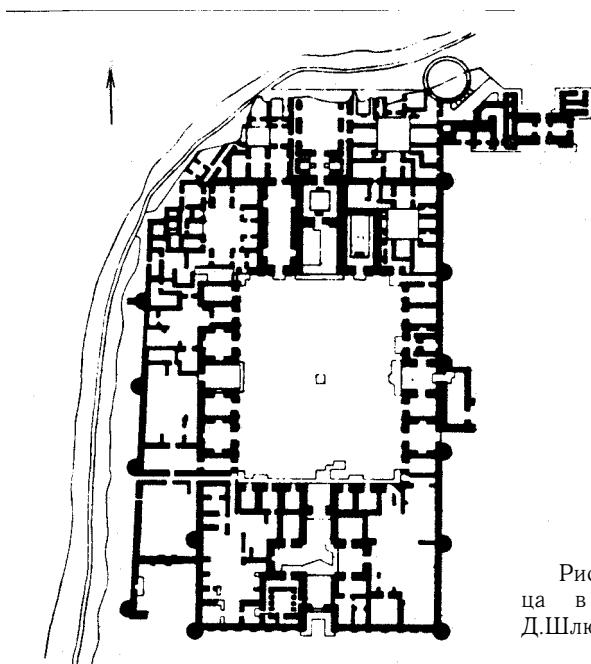


Рис. 7. План южного дворца в Лашкари Базар, по
Д.Шлюмберже.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Леонард Недашковский

Книги о торевтике золотоординского времени¹

Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды.- СПб.: Славия,2001.- 364 с.

Сокровища Золотой Орды.- СПб.: Славия,2000.- 345 с.

Нам представляется уместным рассмотреть два вышеуказанных издания вместе. Оба издания были приурочены к выставке «Сокровища Золотой Орды» (Казань, Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан, 30.08.2000 - 15.01.2001; Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж, 14.02.2001 - 31.12.2001) и содержат полный каталог выставки с фотографиями всех представленных на ней предметов. На выставке экспонировались изделия из собраний Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург), Государственного Исторического музея (г. Москва) и Государственной инспекции охраны исторического и культурного наследия Воронежской области (г. Воронеж).

Каталожная часть (632 номера каталожного описания) в рассматриваемых изданиях практически совпадает - в монографии М.Г.Крамаровского сделан лишь ряд небольших исправлений и уточнений. Авторы научных описаний каталога: Ю.И.Елихина (№/№ 1-10), М.Г.Крамаровский (№/№ 11-304) и Г.Ф.Полякова (№/№ 305-632). Каталог построен по единому принципу: указаны названия выставлявшихся предметов, их атрибуция, датировка, материал, размеры, место хранения (включая музейные номера), место и время находки, все предшествующие публикации, а также дано краткое описание экспонатов. Каталог выставки сам по себе имеет большую научную ценность. Были впервые опубликованы 76 золотых и серебряных изделия, а также 255 жемчужных, каменных и стеклянных предметов. Кроме того, даже то, что ранее опубликованные памятники торевтики, были сведены в одно издание, представляется очень важным как для удобства дальнейшей работы с материалом, так и с точки зрения недоступности некоторых редких изданий (например, атласа Я.И.Смирнова «Восточное серебро», изданного в Санкт-Петербурге в 1909 г.) во многих научных центрах.

В качестве небольшого замечания можно отметить, что нам представляется ошибочным высказанное в каталоге (№ 77) мнение М.Г.Крамаровского, что Абдуллах был сыном хана Узбека. Думается, основанием послужили слова Ибн Халдуна о том, что Мамай «поставил ханом отрока из детей Узбека, по имени Абдуллаха»², так как другие источники ничего не сообщают о родственных связях этих правителей. Вероятно, что египетский историк, в целом слабо информированный о тонкостях генеалогий золотоординских ханов (он называет Токтамыша сыном Бирдигека³) и общем ходе междуо-

событы 60-х - 70-х гг. XIV в., имел в виду просто принадлежность Абдуллаха к правящей династии Джучидов.

Помимо описаний предметов, цветных и черно-белых фотографий, «Сокровища Золотой Орды», являющиеся каталогом выставки, содержат вступительные статьи Президента Республики Татарстан М.Ш.Шаймиева, директора Государственного Эрмитажа М.Б.Пиотровского, генерального директора Государственного Исторического музея А.И.Шкурко, председателя Казанского Совета народных депутатов, главы администрации города Казани К.Ш.Исхакова, а также очерк М.А.Усманова «Золотая Орда: истоки и наследие», основную часть М.Г.Крамаровского «Золото Чингисидов: джучидская сокровищница» и список литературы. «Сокровища Золотой Орды» отличаются очень высоким качеством иллюстраций (каталог был отпечатан в Милане). Все описания предметов переведены на татарский язык, на котором также продублированы тексты всех статей; имеются соответствующие переводы статей и на английский язык (наиболее крупный очерк М.Г.Крамаровского дан в виде резюме).

Крупная статья М.Г.Крамаровского «Золото Чингисидов: джучидская сокровищница» в «Сокровищах Золотой Орды» фактически является квинтэссенцией его монографии, вышедшей годом позже. Поэтому в дальнейшем изложении мы остановимся лишь на монографии, структурно во многом сходной с данной статьей.

Книга М.Г.Крамаровского «Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды» подвела итоги десятилетий работ автора по изучению изделий из драгоценных металлов государства Джучидов и смежных территорий. До исследований М.Г.Крамаровского системного изучения памятников золотоордынского среброделия, можно сказать, не существовало (можно отметить лишь работы А.А.Спицына и Я.И.Смирнова, изданные в конце XIX - начале XX в.).

В рассматриваемой монографии были учтены все имеющиеся материалы по поставленной проблеме; кроме опубликованных изделий автор привлек материалы музеиных собраний (в том числе Великобритании, США, Китая). Помимо полного иллюстрированного каталога выставки, в книге приведен еще 121 рисунок (прорисовки и фотографии). Досадны опечатки, имеющиеся в этом издании, отличающемся хорошей полиграфией.

Структурно монография состоит из вступительной статьи, семи разделов, заключения, каталога, списка сокращений и использованной литературы.

Раздел I посвящен всаднической культуре монголов конца XII - XIII в., традициям Монгольской империи в художественном металле раннего Улуса Джучи. Сначала дается общая историко-археологическая канва, ставится вопрос о влиянии центральноазиатского компонента в культуре Золотой Орды, выделяется три основных периода в развитии культуры Улуса Джучи: раннеджучидский, среднеордынский и позднеордынский. Автор рассматривает особенности снаряжения монгольского верхового коня (как легкого, так и боевого) в XIII

- начале XIV в.: особенное внимание уделено седлу и его украшениям, кратко охарактеризованы также стремена, удила, наносные сultаны, начельники, сбруйные пряжки, накладки, плеть, конные доспехи. Из убранства всадника характеризуются различные воинские шапки и женский головной убор - бокка; особенное внимание уделено раннемонгольским воинским поясам с изображением драконов, «охотничьим» поясам с изображением животных и растительных мотивов, а также поясным чашам (с ручками в виде протомы дракона или горизонтальной лопасти). Отдельно рассматриваются символы власти верховных правителей и монгольские пайцы.

В разделе II «Художественный металл среднеордынского периода (конец XIII - XIV вв.)» анализируются традиции джучидского пира, пищевая и повседневная посуда кочевых ставок; особо выделена «Ивдельская чаша» и памятники ее круга. Серебряные и золотые сосуды рассматриваемого хронологического диапазона (кубки, ковши, чаши, блюда и подносы), разделены на девять групп на базе признаков различных ремесленных традиций.

Раздел III посвящен художественному металлу позднеордынского периода (конец XIV - XV в.). Характеризуются вещевые и монетновещевые клады: Джукетауский, Нейзацкий, Симферопольский, Судакский, Алустонский, Ай-Васильский, Бердянский, Раковский. Выделены группы памятников: «крымско-малоазийская» (разделена на четыре подгруппы), «средневолжская», «греческая» и «латинская». Рассматриваются находки итальянских перстней и печатей в Крыму и на Северном Кавказе.

Не могу обойти один момент в описании автором клада из Ай-Василь: опираясь на определение начала XX в. одной из монет клада как дирхема хана Большой Орды Махмуда бен Мухаммеда бен Тимура (1459-1465 гг.), чеканенного в Укеке, М.Г.Крамаровский высказывает предположение, что разрушение Укека «в 1395 г. Тимуром не означало полной гибели города» (с.120). Однако, имеющиеся данные археологии и нумизматики говорят о прекращении существования города Укека не позднее конца XIV в.; чтение же монетного двора на дирхемах Махмуда бен Мухаммеда бен Тимура, определявшихся А.К.-Марковым как укекские, представляется сомнительным⁴.

В разделе IV «К вопросу о золотоордынской филиграции: от «Бухарской» пекторали к «Шапке Мономаха»» анализируется оригинальный спиральный стиль филиграи Золотой Орды, его истоки и развитие (выделены четыре хронологических этапа).

Раздел V посвящен пластинчатым браслетам: рассмотрены золотоордынские изделия с несомкнутыми концами, декорированные львиными личинами, а также сомкнутые двусторчатые браслеты с шарнирными замками.

Взаимодействию форм и декора рассмотренных ранее сосудов из драгоценных металлов и керамических изделий посвящен раздел VI «Художественный металл и керамика в XIII-XIV вв. (по материалам золотоордынских находок)».

В разделе VII исследуется влияние ордынского серебра на ремесло Византии, Балкан и русских земель. Для характеристики степени влияния золотоордынского ремесла на Древнюю Русь приведем всего один пример из монографии: золотой оклад иконы «Богоматерь Млекопитательница» (конец XIV - начало XV в.) из Новодевичьего монастыря имеет на полях узор из многократно оттиснутого слова «Аллах», исполненного почерком «насх»; этот же узор присутствует на серебряной поясной обоймице из Белореченских курганов (с.205-206, рис.107).

Заключение исследования озаглавлено «Торевтика Золотой Орды и художественный металл монгольских государств XIII-XIV вв.». В нем рассматриваются связи ремесла Улуса Джучи с искусством Ближнего, Среднего и Дальнего Востока в эпоху существования Монгольской империи, а также в период последовавший за ее распадом.

Монографию М.Г.Крамаровского отличает комплексность подхода к изучаемым материалам - она характеризуется прекрасным сочетанием на высоком профессиональном уровне методов археологии, искусства, ведения, истории, геральдики и других дисциплин. Книга полностью характеризует ранее известные источники, но в ней активно привлекаются и новые материалы, ставшие известными буквально в последние годы.

Охарактеризованные издания в целом являются фактически первыми книгами о торевтике Золотой Орды, но, несмотря на это, книгами очень высокого качества, которые несомненно будут востребованы специалистами различных научных дисциплин.

Примечания:

¹ This work was supported by the Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation, grant No: 1001/2000.

² Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды.- СПб.,1884.- Т.І / Извлечения из сочинений арабских. - С.390.

³ Там же.- С.391.

⁴ См. Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. - М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. - 224 с.

ХРОНИКА

Конференция, согретая теплом сердец и благодарной памяти

В Нижнем Новгороде 17 –19 октября прошла Всероссийская научная конференция «Поволжье в средние века». Она была организована Нижегородским государственным педагогическим университетом совместно с Институтом археологии РАН и проводилась при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 01-01-14015г).

В состав Оргкомитета конференции вошли представители Государственного исторического музея (Москва), Городецкого краеведческого музея (Городец), МГУ им. М.В.Ломоносова (Москва), Марийского государственного университета (Йошкар-Ола), Мордовского государственного университета (Саранск), Национального музея Республики Татарстан (Казань), Нижегородского Дома ученых, Российского института культурологии МК РФ (Москва). Такой высокий статус конференции объясняется не только интересом к научной проблеме. Конференция была посвящена 70-летию со дня рождения выдающегося ученого, доктора исторических наук, профессора Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, действительного члена РАЕН Г.А.Федорова-Давыдова (1931-2000).

Предложение почтить память Германа Алексеевича участием в конференции поддержало более 90 исследователей из вузов, музеев, научно-исследовательских учреждений Азова, Арзамаса, Астрахани, Альметьевска, Болгара, Волгограда, Воронежа, Городца, Йошкар-Олы, Казани, Кирова, Москвы, Нижнего Новгорода, Пензы, Пущина, Самары, Саранска, Ульяновска, Уфы. Из Португалии пришли тезисы от его ученицы, профессора Лиссабонского университета Т.П. Кузнецовой-Резенде. Самая представительная делегация была из Москвы (34 человека из 15 учреждений). На втором месте делегация Казани (14 человек из 5 учреждений), на третьем - группа нижегородских исследователей (11 человек из 3 учреждений).

Среди участников конференции были и всемирно известные ученые, и молодые исследователи, делающие свои первые самостоятельные шаги в науке. Две трети участников имели научную степень доктора или кандидата наук. На конференции были представлены ведущие российские научные центры, такие как Российская Академия Наук (Институты археологии, российской истории, всеобщей истории, востоковедения, славяноведения, антропологии и этнологии, физико-химических и биологических проблем почтоведения), Российский институт культурологии МК РФ, НИИ культурного и природного наследия МК РФ, Институт истории Академии Наук Татарстана, 13 российских музеев, включая Государственный исторический музей, Государственный музей Востока, Музей Кремля, Национальный музей Республики Татарстан, Болгарский государственный историко-архитек-

турный заповедник, Самарский областной историко-краеведческий музей, Азовский и Городецкий краеведческие музеи, и 19 вузов России, в том числе Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова, Казанский государственный университет, Нижегородский государственный педагогический университет. Почетным гостем конференции была вдова ученого, известный археолог, специалист в области средневековой археологии М.Д.Полубоярина.

Открытие конференции и пленарное заседание проходили в Актовом зале Нижегородского государственного педагогического университета. Здесь же в выставочной галерее исторического факультета была организована выставка «Г.А.Федоров-Давыдов и археология Поволжья». Выставка была подготовлена кафедрой истории России НГПУ при участии Института археологии РАН, Городецкого, Азовского краеведческих музеев и Археологического музея Казанского университета (авторы проекта Н.Н.Попова, Н.В.Малиновская, Ю.В.Зарубин). Большую помощь организаторам выставки оказала М.Д.Полубоярина. На выставке были представлены монографии Г.А.Федорова-Давыдова, его фотографии из семейного архива и археологические материалы из раскопок древнерусских, болгарских и золотоордынских поселений.

Секционные заседания проходили в помещении Нижегородского Дома ученых.

На конференции было прочитано 56 докладов.14 исследователей приняли участие в работе заочно, опубликовав свои выступления в сборнике тезисов докладов, который был выпущен к началу конференции.

Торжественно открывая конференцию, ректор НГПУ профессор В.А.Глуздов подчеркнул, что для педагогического вуза «большая часть принимать столь высоких гостей, составляющих гордость исторической науки», и пожелал участникам успешной работы. Проректор по научной работе НГПУ профессор А.А.Касьян в своем приветствии отметил, что Нижегородский государственный педагогический университет был первым педагогическим вузом, получившим несколько лет назад грант РГНФ на проведение научных конференций. Историческая конференция такого масштаба проводится впервые. Он выразил надежду, что она пройдет на высоком уровне творческого общения и внесет весомый вклад в развитие науки.

Были зачитаны приветствия участникам конференции академика РАН, зав.кафедрой археологии МГУ им. М.В. Ломоносова В.Л.Янина, академика АНТ М.А.Усманова. От имени научной общественности выступили И.А.Аржанцева (Москва), чл.-корр. АНТ А.Г.Мухамадиев (Казань), зав. Национальным центром археологических исследований ИИ АНТ П.Н.Старостин (Казань), профессор Мордовского университета В.И.Вихляев (Саранск), научный сотрудник Городецкого краеведческого музея З.С.Коновалова (Городец).

Пленарное заседание было посвящено памяти Г.А.Федорова-Давыдова. В докладе В.Л.Егорова и В.В.Дворниченко (ГИМ, Институт архе-

ологии РАН, Москва) «Г.А.Федоров-Давыдов и Поволжская археологическая экспедиция» была подробно проанализирована деятельность Поволжской археологической экспедиции. Герман Алексеевич в конце 50-х годов вместе со своим учителем А.П.Смирновым стоял у истоков формирования этой экспедиции, а с 1972 г. стал ее руководителем. Именно в рамках этой экспедиции развилось и окрепло новое исследовательское направление, за которым закрепилось название «золотоордынская археология». В сферу деятельности экспедиции были включены золотоордынские городища Нижнего Поволжья. По мысли Г.А.Федорова-Давыдова, исследование этих памятников давало материал для изучения генезиса городов Золотой Орды, их социального и этнического состава, выявления связей между оседлой городской и кочевой степной культурами. Авторы доклада подчеркнули, что объем археологических исследований, проведенных под руководством Г.А.Федорова-Давыдова «имеет совершенно особое значение для развития отечественной археологии и упрочения мирового авторитета российской науки». Главный редактор журнала «Татарская археология» Р.Г.Фахрутдинов (Казань) поделился воспоминаниями о своей экспедиционной работе под руководством Г.А.Федорова-Давыдова. Старший преподаватель кафедры истории России НГПУ И.Р.Гражданников (Нижний Новгород) специально к конференции подготовил доклад об изучении наследия Г.А.Федорова-Давыдова в школе.

Крупный ученый, известный исследователь, автор более 25 монографий по истории, археологии, нумизматике, руководитель Поволжской археологической экспедиции, Г.А.Федоров-Давыдов оставил глубокий след не только в науке, но и в сердцах тех, кому довелось с ним работать, у него учиться. Не одно поколение археологов выросло в легендарной ПАЭ. К нему было легко обращаться за помощью. Он щедро делился опытом, знаниями, эрудицией. Трудно переоценить его вклад в развитие археологии Нижнего Поволжья, Татарии, Мордовии. При его поддержке формировалась археология Городца на Волге и Нижнего Новгорода. Наверное, именно поэтому уже с первых выступлений у каждого докладчика находились особенные слова об этом удивительно светлом человеке и, несмотря на жесткий регламент, появлялось желание поделиться воспоминаниями о том, как этот человек вошел в его судьбу. Все, кому посчастливилось быть на заседаниях конференции, почувствовали, насколько она была согрета теплом чувств и благодарной памяти.

Исследовательским пространством Г.А.Федорова-Давыдова было средневековое Поволжье в его исторической целостности. Нет другого ученого, который бы одинаково глубоко разбирался в вопросах русской и золотоордынской истории, проблемах кочевого и оседлого средневекового мира, сложной этнической картине поволжского региона.

В центре научного внимания участников конференции были направления, разрабатывавшиеся Г.А.Федоровым-Давыдовым в области археологии, истории, нумизматики, культуры. Именно они продиктовали темы работы трех секций: «Этнокультурные процессы Поволжья и сопредельных территорий в средние века», «История, археология и

нумизматика Золотой Орды», «Русское и финно-угорское Поволжье в средние века».

Наибольшее число докладов (28) было посвящено проблемам истории, археологии и нумизматики Золотой Орды. Количественная оценка прочитанных докладов красноречиво указывает географические ориентиры лидирующих в этом направлении научных центров. Их два: Москва (10 докладов) и Казань (8 докладов).

Русская и финно-угорская средневековая история Поволжья была представлена 20 докладами. Тематика 5 докладов освещала результаты работы мордовских археологов (Саранск). Вопросы истории и археологии Северо-Восточной Руси нашли отражение в 13 докладах: 7 из них были подготовлены московскими исследователями, 5 докладов прочитали нижегородцы. Последнее указывает на формирование в Нижнем Новгороде устойчивого направления научных интересов в области истории и археологии средневекового Поволжья.

Тема средневековых этнокультурных процессов нашла отражение в 12 докладах. Безусловным лидером в разработке этого направления оказалась Москва, на долю представителей которой приходится половина (6) докладов.

Анализ материалов конференции показывает, что золотоордынская тематика активно разрабатывается исследователями всех трех направлений научной деятельности: академического, вузовского и музейного. Вопросы финно-угорской средневековой археологии представлены, в основном, в вузовских исследованиях. Доклады по истории и археологии Северо-Восточной Руси подготовлены преимущественно в академических и вузовских научных центрах. Изучение этнокультурных процессов сосредоточено в академических институтах.

Доклады, сделанные на секции **«Этнокультурные процессы Поволжья и сопредельных территорий в средние века»** были посвящены изучению этнического состава населения Поволжья (Л.В.Яворская /Волгоградский госуниверситет/, Д.А.Сташенков /Самарский областной историко-краеведческий музей/), Прикамья (К.А.Руденко /ГМРТ, Казань/, Е.П. Казаков /ИИ АНТ, Казань/), Закубанья (Л.М. Носкова /ГМВ, Москва/), Подонья (М.В. Цыбин /Воронежский госуниверситет/). Половцам на Северо-Западном Кавказе посвятила свое выступление Е.А.Армарчук (Институт археологии РАН, Москва). И.А.Аржанцева (МГУ, Москва) охарактеризовала аланские города накануне монгольского нашествия. В.Я.Петрухин (Институт славяноведения РАН, Москва) рассмотрел археологические и письменные источники по хазарам в современной историографии. Характерной особенностью представленных в докладах исследований можно назвать комплексный источникovedческий подход, при котором наряду с археологическими материалами активно используются данные антропологии и письменных источников.

Удачно «вписался» в тематику секции доклад В.А.Демкина и Т.С.Демкиной (Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пущино) «Палеоэкология Нижнего Поволжья в

золотоордынское время», материала которого позволяет корректировать выводы историков и археологов с учетом климатических изменений в регионе. Авторы подчеркивают, что впервые на основании палеопочвенных данных можно говорить «о существовании в восточноевропейских степях «средневекового климатического оптимума», пик которого, скорее всего, приходился на XIII век». Многочисленные прямые палеопочвенные натурные наблюдения и лабораторно-экспериментальные материалы подтвердили ранее высказанные предположения ряда ученых «о значительном увлажнении всей евразийской степи в эпоху татаро-монгольского нашествия и существования Золотой Орды».

Ю.А.Зеленеев (Марийский госуниверситет, Йошкар-Ола) в своем докладе охарактеризовал взгляды Г.А.Федорова-Давыдова на этническую историю Поволжья.

Л.Т.Яблонский (Институт археологии РАН, Москва) в докладе «Значение материалов Поволжской археологической экспедиции для понимания проблем этногенеза народов Поволжья» на обширном палеантропологическом материале убедительно показал многолинейный и сетевидный характер формирования современных народов Нижнего и Среднего Поволжья, Крыма, Средней Азии и Казахстана. Он подчеркнул, что «эти народы не могут претендовать ни на особую «чистоту», ни на особую древность на территории, занимаемой ими сегодня».

Подводя итоги работы секции, Л.Т.Яблонский привел примеры использования выводов археологов для разжигания межнациональной розни и отметил, что «этногенетическая реконструкция требует специальных подходов и методик, которые, отнюдь, не сводятся к простому заимствованию цитат из работ специалистов смежных по отношению к археологии научных дисциплин». Он подчеркнул, что главный методологический принцип отечественной антропологии «безоговорочно декларирует отсутствие причинной зависимости между биологией человека и его этнической, языковой, культурной принадлежностью. Краниологическое сходство еще не свидетельствует о генетическом родстве». Е.П.Казаков, В.Л.Егоров, А.Г.Мухамадиев отметили высокий профессиональный уровень докладов и обилие нового материала, введение которого в научный оборот, несомненно, обогатит наши знания о прошлом. Вместе с тем внимание исследователей было обращено на необходимость соблюдать исключительную осторожность и научную корректность в этногенетических определениях археологического материала.

В докладах секции «**История, археология и нумизматика Золотой Орды**» был представлен богатейший материал из раскопок на средневековых памятниках Поволжья и Приазовья.

Вопросы хронологии и топографии Селитренного городища эпохи Тохтамыша осветил в своем докладе В.Г.Рудаков (ГИМ, Москва). Е.Ю.Гончаров (Институт востоковедения РАН, Москва) изложил свой взгляд на археологический и нумизматический материал нижневолж-

ких золотоордынских городищ, связав Царевское городище с остатками Гюлистана. Доклады Э.Д.Зиливинской (Институт археологии, Москва) и А.А.Бурханова (ТГГИ, Казань) были посвящены результатам раскопок на Селистренном городище. А.Г.Мухамадиев (Казанский госуниверситет) рассказал о раскопках в Казанском Кремле. С.И.Валиулина (Казанский госуниверситет) проанализировала результаты раскопок золотоордынских поселений округи Билярского городища и пришла к выводу, что с гибеллю домонгольской столицы Волжской Булгарии жизнь в ее округе не остановилась. «Ее экономический и культурный потенциал был востребован и активно использовался населением в XIII-XV веках». Результаты исследований остеологических материалов из раскопок селищ северо-западной округи Билярского городища легли в основу доклада Г.Ш.Асылгараевой (ИИ АНТ, Казань).

Несколько докладов было посвящено керамическим комплексам золотоордынских городов Сарай ал-Джедид (С.А.Курочкина /Мариийский госуниверситет, Йошкар-Ола/) и Азака (А.Н.Масловский, В.И.Певревозчиков, Е.Н.Лопаткин /Азовский краеведческий музей, Азов/). Происхождение, технология и терминология кашинной керамики Золотой Орды были проанализированы в докладе В.Ю.Коваля (Институт археологии РАН, Москва).

Внимание исследователей было обращено не только на археологические материалы. Доклады Н.М.Фомичева (Азовский краеведческий музей, Азов), Л.Ф.Недашковского (Казанский госуниверситет) и В.А.Винничека (Пенза), Е.А.Беговатова (Казанский госуниверситет) были посвящены монетным находкам с золотоордынских памятников. А.З.Сингатуллина (Национальный музей РТ, Казань) представила сводку кладов средневековых восточных монет из фондов музея и рассказала о технологии их паспортизации. Доходности монетного дела в Золотой Орде XIV века посвятил свой доклад Н.А.Хан (Киров). В докладе Ю.А.Семыкина и Н.Г.Набиуллина (Ульяновский ГПУ) была рассмотрена технология изготовления кузнецкой продукции Джукетау. Темой доклада Д.Г.Мухаметшина (Болгарский государственный музей-заповедник, Болгар) стала резьба по камню в Среднем Поволжье по данным эпиграфики XIII-XVI вв. И.В.Волков (Российский НИИ культурного и природного наследия МК РФ, Москва) в своем докладе «О наименовании золотоордынских поселений правобережья Нижней Волги» убедительно продемонстрировал широкие возможности средневековых карт для локализации золотоордынских поселений и идентификации их с известными археологическими памятниками. При этом он отметил специфику способов картографирования региона, без знания которой нельзя рассчитывать на обоснованные выводы. С.В.Никишин и Ю.В.Селезнев (Воронежский ГПУ), обратили внимание на особое значение устной традиции, эпических произведений для изучения Золотой Орды, от которой не сохранилось собственных летописей и хроник. На основе анализа эпоса «Идегей» они пришли к выводу «о преобладании в сознании золотоордынской правящей элиты военных стереотипов».

Т.В.Гусева (НГПУ, Нижний Новгород) в докладе «Г.А.Федоров-Давыдов и его вклад в изучение средневекового города» отметила особое значение методологических и методических подходов исследователя.

В последнее время получила развитие гипотеза о существовании в Золотой Орде только одной столицы, отождествляемой с Селитренным городищем в Астраханской обл. (В.Г.Рудаков, Москва). Вокруг этого вопроса разгорелась дискуссия, в ходе которой было отмечено, что гипотеза опирается, в основном, только на нумизматический материал, не объективно оценивает другие источники, не учитывает исторических реалий рассматриваемого периода и навряд ли может составить конкуренцию выводам Г.А.Федорова-Давыдова. В выступлениях Ю.А.Зеленеева (Йошкар-Ола), И.В.Волкова (Москва), Т.В.Гусевой (Н.Новгород) прозвучало предостережение от поспешных выводов, было обращено внимание исследователей на неукоснительное соблюдение принципов критического анализа источников, корректности в их интерпретации. Последнее особенно важно при идентификации археологических памятников с историческими объектами.

Секция **«Русское и финно-угорское Поволжье в средние века»** объединила археологов и историков. В докладе П.Н.Старостина (ИИ АНТ, Казань) были рассмотрены взаимоотношения носителей пришлой именьковской культуры с населением Поволжья и Нижней Камы. О.В.Зеленцова (Мордовский ГУ, Саранск) на материалах могильников проанализировала связи мордвы-мокши с южными соседями, В.И.Вихляев (Мордовский ГУ, Саранск) посвятил свой доклад датировке ранней стадии пензенских могильников. Уральские корни комплекса вооружения венгров обстоятельно рассмотрел В.В.Овсянников (ИИЯЛ Уфимского научного центра РАН, Уфа). Доклад Ю.В.Селезнева (Воронежский ГПУ) был посвящен отражению взаимоотношений Руси и Орды в русской письменной традиции XIV-начала XV вв. В докладе М.В.Седовой (Институт археологии РАН, Москва) были проанализированы многочисленные предметы ордынского происхождения, найденные в ходе археологических раскопок в городах Владимира-Сузdalского княжества. По убедительному выводу докладчика, большое количество и разнообразие находок свидетельствуют об оживленности торговых связей между Северо-Восточной Русью и Золотой Ордой. П.В.Чеченков (НГПУ, Нижний Новгород), анализируя взаимоотношения Золотой Орды и Нижегородской земли в конце XIV-первой четверти XV вв., отметил большое влияние ордынской политики на судьбы великого Суздальско-Нижегородского княжества. Доклад Б.М.Пудалова (Н.Новгород) был посвящен анализу новооткрытого письменного источника по истории борьбы за Нижегородский край в первой трети XV в. — «Разрешительной молитвы» митрополита Фотия по кн.Даниилу Борисовичу. В.Д.Назаров (Институт всеобщей истории РАН, Москва) в своем докладе проанализировал сохранившееся докончание князей В.Ю. и Ф.Ю.Шуйских с князем Дмитрием Шемякой. Всесторонний источни-

коведческий анализ позволил докладчику убедительно обосновать датировку окончания июнем-сентябрем 1445 г. А.М.Колызин (Музей Кремля, Москва) подробно рассмотрел историю и основные направления торговли Москвы в XII - середине XV вв. по данным письменных источников, археологии и нумизматики. Д.Ю.Кривцов (ННГУ, Нижний Новгород) сделал попытку доказать вымышенность летописного известия об исцелении ханши Тайдулы митрополитом Алексеем. Сообщение И.А.Егорьковой (НГПУ, Нижний Новгород) было посвящено анализу версии о преставлении Александра Невского в Городецком Федоровском монастыре. Комплексный анализ исторических источников позволил докладчику убедительно доказать, что утверждение о смерти Александра Невского в Городецком Федоровском монастыре не имеет под собой основания и является мифом, родившимся в XIX веке. В сообщении Л.В.Смирновой (НГПУ, Нижний Новгород) были рассмотрены возможности писцовых книг XVII в. как источника по этнической истории Нижегородского Поволжья.

Оживленную дискуссию вызвал доклад К.А.Аверьянова (Институт российской истории, Москва) о термине «тьма» русских источников. Анализируя употребление этого термина в летописных и документальных источниках, докладчик попытался обосновать утверждение, что «тьма» - это мелкая административно-территориальная и податная единица в русско-ордынском пограничье. Против такого толкования термина и интерпретации источников возражали В.Д.Назаров (Москва) и Б.М.Пудалов (Н.Новгород). Они обратили внимание на слишком большое число допущений. По их мнению, наименее гипотетично понимание «пяти тем» Сузdalско-Нижегородской земли как пяти крупных областей-уделов бывшего великого княжества.

Конференция ставила своей целью объединить усилия исследователей в выработке объективного взгляда на прошлое Поволжья и сопредельных территорий и именно таким образом отдать долг памяти Ученому, Учителю, Просветителю. Без сомнения эта цель была достигнута.

Вот что об этом говорят участники конференции. «Доклады, прочитанные на конференции, не просто внесли что-то новое в науку. Они обогатили историю России вперед на несколько поколений» (В.Л.Егоров, Государственный исторический музей, Москва). «Конференция организована и проведена на уровне самых высоких международных стандартов. Это большая честь участвовать в такой серьезной конференции. Не каждому солидному вузу по плечу такая большая работа» (С.И.Валиуллина, Казанский госуниверситет). «Я уверен, что конференция принесла большую пользу. Мы все очень признательны нижегородцам за то, что они взяли на себя труд организовать эту конференцию. Она так и войдет в историю как. Первая конференция памяти Г.А.Федорова-Давыдова» (Л.Т.Яблонский, Институт археологии РАН). «Я очень благодарна организаторам конференции. Приятно было увидеть здесь вместе большинство учеников Германа Алексеевича и убедиться в том, что они достойно

продолжают его дело, изучая проблемы средневековой истории Поволжья» (М.Д.Полубояринова, Институт археологии РАН).

Можно считать, что Нижний Новгород не случайно стал местом проведения конференции. Его историческая судьба тесно вплетена в те проблемы, решению которых посвятил свою жизнь Г.А.Федоров-Давыдов. И то, что конференция проходила в стенах одного из старейших в России педагогических вузов, наверное, тоже не случайно. В ней активно участвовали и студенты исторического факультета, и учителя, имея возможность не только слушать доклады, но и общаться с учеными, задавать вопросы, получать консультации.

По инициативе декана исторического факультета НГПУ к.и.н. О.Ю.Макарова был проведен круглый стол и выработана программа научного сотрудничества как с вузами, так и с академическими институтами. Ряд ученых дал свое согласие прочитать для нижегородских студентов циклы лекций по средневековой истории Поволжья. Высказано предложение совместными усилиями организовать летнюю молодежную научную школу по средневековой проблематике Поволжского региона.

Для участников конференции была организована культурная программа «Старый Нижний», осуществление которой стало возможным благодаря спонсорской поддержке ООО «Фирма Промстрой и К» (директор А.А.Сулимов), уже много лет сотрудничающего с археологами.

В резолюции, принятой на заключительном заседании, получила высокую оценку работа кафедры истории России НГПУ, которая не только организовала конференцию, но и продемонстрировала серьезную исследовательскую деятельность. Участники конференции выражали благодарность Российскому гуманитарному научному фонду за финансовую поддержку, нижегородским коллегам за высокий уровень организации работы конференции, прекрасные условия для творческого общения. Было принято решение конференции памяти выдающегося российского ученого Г.А.Федорова-Давыдова сделать регулярными и проводить их 2 раза в пять лет. Следующую конференцию было решено провести в Казани в 2003 году. А эта конференция навсегда останется первой. Будем надеяться, что традиции, заложенные на ней, будут сохраняться не только учениками Г.А.Федорова-Давыдова, но и учениками его учеников, всеми, кто выбрал нелегкий путь поиска и открытий в науке.

T.B.Гусева

Памяти Т.А.Хлебниковой

17 июля 2001 года ушла из жизни Хлебникова Тамара Александровна - известный ученый, связавший судьбу с археологией. До последнего дня она была на работе: знакомилась с проводимыми раскопками на территории Казанского Кремля, давала советы по вскрытию культурных напластований, обработке полученного материала, просматривала научные отчеты. Археологией Т.А.Хлебникова начала интересоваться еще в студенческие годы. С первого курса учебы в Казанском университете она участвовала в археологических разведках, проводимых Николаем Филипповичем Калининым, а также обследованиях Казанского Кремля. Основную роль в формировании Тамары Александровны как ученого сыграл Алексей Петрович Смирнов, возглавлявший с конца тридцатых до конца шестидесятых годов Булгарскую археологическую экспедицию. А.П.Смирнов в памяти Тамары Александровны всегда был талантливым ученым, великолепным организатором, кристально чистым человеком. Когда в последние годы заходил разговор о стратиграфии культурного слоя Казанского Кремля, она часто начинала свои выступления с того, какое внимание уделял стратиграфии Болгарского городища А.П.Смирнов. «Стратиграфия - основа основ в исследовании археологических объектов», - часто говорила Т.А.Хлебникова. Осмотры раскопов в Болгарской экспедиции (по ее воспоминаниям) начинались с анализа стратиграфии культурного слоя. А.П.Смирнов проводил эти обсуждения с приглашением не только руководителей раскопов, но и всех желающих. При осмотрах раскопов решались самые важные научные вопросы экспедиции. Эти обсуждения были школой, своеобразными семинарами. Они, при активном участии Т.А.Хлебниковой, стали проводиться и в Казанском Кремле. В Кремлевской археологической экспедиции Тамара Александровна организовала четкую обработку материала, найденного при раскопках. Ею систематизирована основная часть керамики, найденной при раскопках на территории Казанского Кремля. Член-корреспондент РАН директор Института археологии РАН Р.М.Мунчаев отмечал, что результаты анализа керамического материала, полученные Тамарой Александровной, являются основным источником при определении возраста города Казани.

Тамара Александровна родилась в 1928 году в Башкортостане в семье крестьян. Вскоре после рождения дочери семья переехала в город Казань. В Казани в 1946 году Тамара Александровна закончила среднюю школу. В том же году она поступила в Казанский



университет на историческое отделение историко-филологического факультета. На формирование ее жизненной позиции в значительной степени повлияла обстановка послевоенных лет, царившая в университете. В студенческие аудитории сели многие молодые люди, опаленные пламенем войны, познавшие цену жизни и проявлявшие огромный интерес к знаниям. Тамару Александровну больше влекла археология. После окончания университета она в 1952 году поступила в аспирантуру по специальности «археология» в Государственный исторический музей (ГИМ, г.Москва). Ее научным руководителем был А.П.Смирнов. Темой диссертации Тамары Александровны стали «Основные производства волжских булгар». Прошло время и с позиции 2001 года мы видим, что эта тема была очень сложной, трудной, обширной. Но Тамара Александровна не отступала. Ее она продолжала разрабатывать в г.Казани после возвращения в 1957 году. Причины переезда в Казань мне не известны. Возможно, на этом настаивали ее родители, заметно постаревшие к тому времени. Обычно перед трудностями Тамара Александровна не отступала. А их вставало очень много. На преодоление трудностей уходило много сил и здоровья. Вот один из примеров. В 1957 году руководство ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР обещало ее принять на работу на должность младшего научного сотрудника, а когда она уволилась в Москве, нашлась лишь ставка лаборанта. Руководство уверяло, что это будет год-два, а затянулось на три года. В 1957 году она была достаточно подготовленным специалистом на должность младшего научного сотрудника с солидным опытом и знаниями, имела публикации.

В 1962 году вышли две солидные работы Тамары Александровны, посвященные анализу булгарской керамики домонгольского периода («Гончарное производство волжских болгар X- начала XIII вв.// МИА, 1962, №111, с.93-152; раздел по керамике с булгарского селища у с.Рождествено в коллективной монографии «Археологические памятники у с.Рождествено», Казань - 1962, с.61-79). Данные работы не утратили научной значимости и поныне.

В 1964 году Тамара Александровна защитила кандидатскую диссертацию на тему «Основные производства волжских болгар». Вскоре ВАК утвердил защиту и она получила диплом. Но на должность старшего научного сотрудника Хлебникова Т.А. была переведена лишь в 1972 году. Но так случалось не всегда и не у всех. Исследователь впервые предложила новую систему классификации булгарской гончарной посуды домонгольского периода. Это позволило выявить своеобразие многих керамических комплексов. Данные статьи используются многими современными исследователями. В шестидесятые и семидесятые годы Тамара Александровна активно вела полевые исследования на болгарских поселениях. Ею были проведены раскопки на Танкеевском, Алексеевском, Суварском городищах, других памятниках. В конце шестидесятых годов Тамара Александровна приняла руководство Болгарской экспедицией от Алексея Петровича Смирнова. Обязанности руководителя экспедицией принес-

ли новые трудности (нужно было находить средства для проведения раскопок на Болгарском городище, заниматься организацией реставрационных работ, музееификацией выявленных объектов). Шаг за шагом вместе с Д.Мухаметшиным (в то время директором Болгарского заповедника) они четко проводили археологические исследования древнего Болгара, привлекли многих ведущих археологов для работ на этом памятнике.

В начале восьмидесятых годов Т.А.Хлебникова организовала подготовку «Очерков по истории и культуре города Болгара». Эта инициатива была поддержана многими исследователями, в том числе известным ученым Г.А.Федоровым-Давыдовым, взявшим на себя труд ответственного редактора. В настоящее время вышли четыре тома, идет работа над пятым томом, посвященном роли города Болгара в формировании духовной культуры народов Поволжья. Основную тяжесть работ по многотомнику несла Тамара Александровна. Она вела активную переписку с авторами, организовывала обсуждение готовых работ, занималась компоновкой разделов, редактированием, правкой корректуры и т.д. Надо отметить, что специального финансирования по данной работе не было. Но тома готовились и издавались. В России можно назвать немного памятников археологии, которые изучались бы так последовательно и целеустремленно как Болгары. Вклад в это Тамары Александровны трудно переоценить.

В 1986 году по возрасту (ей было тогда 58 лет) она ушла на пенсию. Было сокращение штатов. Тамара Александровна никого не упрашивала, чтобы остаться на работе. Это было не в ее характере. Будучи на пенсии, она продолжала заниматься «Очерками» по городу Болгару.

В середине девяностых годов в связи с расширением работ в Казанском Кремле многие сотрудники предложили для организации работ экспедиции пригласить в качестве консультанта Тамару Александровну. И не ошиблись! В экспедиции с приходом Тамары Александровны наладилась система работы. Еженедельно стали проводиться обходы и обсуждения раскопов (как в Болгарах). Тамара Александровна добивалась того, чтобы всегда была в порядке экспедиционная документация (чертежи, дневники, описи). Вместе с жесткой требовательностью она проявляла большую заботу о людях коллективов экспедиций. Особенно это ярко проявлялось в Болгарах. Там где была в экспедициях Тамара Александровна, не было места лентяям.

До последнего дня Тамара Александровна была на работе в Казанском Кремле. Казанцы будут помнить ее, восхищаться ее трудолюбием, беззаветным служением науке.

П.Н.Старостин

Сведения об авторах

Фахрутдинов Равиль Габдрахманович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории АНТ, специалист по археологии и истории Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства.

Терещенко Александр Власьевич (1806-1865) - русский этнограф и археолог, полковник, член Археографической комиссии, руководитель первых широкомасштабных археологических раскопок Царевского городища, остатков одной из столиц Золотой Орды – Сарай-Берке (Сарай ал-Джадид, Новый Сарай) в 1843-1851 гг.

Лебедев Валентин Петрович – кандидат физико-математических наук, нумизмат-ориенталист, автор работ по джучидским монетам, средневековым монетам Закавказья и Средней Азии.

Клоков Василий Борисович – коллекционер-нумизмат, автор работ по джучидским монетам.

Набиуллин Наиль Гатиятуллович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АНТ, специалист по археологии Волжской Булгарии.

Баранов Вячеслав Сергеевич – научный сотрудник Булгарского государственного историко-архитектурного заповедника, специалист по средневековой археологии Среднего Поволжья.

Руденко Константин Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Национального музея Республики Татарстан, специалист по средневековой археологии Восточной Европы.

Асылгараева Гульшат Шарифзяновна - младший научный сотрудник Института истории АНТ, остеолог.

Ельников Михаил Васильевич – научный сотрудник Запорожского государственного университета (Украина), специалист по средневековой археологии Нижнего Поднепровья, степного мира Северного Причерноморья.

Армарчук Екатерина Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН, специалист по культуре среднеазиатского средневекового города, по археологии и истории огузов.

Недашковский Леонард Федорович – кандидат исторических наук, главный хранитель Археологического музея Казанского государственного университета им.В.И.Ульянова (Ленина), специалист по археологии золотоордынских городов.

Гусева Татьяна Владимировна – кандидат исторических наук, заведующая кафедрой истории России Нижегородского государственного педагогического университета, специалист по археологии и истории средневековых городов Поволжья.

Старостин Петр Николаевич – кандидат исторических наук, заведующий Центром археологических исследований Института истории АНТ, специалист по первобытной и раннесредневековой археологии Поволжья и Приуралья.

Список сокращений

- АКУ** – Археологические коллекции (Казанского) университета
АЛЛУ – Археологічний літопис Лівобережної України
АО – Археологические открытия
АП УРСР – Археологічні пам'ятки УРСР
АЭМК – Археология и этнография Марийского края
БГИАЗ – Булгарский государственный историко-архитектурный заповедник
ВАК – Высшая аттестационная комиссия
ГИМ – Государственный исторический музей
ГОМРТ – Государственный Объединенный музей Республики Татарстан (ныне Национальный музей Республики Татарстан)
ГПУ – Государственный педагогический университет (Ульяновский, Воронежский)
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ДСПК – Древности Степного Причерноморья и Крыма
ЖМВД – Журнал Министерства внутренних дел
ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗОКМ (ЗКМ) – Запорожский областной краеведческий музей (Запорожский краеведческий музей)
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
ИА АН УССР – Институт археологии АН УССР
ИА НАН Украины – Институт археологии НАН Украины
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук
ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИИ АНТ – Институт истории Академии наук Татарстана
ИЯЛИ АНТ – Институт языка, литературы и истории им.Г.Ибрагимова Академии наук Татарстана
ИИЯЛ – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН
КГУ – Казанский государственный университет им.В.И.Ульянова (Ленина)
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МГУ – Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МК РО – Министерство культуры Российской Федерации
НА ИА НАН Украины (НА ИА НАН України) – Научный архив Института археологии НАН Украины

- НГПУ** – Нижегородский государственный педагогический университет
- НМ РТ** – Национальный музей Республики Татарстан
- ННГУ** – Нижегородский государственный университет
- НЭ** – Нумизматика и эпиграфика
- ОАИЭ** – Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете
- ПАП** – Проблемы археологии Поднепровья
- ПАЭ** – Поволжская археологическая экспедиция
- ПСРЛ** – Полное собрание русских летописей
- РА** – Российская археология
- РАЕН** – Российская Академия естественных наук
- РГНФ** – Российский гуманитарный научный фонд
- СА** – Советская археология
- САИ** – Свод археологических источников
- ТА** – Татарская археология
- ТГГИ** – Татарский государственный гуманитарный институт
- Труды АС** – Труды археологического съезда
- ЦМТР** – Центральный музей Татарской Республики (ныне Национальный музей РТ)
- ЮТАКЭ** – Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция

Поправки

Имя **Владислава Александровича Могильникова**, автора статьи «Гилево VII, курган 4 – памятник кимаков на Верхнем Алтае» в №1-2 (6-7) 2000 г. нашего журнала, по вине редакции, ошибочно передано в форме «Владимир» (с.19, 230), за что мы просим прощения у уважаемого автора.

Редакция ТА приносит также свои извинения **Наилю Измаиловичу Таирову** за ошибку в передаче названия родной деревни известных татарских фабрикантов и меценатов Акчуриных Старое Тимошкино бывшей Симбирской губернии в форме «Старое Ромашкино» (с.212).

Шеф-редактор — **Рафаэль Хакимов**
Главный редактор — **Равиль Фахрутдинов**

Редакционная коллегия:

Евгений Казаков

(Институт истории Академии наук Татарстана)

Марк Крамаровский

(Госэрмитаж, г. Санкт-Петербург)

Леонид Кызласов

(Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)

Азгар Мухамадиев

(Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина)

Джамиль Мухаметшин

(Булгарский государственный историко-архитектурный заповедник,
г. Булгар, Республика Татарстан)

Светлана Плетнева

(Институт археологии Российской Академии наук, г. Москва)

Рашо Рашев

(Шуменский филиал Археологического института
Болгарской Академии наук, г. Шумен, Болгария)

Петр Старостин

(Институт истории Академии наук Татарстана)

Иштван Фодор

(Венгерский национальный музей, г. Будапешт, Венгрия)

Светлана Червонная

(Институт этнологии и антропологии Российской Академии наук,
г. Москва)

✉ Адрес редакции: 420111, г. Казань, ул. Кремлевская, 9

Институт истории Академии наук Татарстана,

☎ Телефон: (8432) 92-92-64, 92-84-82

✉ E-mail: history@ih.kazan.ru, history@vega.kcn.ru

Дизайн обложки — Миляushi Хасановой. Оригинал-макет — Лии Зигангареевой.

Объем п. л. Подписано к печати Тираж 999 экз.

Отпечатано ЦИТИД УДП РТ. Заказ № 308